

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

14 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 14 (617) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Николаевич Зинин* (1812–1880), русский химик-органик.

Родился Николай Николаевич в г. Пензе, о чем сам написал в автобиографии, хотя некоторые источники указывают местом рождения Шушу (Карабахское ханство, с 1805 года бывшее фактически под контролем России), где он действительно он жил в младенчестве, поскольку его отец, Николай Иванович Зинин, находился там с дипломатической миссией. Во время свирепствовавшей на Кавказе первой пандемии холеры родители Зинина погибли, и мальчик был отправлен к дяде в Саратов, где в 1820 году поступил в мужскую гимназию. По ее окончании он стал казеннокоштным студентом на математическом отделении философского (позднее — физико-математического) факультета Казанского университета. В студенческие годы Зинин был увлечен математикой и астрономией, которые изучал под руководством Николая Лобачевского. После окончания университетского курса со степенью кандидата и золотой медалью за сочинение «О пертурбациях эллиптического движения планет» в 1833 году он получил предложение продолжить учебу в Профессорском институте в Дерпте, но отказался. Он остался в Казани, где стал преподавать аналитическую механику, гидростатику и гидродинамику.

Николай Николаевич Зинин считал себя в первую очередь математиком и не интересовался химией. Однако по предложению профессора Лобачевского Зинин стал читать курс теоретической химии.

В 1836 году он получил степень магистра физико-математических наук, защитив диссертацию «О явлениях химического сродства и о превосходстве теории Берцелиуса о постоянных химических пропорциях перед химическою статикою Бертолле». А затем по ходатайству попечителя университета Михаила Николаевича Мусина-Пушкина Зинин был направлен для совершенствования образования на три года за границу. Большое влияние на выбор направления его исследований оказал знаменитый немецкий химик Юстус фон Либих, в лаборатории которого ученый проработал около года.

В 1839 году Зинин опубликовал в журнале *Liebig's Annalen der Chemie* статью, в которой сообщал о найденном им способе превращения горько-миндального масла в бензоин. Вторая статья русского химика, опубликованная в том же издании, рассказывала о бензойных соединениях. Эти работы составили докторскую диссертацию Зинина, которую он защитил после возвращения в Россию в 1841 году. Название диссертации было сформулировано так: «О соединениях бензоила и об открытых новых телах, относящихся к бензoiловому ряду».

После Николай Николаевич вернулся в Казань, где в течение следующих семи лет возглавлял кафедру химической технологии Казанского университета. Зинин основал знаменитую казанскую школу химиков, ставшую одним из основных центров химических исследований в России в XIX веке.

В 1848 году Николай Николаевич, получив приглашение занять должность профессора химии в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, переехал в Петербург; впоследствии он был избран академиком Петербургской академии наук.

Основным направлением работы ученого стали исследования в области органической химии. Он разработал методы получения бензоина из бензальдегида, а также бензила из бензоина. Тогда же ученый впервые синтезировал бензиловую (дифенилгликолевую) кислоту, описал ее свойства и установил состав. В 1842 году Зинин открыл реакцию восстановления ароматических нитросоединений («реакция Зинина»), послужившую основой новой отрасли химической промышленности — анилокрасочной.

Совместная работа ученого с молодым инженером-артиллеристом Василием Петрушевским привела к решению проблемы получения и использования сильнейшего взрывчатого вещества — нитроглицерина. Ученые трудились над созданием взрывчатой композиции, безопасной при транспортировке. В итоге был найден хороший вариант — пропитка нитроглицерином карбоната магния. Об этом Зинин рассказывал своему соседу по даче Альфреду Нобелю, сыну Эммануила Нобеля — владельца завода по производству мин. Идея пригодилась Альфреду Нобелю спустя несколько лет. Во время транспортировки нитроглицерина одна из бутылей разбилась, и жидкость пропитала инфузорную землю, насыпанную между бутылками. Нобель, вероятно, вспомнивший рассказы Зинина о том, что нитроглицерином следует пропитывать порошкообразные вещества, быстро оценил свойства образовавшейся композиции, названной впоследствии динамитом и принесшей ему громадные прибыли. Узнав всё это, Зинин заметил: «Этот Альфред Нобель выхватил у нас динамит из-под носа».

Николай Николаевич был почетным членом многих русских и иностранных научных обществ, академий и университетов.

Вместе с Александром Воскресенским Зинин фактически основал школу русских химиков — его учениками были Александр Бутлеров, Николай Бекетов, Александр Бородин.

В 1868 году вместе с Дмитрием Менделеевым, Николаем Меншуткиным и другими учеными Зинин выступил организатором Русского химического общества, а затем в течение десяти лет являлся его президентом.

Николай Зинин умер 6 февраля 1880 года в Санкт-Петербурге и был похоронен на Смоленском кладбище. После смерти ученого Русское химическое общество учредило премию имени Николая Николаевича Зинина и Александра Абрамовича Воскресенского за лучшие работы в области химии.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аксёнова С. С., Литвишко Е. О.

Правовые проблемы борьбы с самовольным занятием земельных участков 135

Барсегян А. В.

Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов: коллизия семейного и корпоративного права..... 136

Белая А. А.

Порядок исследования доказательств в уголовном судопроизводстве 140

Березкина К. Р.

Влияние дисклеймера на уголовную ответственность 142

Бескурников С. В.

Правовые последствия утечки персональных данных для корпорации и ее должностных лиц 144

Бижигитова М. А.

Организационноправовые механизмы защиты трудовых прав педагогических работников в современной России 146

Вавилова С. В.

Понятие и значение системы административной ответственности в области организации дорожного движения..... 148

Вавилова С. В.

Предупреждение и штраф как санкции за правонарушения в области организации дорожного движения..... 150

Варварычев А. А.

Институт контрольно-надзорной деятельности в современной России..... 152

Власов К. И.

Конфиденциальность в социальных сетях и мессенджерах: правовые ограничения на сбор и анализ данных..... 154

Воронина Е. В.

Система транспортных договоров в гражданском праве России: вопросы теории и правоприменительной практики 156

Гамзатова П. Г.

Соотношение категорий «контроль» и «надзор» в теории административного права и их отражение в действующем законодательстве..... 159

Ермолаева Н. А.

Понятие и правовые аспекты проведения экспертизы в уголовном процессе 161

Ермолаева Н. А.

Особенности оценки заключения эксперта в уголовном процессе..... 163

Иванова А. В.

Новеллы в законодательстве о защите прав потребителей: проблемы учета износа при возврате технически сложных товаров.... 166

Иванова В. А.

Конфликт интересов законного представителя и несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе России: пробелы правового регулирования и пути их преодоления..... 169

Калимуллина Ч. Р.

Проблемы обеспечения законности в деятельности органов следствия и дознания: возможности и пределы прокурорского надзора..... 173

Каппушев Р. Ю.

Коммерческий подкуп как преступление по статье 204 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы квалификации 174

Касымов Д. И., Трапезникова Д. С.

Правовые последствия несовпадения позиций обвиняемого и защитника в процессе уголовной защиты..... 178

Кириленко К. А.

Судебный контроль на стадии исполнения приговора..... 180

Ковалев А. В., Лотарева Н. В.

Пределы договорной автономии: поиск
баланса между частной волей и публичным
порядком в гражданском праве России 183

Конюхова А. С.

Понятие буллинга в уголовном
судопроизводстве и его основные признаки ... 185

Куликов Д. В.

Оставление в опасности (статья 125 УК РФ):
дискуссионные аспекты квалификации 188

Курган В. А.

Особенности преемства ограниченных
вещных прав 190

Куртуков Р. С.

Процессуальные аспекты реализации
права на предъявление иска ограниченно
дееспособными и несовершеннолетними
лицами: критический анализ содержания
статьи 135 ГПК РФ 192

Кучеренко А. В.

Принцип соразмерности
(пропорциональности) в системе принципов
административной ответственности:
соотношение со справедливостью
и индивидуализацией 194

Никитина А. А.

Актуальные вопросы прекращения
уголовного дела по нереабилитирующим
основаниям 198

Никоноров Л. В.

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией
в России 200

Новоржевская В. О.

Проблемы подсудности военным судам
административных и гражданских дел:
пути и способы их решения 202

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовые проблемы борьбы с самовольным занятием земельных участков

Аксёнова София Сергеевна, студент;

Литвишко Евгений Олегович, студент

Научный руководитель: Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Самовольное занятие земельных участков остается одной из наиболее острых и актуальных проблем в сфере земельных отношений, затрагивающей как интересы частных собственников, так и публичные интересы государства и муниципалитетов. С юридической точки зрения, самовольное занятие земельного участка является нарушением норм Земельного кодекса Российской Федерации и других законодательных актов, регулирующих земельные правоотношения. Экономические последствия проявляются в виде недополученных доходов от использования занятых земель, затрат на восстановление нарушенных прав, а также в виде препятствий для привлечения инвестиций и развития территорий.

Ключевые слова: незаконное владение, захват территории, самовольная постройка, освобождение земельного участка.

Самовольное занятие земельных участков представляет собой серьезное нарушение земельного законодательства, подрывающее основы правопорядка и эффективного использования земель. Данная проблема имеет комплексный характер, затрагивая как гражданско-правовые, так и административно-правовые аспекты.

Данное деяние, представляя собой одно из наиболее распространенных и социально значимых нарушений земельного законодательства, продолжает оставаться серьезной проблемой в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена не только прямым нарушением прав собственников и законных пользователей земли, но и созданием препятствий для градостроительного развития, рационального землепользования и освоения территорий.

«Самовольное занятие земельного участка — самое распространенное нарушение в сфере земельного законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность по статье 7.1 КоАП РФ.

Определение данному понятию в действующем законодательстве отсутствует. При этом, исходя из судебной практики, а так же руководствуясь комментариями к КоАП РФ, под самовольным занятием земельного участка подразумевается умышленное занятие земельного участка путем установления ограждений, размещения на участке объектов капитального и некапитального строительства, без наличия правоустанавливающих документов, оформленных в соответствии с действующим законодательством, при этом должен быть установлен факт нарушения прав и интересов третьих лиц» [3].

При этом правовые нормы, обязывающие собственников и землепользователей уточнять границы земельного участка или устранять какие-либо ошибки за счёт собственных средств, действующим законодательством не предусмотрены.

«К самовольному занятию, в частности, отнесено: использование земельного участка до принятия соответствующим органом исполнительной власти решения о его предоставлении; огораживание участка, принятие мер, препятствующих доступу законных владельцев; противоправная застройка земельного участка; расширение границ земельного участка путём самовольного (необоснованного) вынесения ограждения земельного участка за его фактические границы, а также размещение строений или осуществление складирования за границами предоставленного гражданину участка» [4].

Одной из ключевых правовых проблем доказывания совершения данного деяния является сложность в разграничении самовольного занятия и иных форм пользования землей, например, арендных отношений, возникающих без должного документального оформления. Недостаточно четкие критерии определения момента возникновения самовольного занятия, а также трудности в сборе доказательственной базы могут существенно затруднять процесс привлечения нарушителей к ответственности.

Длительность судебных процедур, связанных с истребованием имущества из чужого незаконного владения, также способствует укоренению незаконных построек, усложняя их последующий демонтаж.

В настоящее время распространенность самовольного захвата земель достаточно высока, но каких-либо законотворческих инициатив в направлении криминализации данного правонарушения не наблюдается. В то же время представители юридической науки продолжают обосновывать необходимость уголовно-правового запрета данного правонарушения, приводя доводы различной степени убедительности.

При самовольном занятии земельного участка имеет место нарушение прав его собственника, владельца, пользователя или арендатора, органа власти или органа местного самоуправления, осуществляющих распоряжение данным земельным участком. В соответствии со статьёй 60 Земельного кодекса Российской Федерации нарушенное право на земельный участок путём его самовольного занятия подлежит восстановлению, т. е. самовольно занятый земельный участок должен быть освобождён лицом, его занявшим.

Самовольно занятые земельные участки возвращаются их законным собственникам, владельцам, пользователям и арендаторам без возмещения затрат, произведенных лицами, занявшими эти участки, за всё время незаконного использования этих земельных участков. Приведение земельных участков в пригодное для дальнейшего использования состояние, снос зданий, строений, сооружений, возведённых за время их самовольного занятия, осуще-

ствляется лицами, виновными в самовольном занятии земельных участков, или за их счет.

В арбитражной и общей судебной практике существует множество примеров, когда суды удовлетворяют иски собственников о возврате самовольно занятых земель и взыскании причиненных убытков. Важным моментом при рассмотрении таких дел является доказательство факта незаконного занятия и размера причиненного ущерба. Для этого могут быть привлечены эксперты, оценщики, а также представлены различные документы, подтверждающие законные права на земельный участок.

С целью предотвращения самовольных захватов, органы государственного земельного надзора осуществляют регулярные проверки. При выявлении нарушений, они выносят предписания о приведении земельного участка в первоначальное состояние и устранении нарушений, а также составляются протоколы об административных правонарушениях. Игнорирование таких предписаний лишь усугубляет ситуацию и может привести к дополнительным санкциям.

В заключение следует подчеркнуть, что самовольное занятие земельных участков является серьезным нарушением, которое может повлечь за собой комплекс юридических последствий. Собственники и законные пользователи земель должны активно защищать свои права, а лица, планирующие использовать чужой участок, обязаны убедиться в наличии законных оснований для этого.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Дементеев, Е. В. Актуальные вопросы квалификации правонарушений по статье 7.1 КоАП РФ / Е. В. Дементеев // Молодой ученый. — 2019. — № 1 (239). — С. 103–106.
4. Суворов, И. С. Проблемы доказывания самовольного занятия земель при осуществлении государственного земельного надзора / И. С. Суворов // Молодой ученый. — 2021. — № 10 (352). — С. 121–123.

Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов: коллизия семейного и корпоративного права

Барсегян Ани Вардановна, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье исследуется доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект совместно нажитого имущества. Проводится анализ проблем, возникающих при регулировании отношений по поводу доли в уставном капитале общества, а именно коллизии норм семейного и корпоративного законодательства. Обращается внимание на проблемы, возникающие в случае заключения брачного договора в отношении доли уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, раздела доли уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, а также вопросу относительно получения согласия супруга на выход другого супруга из участников общества. В заключение формулируется вывод о необходимости соблюдения баланса между интересами супруга, не являющегося титульным владельцем доли уставного капитала общества и интересами хозяйственного общества, как стабильного гражданско-правового сообщества, включая интересы его участников.

Ключевые слова: доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, совместная собственность супругов, раздел имущества, корпоративные права, согласие супруга, выход из общества.

Общество с ограниченной ответственностью на сегодняшний день — наиболее популярная организационно-правовая форма, которую выбирают российские предприниматели для ведения своего бизнеса. В связи с чем, одна из актуальных проблем современного правоприменения — это отношения по поводу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее «доля ООО»), возникающие на стыке семейного и корпоративного права. Как правильно, отмечает в своей статье Д. О. Османова [1] «конфликт между семейными и корпоративными интересами преимущественно возникает в ситуации, когда хозяйственное общество учреждено не одним лицом (кем-либо из супругов), а объединением нескольких лиц». Так как, с одной стороны, доля ООО, приобретенная одним из супругов в период брака за счет общих доходов, в силу прямого указания ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) является их совместной собственностью, то на правоотношения между супругами по поводу доли ООО распространяется действие норм семейного права. А с другой стороны возникают правоотношения между участниками общества и самим обществом, которые, в свою очередь, регулируются корпоративным законодательством (Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», (далее — ФЗ об ООО)).

Данная коллизия порождает ряд сложных теоретических и практических вопросов, например, таких как: каково правовое положение супруга, не являющегося титульным владельцем доли? Выход участника из общества — это: сделка по распоряжению совместным имуществом супругов или это личное, а точнее корпоративное право супруга — титульного владельца доли ООО, на которое не распространяется действие семейного законодательства? Возможно ли, осуществить раздел доли ООО? Каковы правовые последствия, если устав содержит запрет на передачу доли ООО к иным лицам? Возможно ли, заключить брачный договор по поводу доли ООО, устанавливающий режим раздельной собственности на эту долю в пользу супруга, не являющегося титульным собственником? Настоящая статья представляет собой попытку ответить на эти вопросы с учетом действующего законодательства и судебной практики.

Общность имущества супругов предусмотрена нормами семейного законодательства, и как уже выше отмечалось, доля ООО также является их совместным имуществом. При этом стоит отметить, что и в научном сообществе, и в судебной практике, обоснованно отмечается, что доля ООО является сложным специфическим объектом, который характеризуется двумя составляющими: имущественной и корпоративной. Имущественная составляющая включает в себя, например, право на получение дохода от деятельности общества, право на дей-

ствительную стоимость доли ООО, а в случае ликвидации общества на часть имущества. Корпоративная составляющая наделяет владельца доли ООО правом принимать участие в управлении общества, а также быть в курсе относительно состояния общества, то есть получать разную информацию о деятельности общества.

Семейное законодательство, признавая долю ООО объектом совместной собственности супругов, исходит из ее имущественной природы. Однако и гражданское и корпоративное законодательство связывают с обладанием долей ООО не только имущественные, но и корпоративные права, которыми обладают только те лица, которые являются участниками общества. Согласно ст. 65.2 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) участники вправе участвовать в управлении делами общества, получать информацию о его деятельности, знакомиться с бухгалтерской и иной документацией, обжаловать и оспаривать решения общества.

Например, по поводу необходимости получения согласия супруга на выход супруга — титульного владельца доли ООО из числа участников общества до сих пор ведутся дискуссии. Законодатель считает действия, направленные на выход из общества сделкой. Согласно ст. 26 ФЗ об ООО заявление о выходе из общества должно быть нотариально удостоверено по правилам, установленным для удостоверения сделок. Таким образом, выход участника — это сделка, которая в силу закона подлежит нотариальному удостоверению. В случае выхода из общества участник получает право требовать выплаты действительной стоимости доли ООО. То есть, это также сделка по распоряжению общим имуществом супругов. В силу ст. 35 СК РФ для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

Другой подход основан на привилегии корпоративного права, акцент сделан на том, что заявление о выходе направлено на прекращение корпоративных прав, а, следовательно, **право на выход — это личное корпоративное право участника, а не сделка по распоряжению имуществом**. Сторонники данного подхода настаивают на том, что право на выход может быть ограничено лишь нормами корпоративного законодательства или же уставом общества, нормы семейного законодательства в этом случае не применимы. Например, Ю. Н. Стражевич и О. И. Босык в своей статье отмечают «если в своем уставе общество предусматривает запрет на включение в состав участников новых лиц, то согласие на выход супруга из ООО требоваться не должно, так как супруг не вправе обязывать другого оставаться участником общества, если тот этого не желает» [2].

Позиция судов в этом вопросе не однозначна. Одни суды подходят к решению таких споров с точки зрения формального подхода, указывая на то, что выход участника — это сделка, она подлежит нотариальному удостоверению, а значит, необходимо получить нотариальное согласие супруга. Другие суды приходят к выводу, что согласие супруга не требуется, так как права супруга — не титульного владельца доли не нарушаются, он не лишается права на общее имущество, его имущественные интересы реализуются выплатой действительной стоимости доли.

Верховный Суд РФ в определении от 09.08.2021 № 310-ЭС21-12927 занял относительно данного вопроса следующую позицию: оспаривание выхода участника без согласия супруга возможно, когда имеет место злоупотребление правом и доказано намерение причинить вред супругу путем искусственного исключения имущественных прав из режима совместной собственности. Однако, на мой взгляд, совершая нотариальное действие нотариус руководствуется действующим законодательством, а установление факта злоупотребления правом является исключительной прерогативой судебных органов, поскольку категория «злоупотребление правом» является оценочной и требует анализа всех фактических обстоятельств дела. В связи с чем, нотариус при удостоверении заявления о выходе участника — супруга из общества не может знать намерение супруга, совершающего действия по выходу из общества.

Еще один вопрос возникает при заключении брачного договора, который направлен на прекращение прав на долю ООО супруга — участника общества. Доля ООО является совместно нажитым имуществом супругов, если приобретена в браке за счет их общих доходов. В соответствии со ст. 42 СК РФ супруги брачным договором вправе изменить установленный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. Возникает вопрос: могут ли супруги заключить брачный договор, устанавливающий раздельную собственность на долю в ООО в пользу супруга — не участника общества? Нормы семейного права позволяют такой переход. Однако, суды отмечают [3], «заключение брачного договора, направленного на прекращение прав на долю в ООО супруга — участника общества и, как следствие, на изменение состава участников общества, подпадает под регулирование положений ст. 21 ФЗ об ООО, устанавливающих правила перехода доли в уставном капитале общества к третьим лицам». Получается, что суды, квалифицируют такой брачный договор как сделку, направленную на отчуждение доли ООО, на основании которой происходит переход права на долю ООО, а супруга — не участника общества считают третьим лицом.

Похожий подход прослеживается и в случае разделе доли ООО. Согласно ст. 38 СК РФ раздел совместно нажитого имущества между супругами может быть произ-

веден судом, либо путем заключения соглашения, которое должно быть нотариально удостоверено. В соответствии со ст. 39 СК РФ доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между ними. Однако, суды подчеркивают, что «сам по себе раздел не влечет автоматического возникновения у супруга, не являющегося титульным владельцем, статуса участника общества и, соответственно, корпоративных прав» [4]. Для приобретения такого статуса необходимо соблюдение корпоративных процедур, предусмотренных Законом об ООО и уставом общества. Как разъяснил Верховный Суд РФ «выдел доли ООО ввиду раздела супружеского имущества происходит не в результате сделки и правопреемства, а на основании закона, тем не менее, это не освобождает супруга от необходимости получения согласия других участников, если такое согласие требуется уставом общества» [5].

Можно говорить о том, что суды признают авторитет корпоративного законодательства над нормами семейного кодекса. Супруг — не участник общества, получивший долю ООО в результате раздела, а также и в случае заключения брачного договора, не приобретает «автоматом» статус участника общества. Если уставом общества предусмотрено согласие на вхождение в состав общества или вовсе установлен запрет на принятие третьих лиц в число участников, то такому супругу необходимо получить согласие других участников. В случае отказа он имеет право лишь на имущественную составляющую доли ООО, а именно на выплату ему действительности стоимости.

Конституционный Суд РФ относительно данного вопроса высказался следующим образом: внесение одним из супругов вклада в уставный капитал общества предполагает, что другой супруг дал свое согласие на подобное распоряжение общим имуществом, тем самым согласившись и с положениями устава организации, указывающими на необходимость получения согласия других участников на отчуждение участником своей доли третьим лицам [6].

Возникает вопрос: могут ли участники общества принять меры для внесения в устав изменений в виде запрета на переход доли к третьим лицам, если они узнали о предстоящей процедуре развода у одного из них. Возможно ли, таким образом заблокировать бывшему супругу вхождение в общество, и оставить для него лишь право на выплату действительной стоимости?

Можно ли считать такой подход эффективным, а самое главное, правомерным инструментом защиты бизнеса? Верховный Суд РФ в своем Определении от 1 июля 2024 г. № 306-ЭС23-26474 квалифицировал действия участника, инициировавшего изменение устава накануне развода с целью создания препятствий для вхождения супруги в состав участников, как злоупотребление правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Суд указал, что изменения в устав, внесенные в период, когда процесс раздела общего имущества уже был начат или в непосредственном преддверии такого раздела, с исключительной целью создания искус-

ственных препятствий для вхождения супруга в состав участников, не могут быть признаны законными.

Представляется, что данная правовая позиция направлена на защиту интересов супруга, не являющегося владельцем, однако, в научном сообществе отмечается, что решение, обязывающее передать долю супругу — не участнику общества, фактически создает в компании готовый корпоративный конфликт. Однако, как справедливо отмечают В. К. Андреев [7] и В. А. Лаптев «оценивая случаи раздела супружеского имущества, следует учитывать, что вхождение супруга (ранее не являющегося участником общества) в состав участников корпорации при разделе совместного имущества не является внезапным и непрогнозируемым другими участниками событием, и действующие участники гражданско-правового сообщества должны понимать, что второй супруг (супруга) вправе претендовать на соответствующую долю в уставном капитале не только как на имущество, но и как на участие с приобретением корпоративных прав по отношению к обществу».

В заключении хотелось бы отметить, что проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии устойчивой коллизии между семейным и корпоративным правом в регулировании отношений по поводу доли ООО. Семейное законодательство, основанное на презумпции общности имущества супругов, рассматривает долю ООО, прежде всего, как имущественное благо, подлежащее разделу. Корпоративное законодательство, напротив, акцентирует внимание на личном характере участия в обществе и возможности ограничения состава участников волей большинства.

Судебная практика пытается балансировать между сохранением прав супруга, не являющегося владельцем доли ООО, и интересами, как самого общества, так и его участников. Представляется, что для сохранения такого баланса, а также в целях устранения коллизии между семейным и корпоративным правом, необходимо законодательное закрепление специального порядка распоряжения долей ООО супругом — участником общества, который будет учитывать интересы всех субъектов данных правоотношений.

Для устранения анализируемых в статье проблем предлагаю следующие возможные изменения в законодательство: 1) предусмотреть в ФЗ об ООО специальные правила относительно заключения брачного договора по поводу доли в ООО, разделе доли в ООО между супругами, учитывающие необходимость получения согласия других участников; 2) четкое регулирование процедуры выхода участника из обществ: закрепление в ФЗ об ООО нормы, предусматривающей необходимость получения нотариального согласия супруга при выходе из ООО или же указание в законе на то, что нотариальное согласие не требуется в силу реализации супругом-участником своих корпоративных прав; 3) установление презумпции добросовестности изменений устава, внесенных до возникновения семейного конфликта; 4) предоставление супругу, не ставшему участником в связи с запретом устава, права на получение не только действительной стоимости доли, но и компенсации упущенной выгоды, связанной с утратой корпоративного контроля.

Литература:

1. Османова, Д. О. Противопоставимость условий брачного договора интересам учредителей (участников) хозяйственного общества / Д. О. Османова. — Текст: непосредственный // Хозяйство и право. — 2023. — № 1. — С. 54–74.
2. Стражевич, Ю. Н. Распоряжение долей в уставном капитале общества, находящейся в общей собственности супругов / Ю. Н. Стражевич, О. И. Босык. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — № 3. — С. 270–275.
3. Письмо ФНС России от 30 октября 2020 г. № КВ-4-14/17869@ «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2020)». — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.03.2026).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 24.04.2019. — Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/26869/> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-90104/2021. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.03.2026).
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки ...» — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.03.2026).
7. Андреев, В. К. Корпоративное право современной России / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023. — 432 с. — Текст: непосредственный.

Порядок исследования доказательств в уголовном судопроизводстве

Белая Алёна Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ястребова Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируется порядок исследования доказательств в суде первой инстанции как ключевой элемент судебного доказывания. Рассматриваются его правовые основы, этапы и значение для формирования внутреннего убеждения суда. Особое внимание уделяется роли сторон и суда в обеспечении принципов состязательности и непосредственности.

Ключевые слова: доказательства, исследование доказательств, судебное следствие, уголовный процесс, состязательность, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, УПК РФ.

Институт доказывания является центральным в уголовном процессе, а его кульминацией выступает судебное исследование доказательств. Под исследованием доказательств понимается урегулированная законом деятельность участников судопроизводства по их непосредственной проверке, анализу и оценке в судебном заседании с целью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Именно на данной стадии собранные сторонами сведения проходят наиболее строгую проверку на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Актуальность темы исследования доказательств не просто сохраняется, а трансформируется и усиливается под влиянием технологического прогресса и усложнения общественных отношений. Исследование доказательств перестало быть рутинной процедурой и превратилось в творческий, сложный и многогранный процесс, требующий от юристов высочайшей квалификации, знания новых технологий и безупречного следования закону. От того, насколько эффективно и качественно этот процесс выстроен, напрямую зависит, будет ли вынесен правосудный приговор или произойдёт судебная ошибка, что является самым серьёзным вызовом для любой правовой системы.

Основной проблемой в современном российском уголовном судопроизводстве является сохранение элементов инквизиционного (следственного) процесса в условиях формально провозглашённой состязательности, что приводит к нарушению баланса между обвинением и защитой на стадии судебного следствия.

Статья 240 УПК РФ устанавливает принцип непосредственности исследования доказательств. Она обязывает суд лично ознакомиться с ними посредством заслушивания показаний, осмотров вещественных доказательств, оглашения документов. Эти действия позволяют суду самостоятельно оценить представленные доказательства, формируя собственное мнение, независимо от выводов органов предварительного расследования. Исследуемые доказательства обязательно озвучиваются публично, давая участникам процесса возможность реагировать на каждое из них. При проведении открытого судебного заседания (статья 241 УПК РФ) обеспечивается общественный контроль над процессом принятия судебных

решений, позволяя гражданам убедиться в законности и справедливости осуществляемых процедур.

Исследование начинается с допроса подсудимого, если он согласен давать показания. Согласно статье 274 УПК РФ, первыми вопросы задают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, затем — государственный обвинитель и участники со стороны обвинения. Судья задаёт вопросы после сторон. Далее следует допрос потерпевшего и свидетелей. Каждый свидетель допрашивается отдельно и предупреждается об уголовной ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ. Процесс включает свободный рассказ и ответы на вопросы. Первой вопросы задаёт сторона, по инициативе которой был вызван свидетель. Для устранения существенных противоречий в показаниях суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе может провести очную ставку (статья 192 УПК РФ). Вещественные доказательства предъявляются сторонам для осмотра. Лицо, представившее доказательство, вправе обратить внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 284 УПК РФ). Протоколы следственных действий и иные документы оглашаются в суде, если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для дела. Стороны вправе ходатайствовать о полном или частичном оглашении документов. Особый порядок установлен для исследования заключения эксперта (ст. 282 УПК РФ). Для разъяснения или дополнения заключения суд может вызвать эксперта для допроса.

В случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или противоречий между заключениями нескольких экспертов суд вправе назначить дополнительную или повторную судебную экспертизу (ст. 283 УПК РФ). Все исследованные в суде доказательства подлежат окончательной оценке судом по своему внутреннему убеждению, основанному на всей их совокупности (ст. 17 УПК РФ). Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Оценка происходит по следующим критериям: относимость (связь доказательства с обстоятельствами, подлежащими доказыванию), допустимость (законность источника и способа получения доказательства), достоверность (соответствие доказательства объективной действительности), достаточность (возможность

разрешить уголовное дело на основе всей совокупности исследованных доказательств).

С. Б. Россинский [1] считает, что исследование доказательств — это самостоятельный и необходимый элемент доказывания, который должен быть включён в структуру уголовно-процессуального доказывания наряду с собиранием, проверкой и оценкой. Он подчёркивает, что исследование связано с познавательной деятельностью субъектов доказывания, направленной на восприятие, анализ и изучение информации, а не только с её формальным закреплением.

В. В. Конин [2] отмечает, что в Российской доктрине традиционно выделяют три элемента доказывания (собирающие, проверка, оценка), однако в ряде стран (например, Казахстан) в структуру включён и элемент «исследование доказательств». Он поддерживает идею о необходимости признания исследования самостоятельным элементом доказывания, подчёркивая, что оно не сводится к проверке, а включает в себя познание содержания доказательств, установление их достоверности и согласуемости с другими материалами дела.

В. С. Шадрин [3] уделяет особое внимание процессу формирования доказательств, рассматривая его как результат познавательно-удостоверительной деятельности. Он отмечает, что исследование доказательств — это не только проверка их свойств, но и извлечение информации, анализ содержания, что особенно важно для судебного разбирательства. Он подчёркивает, что исследование доказательств должно быть формализовано и подчинено принципу состязательности сторон.

Хайдаров А. А. [4] в своей статье акцентирует внимание на том, что порядок исследования доказательств является прерогативой сторон. Он подчеркивает, что в случае разногласий между сторонами относительно очередности исследования доказательств, судья принимает решение по своему усмотрению, учитывая принцип состязательности. Это создает возможность для судебного усмотрения, что может привести к размытию границ порядка исследования доказательств.

Брянская Е. В. [5] в своей статье поднимает вопрос о том, насколько полно реализуются права участников процесса при исследовании доказательств в суде первой инстанции. Она указывает на необходимость более четкой регламентации порядка исследования доказательств,

чтобы избежать формального подхода и обеспечить активное участие сторон в процессе.

Все учёные признают, что исследование доказательств связано с познавательной деятельностью субъектов доказывания (следователя, суда, сторон). Подчёркивается необходимость анализа содержания доказательств, их проверки на достоверность и согласуемость с другими материалами дела. Отмечается, что исследование не сводится к формальному закреплению или проверке, а включает в себя элементы анализа и извлечения информации. Все авторы выступают за более чёткое нормативное регулирование исследования доказательств и его выделение как самостоятельного элемента структуры доказывания.

На мой взгляд, основная проблема заключается в том, что действующий УПК РФ не признаёт исследование доказательств самостоятельным элементом структуры доказывания, что приводит к смешению понятий «проверка» и «исследование». Это снижает прозрачность процесса и затрудняет реализацию принципа состязательности сторон. Кроме того, на досудебных стадиях исследование часто носит неформальный характер, что может привести к утрате важной информации или ошибкам в оценке доказательств. Для решения этих проблем необходимо:

- Внести изменения в ст. 85 УПК РФ, включив исследование доказательств в структуру доказывания.
- Разработать чёткие процессуальные правила исследования доказательств на всех стадиях уголовного процесса.
- Усилить подготовку следователей и судей по вопросам методики исследования доказательств.

Такой подход позволит повысить качество доказывания и обеспечить справедливость судебного разбирательства.

Таким образом, порядок исследования доказательств в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, регламентированный нормами УПК РФ. Он обеспечивает реализацию принципов состязательности, непосредственности и устности, создавая необходимые условия для формирования внутреннего убеждения суда. От тщательности и объективности этого исследования напрямую зависит законность, обоснованность и справедливость итогового судебного решения. Совершенствование процедуры исследования доказательств остается одной из актуальных задач современной процессуальной науки и практики.

Литература:

1. Российский С. Б. Сущность исследования доказательств в уголовном судопроизводстве. — Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-issledovaniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 31.03.2026).
2. Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы. — Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-diskussionnye-voprosy> (дата обращения: 31.03.2026).
3. Шадрин В. С. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: научное наследие профессора С.А. Шейфера. — Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokazatelstva-i-dokazyvanie-v-ugolovnom-protssesse-nauchnoe-nasledie-professora-s-a-sheyfera> (дата обращения: 31.03.2026).

4. Хайдаров А. А. Проблемы определения порядка исследования доказательств в начале судебного следствия. — Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-poryadka-issledovaniya-dokazatelstv-v-nachale-sudebnogo-sledstviya> (дата обращения: 31.03.2026).
5. Брянская Е. В. Исследование доказательств по уголовным делам в суде первой инстанции. — Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-dokazatelstv-po-ugolovnym-delam-v-sude-pervoy-instantsii> (дата обращения: 31.03.2026).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

Влияние дисклеймера на уголовную ответственность

Березкина Кристина Романовна, студент

Научный руководитель: Филатова Надежда Юрьевна, старший преподаватель

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается понятие дисклеймера, его применение в соответствии с приведенной классификацией относительно англо-саксонской системы, а также применительно к Российской действительности. Подробно анализируются отдельные сферы применения дисклеймера и его юридическая сила, особое внимание уделяется уголовному праву.

Ключевые слова: дисклеймер, виды дисклеймера, *creative common*, авторское право, фанфикишен.

Дисклеймер (юридический отказ от ответственности) — это краткое заявление, в котором разъясняются ограничения, обязанности или предположения в отношении авторского контента, продуктов или услуг. Оно сообщает аудитории, чем является (а чем не является) авторская информация, как ее следует использовать и на чем заканчивается ответственность автора [1]. Исходя из представленного определения, можно выделить несколько видов дисклеймера, а именно дисклеймер — отказ от ответственности в связи с содержанием сведений, которые могут нарушить закон в сфере публичного интереса, и дисклеймер — отказ от ответственности в связи с содержанием сведений, которые могут нарушить права и интересы частных лиц [2]. Второй вид дисклеймера имеет большое распространение и юридическую силу в странах англо-саксонской правовой системы. Он регламентирован в некоторых правовых актах Соединенных Штатов Америки и упоминается в нормативных актах Великобритании. Однако, регламентированы и ограничения его применения. Таким примером может быть отсутствие пользы дисклеймера, при «несправедливых условиях контракта», согласно закону Великобритании (The Unfair Contract Terms Act 1977). Так, согласно пункту 1 части 2 данного акта «Лицо не может посредством какого-либо условия договора или уведомления, направленного лицам в целом или отдельным лицам, исключить или ограничить свою ответственность за смерть или телесные повреждения, возникшие в результате халатности» [3].

В нашей стране дисклеймеры, зачастую, не обладают юридической силой, особенно это касается сферы публичного права. В качестве примера приведем рассмотренное относительно недавно дело об административном правонарушении по факту пропаганды (публичного демон-

стрирования) нацистской символики. В ходе судебного разбирательства лицом было предоставлено в качестве доказательства своей невиновности наличие дисклеймера с текстом «и помните, я вас ни к чему не призываю, ни к чему...». Данное доказательство не оказало влияние на окончательное решение суда, лицо было признано виновным в пропаганде [4]. Это решение в дальнейшем может послужить преюдицией для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 282.4 УК РФ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций».

Тем не менее, идеи придания юридической силы дисклеймеру в отечественном уголовном праве высказывались в доктринальных источниках. Так, Кожевников И. И. при рассмотрении вопроса об уголовной ответственности по ст. 148 УК РФ за нарушение права на свободу совести и вероисповедания, считает целесообразным внести в указанную статью следующую оговорку: «Если лицо, совершившее деяние, формально содержащее в себе признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ в сети «Интернет» не имел умысла на совершение преступления и цели оскорбить верующих, о чем заблаговременно сообщил неопределённому кругу лиц пользователей предупреждением (дисклеймером), то есть совершил правовой отказ от возможных последствий, то он освобождается от уголовной ответственности» [5, с.124]. Однако, это предложение представляется противоречивым. Напомним, что для квалификации по ст. 148 УК РФ и так необходимо обязательно установить цель в виде оскорбления религиозных чувств верующих. Также автор добавляет, что «предупреждение (дисклеймер), размещённое в момент распространения информации, должен

расцениваться не как формальный элемент, а как объективное выражение волеизъявления автора» [5, с.124]. Однако при такой постановке вопроса, есть вероятность сокрытия реальных преступных намерений, путем размещения дисклеймера.

Стоит отметить, что в отечественной правовой системе все же признается действительным, который является отказом от ответственности в связи с содержанием дополнительной информации, являющейся по своей сути оговоркой. Это дисклеймер, который способствует соблюдению авторских прав. Таковыми являются указание на имя автора произведения, его персонажа, название произведения и т. д. Не подлежат защите, а, следовательно, и указанию идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, а также сюжеты и литературные клише [6]. Таким образом осуществляется защита права авторства и право автора на имя, когда произведение допускается к использованию без согласия автора и без выплаты вознаграждения (библиотеки, образовательные организации и тому подобное). В случаях, исключающих свободное использование произведений, действуют другие правила. С авторами оригинального произведения должен быть заключен лицензионный договор, где будут перечислены условия использования оригинального произведения или его частей.

Под уголовную охрану авторского права попадают ситуации, когда виновный использует произведение без оформления в соответствии с законом договора либо соглашения, будь то с коммерческой целью или безвозмездно [6]. Можно рассмотреть на примере фанатского творчества действие дисклеймера, а именно на фанфикшенах. Фанатское переосмысление оригинального произведения не подходит к случаям свободного использования, но оно и не является производным произведением по Гражданскому Кодексу. Но за неимением нормы права, которая регулировала бы «фанфик», то, воспользовавшись аналогией закона, его можно отнести к последней

группе произведений — производным. Для производного произведения в любом случае необходим лицензионный договор, в котором были бы конкретизированы условия использования без нарушения авторского права. Но что, если в фанфикшене будет указан дисклеймер, содержащий имя автора оригинального произведения и персонажей? Смирнова Т. С. считает, что «наличие дисклеймера не означает, что поклонник не нарушает права авторства или право на имя автора оригинального произведения» [7, с.42]. Семенюта Б. Е. утверждает обратное: «автор фанфика таким образом исключает для себя ответственность за нарушение неимущественного права авторства, но не более того», имея в виду, что пока использование происходит в некоммерческих целях, то автор фанфика может обезопасить себя дисклеймером [8, с.124]. Однако ни одна из этих позиций не является полностью верной. Как было отмечено ранее, преступлением в сфере авторского права признается незаконное использование, вне зависимости от наличия коммерческого характера. Права авторства и право автора на имя как раз могут защищаться путем формулировки такого дисклеймера с соответствующим содержанием, но дисклеймер не защитит от посягательства на право автора на неприкосновенность оригинального произведения.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что применение дисклеймера в сфере уголовного права является крайне ограниченным — только как текст, содержащий дополнительную информацию, такую как указание на имя автора произведения, название произведения и другие объекты, находящиеся под охраной авторского права. Согласимся с мнением ученых о том, что в настоящее время, продолжающаяся тенденция формулирования дисклеймера, особенно в видео-ресурсах на территории Российской Федерации, с содержанием текста на подобии «это видео ни к чему не призывает» или «мы не поддерживаем ...» не имеют юридической силы, а их наличие лишь «устоявшееся правило сетевого этикета, обычай в интернет-среде» [9].

Литература:

1. Alex, Solo. Legal Disclaimer In The UK: What It Can And Can't Do / Solo Alex. — Текст: электронный // Sprintlaw: [сайт]. — URL: https://sprintlaw.co.uk/articles/legal-disclaimer-in-the-uk-what-it-can-and-cant-do/#What_Is_A_Legal_Disclaimer_And_When_Do_You_Need_One (дата обращения: 04.02.2026).
2. Beryozkina, K. Peculiarities of the disclaimer status during forensic linguistic examinations in Russia and abroad / K. Beryozkina. — Текст: электронный // International Journal of Professional Science. — 2025. — № 12(2) — URL: scipro.ru/article/44-12-2025 (дата обращения: 04.02.2026).
3. Unfair Contract Terms Act 1977 // Legislation.gov.uk. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> (дата обращения: 04.02.2026).
4. Постановление по делу об административном правонарушении г.Новый Уренгой 08 июля 2020 года, дело № 5-1729/2020 // Судакт. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/TficYWD53VJJ/?regular-txt=дисклеймер®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1768764034351&snippet_pos=588#top (дата обращения: 05.02.2026).
5. Кожевников, И. И. К вопросу о возможности применения «дисклеймера» как основания для освобождения от уголовной ответственности при нарушении права на свободу совести и вероисповедания / И. И. Кожевников. — Текст: непосредственный // Искусство правообразования. — 2025. — № 4. — С. 118–125.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8171/?ysclid=mlor9263l7146310220> (дата обращения: 05.02.2026).
7. Смирнова, Т. С. Произведения фанатского творчества как объекты авторского права / Т. С. Смирнова. — Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). — Казань: Молодой ученый, 2018. — С. 41–46.
8. Семенюта, Б. Е. Фанфики и Косплеи vs. Правообладатели оригиналов: в поисках баланса интересов / Б. Е. Семенюта. — Текст: непосредственный // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 7. — С. 118–127.
9. Лисаченко, А. В. Фанаты или пираты? / А. В. Лисаченко, А. Р. Маштакова. — Текст: непосредственный // Российский юридический журнал. — 2016. — № 3(108). — С. 152–160.

Правовые последствия утечки персональных данных для корпорации и ее должностных лиц

Бескурников Сергей Витальевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена анализу правовых последствий утечки персональных данных для коммерческих организаций и их должностных лиц в условиях цифровизации экономики и усиления законодательных требований в сфере защиты информации. На основе статистических данных и аналитических материалов авторов рассматриваются масштабы проблемы утечек персональных данных в Российской Федерации. Исследуются виды юридической ответственности, наступающей для корпораций и их руководителей. Анализируются новые правовые механизмы защиты: киберстрахование и усиление ответственности за использование технологий Deepfake. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и практические рекомендации для субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: персональные данные, утечка информации, ответственность корпорации, административные штрафы, киберстрахование, Deepfake, должностные лица, информационная безопасность.

В эпоху цифровой трансформации персональные данные становятся одним из наиболее ценных активов, а их защита — критически важной задачей для любой организации. По данным компании InfoWatch, в 2023 году количество утечек конфиденциальных данных в мире увеличилось в 2,4 раза, а число скомпрометированных записей персональных данных достигло 18,3 миллиарда. В России этот показатель составил 705 миллионов записей [4]. Эксперты констатируют, что персональные данные практически всех россиян уже продолжительное время находятся в открытом доступе [5]. В этих условиях правовые последствия утечки данных для корпораций и их должностных лиц приобретают особую актуальность.

Анализ статистических данных позволяет оценить реальные масштабы угрозы. Согласно информации, приведенной в исследовании С. Ю. Булочникова, за 2020–2021 годы было выявлено более 100 миллионов персональных данных и платежной информации граждан страны, попавших в свободный доступ [5]. При этом почти 80 % утечек произошло в результате умышленных и халатных действий сотрудников компаний. Особую тревогу вызывает тот факт, что в 2019 году доля таких случаев со-

ставляла лишь 38,7 %. Самыми незащищенными сферами деятельности в Российской Федерации являются сфера высоких технологий и финансовый сектор, где было зарегистрировано более 40 % утечек персональных данных [6].

Показательным примером является утечка данных в компании ООО «Яндекс.Еда» в феврале 2022 года, когда в открытом доступе оказались 6 миллионов 882 тысячи уникальных номеров телефонов. По заявлению представителей компании, утечка произошла из-за халатности сотрудника, имевшего доступ к данным. Аналогичный инцидент произошел в апреле 2022 года в ООО «Лаборатория Гемотест», где были скомпрометированы около 30 миллионов персональных данных клиентов [6]. Эти случаи наглядно демонстрируют, что даже крупные компании с развитой инфраструктурой информационной безопасности не застрахованы от утечек по вине персонала.

Ответственность юридического лица за утечку персональных данных может наступать в различных формах [3]. Наиболее существенной является административная ответственность, предусмотренная ст. 13.11 КоАП РФ [8]. В 2024 году законодатель существенно ужесточил санкции, введя дифференциацию штрафов в зависимости от количества пострадавших субъектов персональных данных.

Согласно внесенным изменениям, при утечке данных от 1000 до 10 000 субъектов штраф для юридических лиц составляет от 3 до 5 млн рублей; при утечке от 10 000 до 100 000 субъектов — от 5 до 10 млн рублей; при утечке более 100 000 субъектов — от 10 до 15 млн рублей [5]. В качестве примера, компания ООО «Яндекс.Еда» получила максимальный штраф по ранее действовавшей редакции статьи в размере 60 тысяч рублей, что при нынешних масштабах утечки было бы на несколько порядков выше [6].

Гражданско-правовая ответственность корпорации выражается в обязанности возместить убытки, причиненные субъектам персональных данных, а также компенсировать моральный вред. Юридические меры не создают для компаний существенного финансового риска, однако влекут потерю репутации и доверия клиентов. Это косвенное последствие зачастую оказывается более разрушительным, чем прямые финансовые санкции.

Репутационные потери — это особая категория последствий, не имеющая прямой денежной оценки, но способная привести к существенному снижению выручки и рыночной капитализации. После крупных утечек данных компании сталкиваются с оттоком клиентов и падением доверия, что в долгосрочной перспективе наносит ущерб, сопоставимый с многомиллионными штрафами [10].

Должностные лица корпораций несут самостоятельную ответственность за нарушения в сфере защиты персональных данных. В соответствии со ст. 13.11 КоАП РФ, для должностных лиц установлены административные штрафы, дифференцированные в зависимости от масштаба утечки: от 200 до 400 тыс. рублей при средней утечке, от 300 до 500 тыс. рублей при крупной утечке, от 400 до 600 тыс. рублей при особо крупной утечке [5; 8].

Уголовная ответственность предусмотрена ст. 183 УК РФ за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. При наличии квалифицирующих признаков (крупный ущерб, корыстная цель, тяжкие последствия) наказание может достигать семи лет лишения свободы [9]. Однако, как показывает практика, реальное привлечение к уголовной ответственности должностных лиц за утечки персональных данных происходит крайне редко в силу сложности доказывания вины и причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и наступившими последствиями.

Дисциплинарная ответственность руководителей, допустивших утечку данных, может выражаться в увольнении по подпункту «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за разглашение охраняемой законом тайны. При этом работодатели сталкиваются с трудностями доказывания вины работника, что снижает эффективность данного механизма [7].

Анализ существующей практики позволяет выделить ряд системных проблем. Первая проблема связана с несоответствием санкций реальному ущербу. Несмотря на существенное увеличение административных штрафов, их размер остается несопоставимым с возможными по-

терями компании от утраты доверия клиентов. Как отмечается в исследовании Д. Маркуса, в зарубежных юрисдикциях истцы сталкиваются с проблемой доказывания конкретного фактического вреда, что делает гражданско-правовые иски малоэффективными [10, с. 566].

Вторая проблема — сложность доказывания вины конкретного должностного лица. В крупных корпорациях, где доступ к персональным данным имеют сотни сотрудников, выявить непосредственного виновника утечки технически сложно, а правовые механизмы привлечения к ответственности руководителя за ненадлежащую организацию защиты информации недостаточно проработаны.

Третья проблема связана с новыми технологическими вызовами, в частности с использованием технологии Deepfake (дипфейк). Как указывают А. А. Бычинская и С. И. Иванова, эта технология, основанная на использовании искусственного интеллекта, создает фальшивые цифровые материалы, которые могут реалистично имитировать оригиналы, а в основе этих материалов часто лежат персональные данные граждан, используемые незаконно [2, с. 32]. В ответ на этот вызов в 2024 году в Государственную Думу были внесены законопроекты, предлагающие признавать использование дипфейков отягчающим обстоятельством при совершении преступлений, а также закрепляющие за гражданином право распоряжаться записями своего голоса, в том числе синтезированного с помощью искусственного интеллекта [5].

В качестве перспективного направления защиты от последствий утечек персональных данных рассматривается киберстрахование. В западных странах киберстрахование является коммерчески популярным решением, позволяющим защищать предприятия и частных лиц от финансовых потерь, вызванных подверженностью киберрискам [1]. В России в 2024 году предложили ввести на законодательном уровне понятие «киберстрахование» — страхование от киберрисков, связанных с утечкой и неправомерным использованием персональных данных [5].

Предполагается, что с помощью этого механизма граждане смогут получать компенсации в случае утечек своих персональных данных из государственных информационных систем. Выплачивать компенсации будет оператор персональных данных, а именно Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, из собственных средств, что стимулирует государственные органы к повышению уровня защищенности информации.

Государственная Дума приняла законопроект об обязательном страховании вреда, причиненного искусственным интеллектом в рамках экспериментальных правовых режимов: программа ЭПР должна предусматривать страхование участниками гражданской ответственности, включая использование искусственного интеллекта [5].

Правовые последствия утечки персональных данных для корпораций и их должностных лиц в России претерпевают существенные изменения. Законодатель после-

довательно ужесточает административную ответственность, вводя дифференцированные штрафы, и расширяет сферу уголовно-правовой защиты. Вместе с тем остаются нерешенными проблемы доказывания вины и размера причиненного ущерба, а также адаптации законодательства к новым технологическим вызовам, таким как технология Deepfake.

Перспективным направлением является развитие института киберстрахования, который позволит не только компенсировать потери пострадавших граждан, но

и стимулировать организации к повышению уровня защиты персональных данных. Для повышения эффективности правового регулирования представляется целесообразным: разработать методические рекомендации по оценке ущерба от утечек персональных данных; усилить контроль за соблюдением требований информационной безопасности внутри организаций; продолжить совершенствование механизмов привлечения должностных лиц к уголовной ответственности за грубые нарушения в сфере защиты персональных данных.

Литература:

1. Бадюков, В. Ф. Риски цифровой экономики: особенности и перспективы развития киберстрахования в России / В. Ф. Бадюков, М. Н. Докучаев // Страховое право. — 2021. — № 1 (90). — С. 42–44.
2. Бычинская, А. А. Deepfake: новая реальность / А. А. Бычинская, С. И. Иванова // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). — 2024. — Т. 10, № 2 (26). — С. 32–39.
3. Головкина, Д. В. Обеспечение информационной безопасности установлением режима коммерческой тайны // Вестник Прикамского социального института. — 2019. — № 1 (82). — С. 12–16.
4. Лохина, Н. О. Проблематика правового обеспечения защиты конфиденциальной информации в больших компаниях // Auditorium. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2022. — № 2 (34).
5. Булочников, С. Ю. О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных / С. Ю. Булочников // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). — 2025. — Т. 11, № 1 (29). — С. 6–15.
1. Лохина, Н. О. Проблематика правового обеспечения защиты конфиденциальной информации в больших компаниях // Auditorium. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2022. — № 2 (34).
2. Пугачева, Н. В. Обеспечение права работодателя на защиту информации: проблемы правового регулирования // Ежегодник трудового права. — 2024. — Выпуск 14. — С. 219–230.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Marcus, D. J. The data breach dilemma: Proactive solutions for protecting consumers' personal information // Duke law journal. — 2018. — Vol. 68, N 555. — P. 555–593.
6. Helman, L. Pay for (privacy) performance holding social network executives accountable for breaches in data privacy protection // Brooklyn law review. — 2019. — Vol. 84, N 2. — P. 523–569.

Организационноправовые механизмы защиты трудовых прав педагогических работников в современной России

Бижигитова Махпал Акилбековна, студент магистратуры
Омский государственный педагогический университет

В статье анализируются организационноправовые механизмы защиты трудовых прав педагогов в условиях трансформации образовательной системы РФ. Исследуется нормативноправовая база, рассматриваются типичные трудовые споры и внутренние механизмы защиты прав. Выявлены ключевые проблемы реализации гарантий и предложены меры по совершенствованию системы защиты.

Ключевые слова: трудовые права педагогов, нормативноправовое регулирование, индивидуальнотрудовые споры, коллективный договор, государственная инспекция труда.

Защита трудовых прав педагогических работников — стратегическая задача государственной политики, обеспечивающая стабильность образовательной системы и развитие человеческого капитала. В условиях цифровой

трансформации образования и модернизации управления учебными заведениями обостряются проблемы правового регулирования труда педагогов:

– рост нагрузки при внедрении цифровых технологий;

- неопределённость границ служебных функций;
- конфликты из-за реструктуризации финансирования;
- сложности квалификации новых форм занятости (гибкий график, проектная работа).

Трудовые права педагогов — юридически гарантированные возможности, обеспечивающие условия для профессиональной деятельности. Их специфика обусловлена высокой социальной значимостью профессии, эмоциональной нагрузкой и необходимостью постоянного самообразования [6].

Элементы трудовых прав педагогических работников представлены следующим образом:

1. Социальноэкономические права, включающие в себя достойную оплату труда, компенсации (доплаты за классное руководство, проверку тетрадей), льготы (жилищные программы, санаторнокурортное лечение).
2. Гарантии занятости, состоящие из стабильности трудоустройства, защиты от необоснованного увольнения, аттестации.
3. Охрана труда, заключающаяся в особых требованиях к условиям работы, профилактике профзаболеваний.
4. Академические свободы, выраженные в праве на участие в управлении учреждением, свободе выражения мнений.
5. Судебная защита, дающая возможность обращения в суд для восстановления нарушенных прав.

Принципы защиты: законность, справедливость, социальная защищённость, участие работников в нормотворчестве.

Система нормативно-правового регулирования трудовых прав педагогических работников имеет многоуровневый характер:

Федеральный уровень представлен следующими НПА:

- Конституция РФ (ст. 37, 43) — базовые гарантии свободы труда и права на образование [1].

- Трудовой кодекс РФ (гл. 52) — особый режим рабочего времени (18 часов нагрузки для учителей), удлиненный отпуск (56 дней), основания прекращения договора [2].

- ФЗ № 273 «Об образовании в РФ» (ст. 47) — право на профессиональное развитие, льготные пенсии, налоговые вычеты [3].

- Приказы Минобрнауки (например, № 1601 от 22.12.2014) — нормы педагогической нагрузки [5].

Региональный уровень содержит в себе нормативно-правовые акты, регулирующие дополнительные выплаты молодым специалистам, льготную ипотеку, доплаты в сельской местности (например, Закон Кемеровской области № 70ОЗ).

Муниципальный уровень регулирует формирование бюджета образования, утверждение штатного расписания, программы переподготовки.

Локальный уровень представлен коллективными договорами, правилами внутреннего распорядка, положением

о премировании (например, коллективный договор ГБОУ СОШ № 112 г. Москвы).

Типичные причины споров трудовых споров в сфере образования:

- невыплата заработной платы или премий;
- нарушения при аттестации (предвзятость комиссий, ошибки в оценке);
- превышение нагрузки без компенсации;
- незаконное увольнение или дисциплинарные взыскания.

Этапы разрешения трудового спора выглядят следующим образом:

- Переговоры с работодателем.
- Обращение в комиссию по трудовым спорам (создается в учреждении).
- Жалоба в Государственную инспекцию труда (ГИТ) или прокуратуру.
- Подача иска в районный суд.
- Апелляция (в течение 2 месяцев).
- Исполнительное производство.

Проблемы, существующие при разрешении трудовых споров: длительность судебных процессов, слабая доказательная база, низкая информированность педагогов о правах.

Внутренние механизмы защиты прав педагогических работников представлены: коллективным договором, который регулирует оплату труда, социальные гарантии, порядок разрешения конфликтов; комиссии по трудовым спорам, проводящим предварительное рассмотрение разногласий (решения носят рекомендательный характер); профсоюзы, которые представляют интересы работников, проводят консультации, помогают в подготовке исков; локальные акты образовательных учреждений, которые регулируют правила внутреннего распорядка, должностные инструкции (должны соответствовать законодательству); оказание психологической поддержки, заключающейся в проведении тренингов по управлению конфликтами.

Недостатки внутренних механизмов защиты прав заключается в зависимости от позиции администрации, формализме комиссий, слабой вовлечённости педагогов в профсоюзную деятельность.

Анализ показал, что система защиты трудовых прав педагогов обладает прочной законодательной базой, но сталкивается с рядом проблем:

- недостаточная детализация норм о цифровой нагрузке;
- разночтения в региональных актах;
- слабая проработка механизмов контроля за локальными документами;
- низкая информированность работников о правах;
- длительность судебных процессов.

Рекомендации по совершенствованию механизмов защиты трудовых прав педагогических работников могут включать в себя следующие изменения на федеральном уровне:

- уточнить нормы регулирования дистанционной работы и цифровой нагрузки;
- унифицировать региональные льготы и гарантии на уровне учреждений;
- внедрить электронные системы учёта жалоб;
- проводить тренинги для членов комиссий по трудовым спорам;
- обеспечить прозрачность процедур принятия решений; профилактические меры:

- информационные кампании о правах педагогов;
- создание горячих линий правовой поддержки;
- цифровизация подачи жалоб в ГИТ.

Реализация предложенных мер позволит повысить доступность механизмов защиты, снизить количество нарушений и укрепить доверие педагогов к институтам правовой защиты. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение международного опыта и оценку эффективности превентивных мер.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.06.2021.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197ФЗ (в ред. от 15 июня 2021 г., с учётом изменений, внесённых Федеральными законами от 25 мая 2020 г. № 156ФЗ, от 31 июля 2020 г. № 268ФЗ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2021).
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 20 апреля 2021 г.) № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 15.06.2021.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 29.11.2016) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2021)
5. Об особенностях регулирования труда педагогических работников: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 1 февраля 2024 г. № 31 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. — М., 1948.
7. Стариков Ю. Н. Административное право и трудовое законодательство. — Воронеж, 2015.
8. Суханов, Е. А. Гражданское право: учебник / Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2024. — 896 с.

Понятие и значение системы административной ответственности в области организации дорожного движения

Вавилова Светлана Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются вопросы понятия и значения системы административной ответственности в области организации дорожного движения. Как показало проведенное исследование, основная цель института административной ответственности заключается в предотвращении нарушений правил дорожного движения, что достигается путем формирования у участников дорожного движения установки на соблюдение установленных норм и правил. Для реализации этой цели применяются как меры наказания, так и другие методы, направленные на регулирование поведения водителей и пешеходов. Таким образом, административные санкции служат не только средством наказания, но и инструментом профилактики правонарушений в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, обеспечение безопасности дорожного движения, Правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие.

The concept and significance of the system of administrative responsibility in the field of traffic management

The article analyzes the concept and significance of the system of administrative responsibility in the field of traffic management. As the study showed, the main goal of the institute of administrative responsibility is to prevent violations of traffic rules, which is achieved by forming an attitude among road users to comply with established norms and rules. To achieve this goal, both punitive

measures and other methods are used aimed at regulating the behavior of drivers and pedestrians. Thus, administrative sanctions serve not only as a means of punishment, but also as a tool for preventing offenses in this area.

Keywords: administrative sanctions, traffic safety, traffic rules, traffic accident.

Одним из наиболее важных элементов, способствующих обеспечению безопасности на дорогах, является внедрение системы административной ответственности за совершение правонарушений.

Институт административной ответственности в данной сфере формирует правовое поле, в котором осуществляется контроль за поведением водителей и пешеходов, что позволяет не только осуществлять эффективное наказание тех, кто нарушает данные правила, но и служит мощным средством для профилактики правонарушений.

Как отмечает В. Д. Кругликов, институт административной ответственности служит основой системы правового регулирования безопасности дорожного движения. Его реализация происходит через применение административных санкций, которые играют основную роль в предотвращении и предупреждении правонарушений на дороге. Эффективность данного механизма обеспечивается деятельностью сотрудников ГИБДД [4, с. 132].

Согласно мнению А. Ю. Мазаква, административная ответственность за дорожные нарушения включает совокупность норм, запрещающих определенные действия участников дорожного движения и предусматривающих возможность применения административных наказаний. Эти нормы направлены на регламентацию процесса производства дел об административных правонарушениях в данной области [5, с. 47].

Л. А. Будаева подчеркивает, что концепция административной ответственности в сфере дорожного движения основывается на многообразии социальных отношений, возникающих в процессе передвижения людей и грузов по специально предназначенным для этого дорогам. Можно заметить, что участниками данных отношений могут быть не только водители, но и пассажиры, пешеходы, а также другие лица, взаимодействующие с дорожным движением [1, с. 50].

Категория «безопасность дорожного движения» выражает степень защищенности участников движения от аварий и их негативных последствий. Законодательство предусматривает меры, направленные на профилактику аварий, минимизацию потерь и информирование участников движения о рисках и способах их избежать. Важную роль в данном отношении играет административное право, устанавливающее правила поведения на дорогах и предусматривающее санкции за их нарушение.

Транспортная безопасность охватывает комплекс мер, предназначенных для защиты транспортных средств, пассажиров и инфраструктуры от внешних угроз, таких как терроризм, природные бедствия и различные криминальные проявления. Задачи транспортной безопас-

ности заключаются в поддержании надежного функционирования транспортной системы, обеспечении защиты жизни и собственности граждан, а также поддержании общественного спокойствия и стабильности.

Таким образом, можно констатировать, что концепция дорожного движения охватывает весь процесс движения по дорогам, и включает также участников движения и все виды транспортных средств. Дорожное движение является объектом административного регулирования, цель которого обеспечить правопорядок и безопасности на всех дорогах. Установленные правовые нормы, регулирующие дорожное движение, созданы для того, чтобы сделать процесс передвижения более организованным и систематизированным.

В свою очередь, безопасность дорожного движения концентрируется на защите участников движения от ДТП, максимального снижения тяжести их последствий и предотвращению возможных рисков. В этой области принимаются различные меры: предотвращение возможности аварий, снижению тяжести их последствий и своевременному информированию участников движения о возможных рисках. Административное право играет важную роль в обеспечении безопасности. Оно устанавливает правила поведения на дорогах и предусматривает санкции за их нарушение [3, с. 287].

Транспортная безопасность, в отличие от иных понятий в данной сфере, является более широкой и охватывает защиту всей транспортной системы в целом от различных угроз. Главная цель транспортной безопасности заключается в обеспечении стабильного функционирования всей транспортной системы в Российской Федерации, а также нацелена на защиту жизни и имущества граждан.

Тем не менее, все данные институты неразрывно взаимосвязаны и образуют единую систему правового регулирования. Именно эта система позволяет обеспечить эффективную работу транспорта, высокий уровень безопасности и защиту от чрезвычайных ситуаций различного происхождения. Без должного внимания к любой из этих областей невозможно обеспечить полноценную эффективность остальных направлений [2, с. 65].

Можно сформулировать общий вывод, что административная ответственность за анализируемые правонарушения охватывает широкий спектр социальных взаимодействий, связанных с перемещением людей и грузов по специально оборудованным для этих целей дорогам. Данная форма ответственности направлена на поддержание порядка и безопасности на дорогах, а также на защиту жизни и здоровья участников дорожного движения. Основная цель института административной ответственности заключается в предотвращении нарушений правил

дорожного движения, что достигается путем формирования у участников дорожного движения установки на соблюдение установленных норм и правил. Для реализации этой цели применяются как меры наказания, так и другие

методы, направленные на регулирование поведения водителей и пешеходов. Таким образом, административные санкции служат не только средством наказания, но и инструментом профилактики правонарушений.

Литература:

1. Будаева Л. А. Административная ответственность за нарушение правил дорожного движения // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сборник научных трудов. — Хабаровск, 2023. С. 50.
2. Владимирова А. В. Административные правонарушения в области дорожного движения // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. Сборник статей научно-практической конференции. — Пенза, 2024. С. 65.
3. Ефимов А. А., Кубиясова А. М. Некоторые вопросы реализации норм административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения // Право и управление. 2024. № 7. С. 287.
4. Кругликов В. Д. Понятие и сущность административной ответственности как вида юридической ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 1. С. 132.
5. Мазаков А. Ю. К вопросу о понятии и принципах административной ответственности в области организации дорожного движения // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения: сборник статей научно-практической конференции. — Уфа, 2023. С. 47.

Предупреждение и штраф как санкции за правонарушения в области организации дорожного движения

Вавилова Светлана Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются вопросы применения предупреждения и штрафа как санкций за правонарушения в области организации дорожного движения. Как показало проведенное исследование, административное законодательство демонстрирует недостаточную гибкость при назначении штрафов. Фиксированный размер штрафа не учитывает смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также финансовое состояние правонарушителя, что приводит к снижению эффективности его воздействия. Проведенное с 1 января 2025 г. существенное повышение штрафов не решило проблему их относительно низкой «цены» за серьезные правонарушения, существенно влияющие на безопасность дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, обеспечение безопасности дорожного движения, Правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие.

Warning and fine as sanctions for offenses in the field of traffic management

The article analyzes the use of warnings and fines as sanctions for offenses in the field of traffic management. As the study showed, administrative legislation demonstrates insufficient flexibility when assigning fines. The fixed amount of the fine does not take into account mitigating and aggravating circumstances, as well as the financial condition of the offender, which leads to a decrease in the effectiveness of its impact. The significant increase in fines carried out since January 1, 2025 did not solve the problem of their relatively low “price” for serious offenses that significantly affect road safety.

Keywords: administrative sanctions, traffic safety, traffic rules, traffic accident.

Предупреждение как одна из форм административных наказаний представляет собой официальное осуждение, адресованное правонарушителю. Эта мера используется в случаях, когда правонарушение совершено впервые и не привело к ущербу в результате ДТП [3, с. 313].

В отличие от административного пресечения и наказания, которые действуют уже после совершения правонарушения и направлены на предотвращение его последствий, предупреждение фокусируется на профилактике. Оно не только предотвращает совершение правонарушений, но и воздействует на личность нарушителя, спо-

собствуя формированию более ответственного отношения к соблюдению правил дорожного движения.

Предупреждение административных правонарушений направлено на предотвращение их возникновения на самых ранних стадиях, а также на обеспечение строгого соблюдения правил дорожного движения всеми участниками дорожного движения. Эта мера акцентирует внимание на необходимости формирования у граждан осознания важности соблюдения установленных норм и правил. Оно также направлено на формирование у граждан правосознания и установок на законопослушное поведение.

Как отмечают А. А. Ефимов и А. М. Кубиясова, в соответствии с положениями главы 12 КоАП РФ предусмотрена возможность применения альтернативных мер административной ответственности, таких как предупреждение или штраф. Однако следует отметить, что применение данных альтернатив может быть ограничено, несмотря на наличие соответствующих положений в санкциях статей КоАП РФ. К примеру, предупреждение не может быть применено в случаях, когда нарушение правил дорожного движения стало причиной дорожно-транспортного происшествия. Кроме того, данная мера не может быть использована при повторном совершении аналогичного правонарушения, если за первое нарушение лицо уже понесло административное взыскание, и срок, установленный ст. 4.6 КоАП РФ, еще не истек. В таких ситуациях лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года с момента его исполнения [1, с. 283].

На практике судебные органы, как правило, предпочитают назначать штрафы в качестве меры административной ответственности, в то время как предупреждение воспринимается как своего рода компромисс при назначении наказания. Судебный орган, осуществляя свою юрисдикционную функцию, не рассматривает предупреждение как полноценную меру наказания. В связи с вышеизложенным, случаи применения предупреждения в судебной практике являются редкими, что свидетельствует о недостаточной уверенности судей в наличии доказательств вины правонарушителя, что приводит к выбору предупреждения в качестве меры административного воздействия. Таким образом, формулировка «наказывая,

предупреждаем» не отражает должным образом императивную природу работы судебного органа

Наиболее распространенным наказанием в области обеспечения безопасности дорожного движения является административный штраф. Данная мера административного наказания, установленная государством, представляет собой денежное взыскание за совершение административного правонарушения. Основная цель при этом заключается в том, чтобы предотвратить повторение правонарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других участников дорожного движения [1, с. 285].

КоАП РФ содержит положения, которые акцентируют внимание на предупредительном и профилактическом характере административных наказаний. Эти нормы направлены на то, чтобы не только наказывать правонарушителей, но и предотвращать совершение новых нарушений в будущем. Одним из ярких примеров таких норм является правило, согласно которому административный штраф не может быть назначен одновременно с другими видами наказания, такими как лишение специальных прав, предоставленных физическим лицам (ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ). Это ограничение подчеркивает стремление законодательства к тому, чтобы избежать чрезмерного воздействия на правонарушителей и сохранить баланс между наказанием и профилактикой.

В. В. Головкич отмечает, что применение фиксированного штрафа в качестве основного или дополнительного вида наказания имеет ряд негативных последствий, так как отсутствует возможность учитывать смягчающие или отягчающие обстоятельства, а также финансовое положение правонарушителя и другие подобные факторы [2, с. 104].

Как показало проведенное исследование, административное законодательство демонстрирует недостаточную гибкость при назначении штрафов. Фиксированный размер штрафа не учитывает смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также финансовое состояние правонарушителя, что приводит к снижению эффективности его воздействия. Проведенное с 1 января 2025 г. существенное повышение штрафов не решило проблему их относительной низкой «цены» за серьезные правонарушения, существенно влияющие на безопасность дорожного движения.

Литература:

1. Головкич В. В. Применение административного штрафа в области дорожного движения: проблемы и перспективы // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы научно-практической конференции. — Омск, 2023. С. 104.
2. Ефимов А. А., Кубиясова А. М. Некоторые вопросы реализации норм административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения // Право и управление. 2024. № 7. С. 283.
3. Макарова Д. С. Актуальные вопросы о видах административной ответственности за правонарушения в области организации дорожного движения // Молодой ученый. 2024. № 45. С. 313.

Институт контрольно-надзорной деятельности в современной России

Варварычев Андрей Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Корчма Ая Абильтмановна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается институт контрольно-надзорной деятельности, который в современной России бурно развивается и реформируется. Этому способствуют новые выработанные подходы к контролю и надзору, такие как рискориентированный подход, подразумевающий профилактику правонарушений, и применение «регуляторной гильотины», представляющей отмену устаревших правовых актов, смену надзорных проверок профилактическими.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), институт контрольно-надзорной деятельности, государственные органы, единый реестр проверок, надзорные каникулы, регуляторная гильотина.

Современные государства с момента своего образования в 5 тысячелетии до н. э. прошли огромный путь в развитии — от первобытных общин до современных постиндустриальных (информационных) стран и обществ. Современное государство — это выстроенная многоуровневая система государственных органов различной компетенции, таких как законодательные, исполнительные и судебные. И вся эта система требует постоянного контроля со стороны органов власти.

Контроль и надзор в государственном управлении представляют собой ключевые аспекты, привязанные к функционированию государственных органов. Контроль обеспечивает проверку соответствия действий государственных органов законодательно установленным нормам и стандартам. В свою очередь надзор отвечает за обеспечение исполнения установленных полномочий в рамках законодательства.

Государственный контроль (надзор) — это деятельность отдельных государственных органов, направленная на достижение и поддержание эффективного функционирования всех государственных органов.

Контроль и надзор представляют два взаимодополняющих, разных понятия.

Контроль — процесс наблюдения, проверки и оценки деятельности, задач или процессов с целью обеспечения их соответствия установленным стандартам, планам или целям. Он является одной из основных функций системы управления.

Надзор — форма деятельности государственных органов по обеспечению законности. Предмет надзора представляет собой исполнение общеобязательных правил поведения, установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами.

Институт контрольно-надзорной деятельности в современной России включает в себя деятельность контрольных (надзорных) органов, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований. Целью является достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями. Контрольно-над-

зорные органы являются частью механизма государственной власти, а их деятельность закреплена законодательно.

Контрольно-надзорная деятельность — это деятельность специальных государственных органов исполнительной власти, осуществляющих регулирующие, исполнительные и контрольные функции.

Контрольно-надзорная деятельность осуществляется как со стороны закона, так и со стороны надзора, включает принятие мер в ходе или по результатам надзорной деятельности, осуществляется аналогично контролю.

Указанная деятельность осуществляется в пределах полномочий органов власти путем предупреждения нарушений, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия мер по пресечению выявленных нарушений, устранению их последствий. В России контрольно-надзорные функции осуществляют следующие органы:

1. Министерство внутренних дел (МВД России).
2. Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России).
3. Министерство иностранных дел (МИД России).
4. Министерство обороны (Минобороны России).
5. Министерство юстиции (Минюст России).
6. Министерство здравоохранения (Минздрав России).
7. Министерство культуры (Минкультуры России).
8. Министерство просвещения (Минпросвещения России).
9. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России).
10. Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России).
11. Федеральная служба судебных приставов (ФССП России).
12. Государственная фельдъегерская служба (ГФС России).
13. Служба внешней разведки (СВР России).
14. Федеральная служба безопасности (ФСБ России).
15. Федеральное агентство водных ресурсов.
16. Федеральное агентство лесного хозяйства.
17. Федеральное агентство по недропользованию.

Институт контрольно-надзорной деятельности в современной России включает в себя законодательство, виды контроля и органы, осуществляющие эту деятельность.

Контрольно-надзорная деятельность в России регулируется Федеральным законом от 31.07.2020 № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 248-ФЗ). Он определяет государственный контроль (надзор) как деятельность контрольных (надзорных) органов, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений.

В ФЗ № 248-ФЗ закреплены следующие особенности законодательного регулирования:

- порядок организации и осуществления контроля устанавливается положениями о видах контроля;
- федеральным законом могут быть установлены особенности организации контроля на отдельных территориях (таких как особые экономические зоны и т. п.);
- надзор за исполнением закона осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами.

В РФ выделяют следующие виды контрольно-надзорной деятельности:

- федеральный государственный контроль (надзор), осуществляемый федеральными органами исполнительной власти;
- региональный государственный контроль (надзор), осуществляемый органами исполнительной власти субъектов РФ (по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ);
- муниципальный контроль, осуществляемый органами местного самоуправления (по решению вопросов местного значения).

При организации контрольной деятельности применяется так называемый рискориентированный подход. Рискориентированный подход представляет собой принцип реформы контрольной (надзорной) деятельности, при котором интенсивность контроля за деятельностью контролируемого лица и формы контроля зависят от рисков нанесения ущерба охраняемым законом ценностям из-за возможного несоблюдения требований.

Контролируемые лица распределяются по категориям риска (от самого низкого до чрезвычайно высокого), и в зависимости от категории устанавливается частота проведения контрольных мероприятий и их виды.

Контрольными (надзорными) органами в России являются:

- федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ), осуществляющие федеральный государственный контроль (надзор);
- органы исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющие региональный государственный контроль (надзор);
- органы местного самоуправления, осуществляющие муниципальный контроль;
- другие организации: в определенных законом случаях надзорными органами могут выступать государственные корпорации и, публично, правовые компании.

К формам контрольных (надзорных) мероприятий относятся:

- при взаимодействии с контролируемым лицом: контрольная закупка, мониторинговая закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, документальная проверка;
- без взаимодействия с контролируемым лицом: наблюдение за соблюдением обязательных требований, выездное обследование. [2]

Контрольно-надзорная процедура имеет следующие особенности:

- решения контрольного органа и действия его должностных лиц должны быть объективными и подтверждаться фактическими данными и документами, содержащими актуальную информацию;
- при организации и осуществлении контроля не допускается необоснованное принятие решений контрольным органом и совершение необоснованных действий и бездействий должностными лицами;
- приоритетом является проведение профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда.

Решения контрольно-надзорных органов может быть обжаловано согласно ФЗ № 248-ФЗ, где установлен порядок обжалования решений контрольных (надзорных) органов и их должностных лиц, который имеет следующие особенности:

- правом на обжалование обладает контролируемое лицо, в отношении которого приняты решения о проведении контрольных мероприятий, составлены акты мероприятий, выданы предписания об устранении выявленных нарушений;
- досудебный порядок подачи жалобы: она подается контролируемым лицом в электронном виде через портал «Госуслуги» и подписывается простой или усиленной квалифицированной электронной подписью;
- срок подачи жалобы — в течение 30 календарных дней с момента, когда должностное лицо было уведомлено о нарушении своих прав, а на предписание — в течение 10 рабочих дней с момента получения контролируемым лицом предписания;
- судебное обжалование решений контрольного органа, действий (бездействий) его должностных лиц возможно только после их досудебного обжалования, за исключением обжалования в суде решений, действий (бездействий) гражданами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность.

Подводя итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы: в настоящее время в России происходит формирование и законодательное закрепление института контрольно-надзорной деятельности; понятия «контроль» и «надзор» не являются синонимами.

Понятие «контроль» подразумевает возможность вмешательства в деятельность государственного органа, а понятие «надзор» предполагает лишь наблюдение за соблюдением норм, установленных законом. В ФЗ № 248-ФЗ

теперь закреплено, что решения контрольно-надзорных органов могут быть обжалованы. Начиная с 2020 г. контролируемые лица распределяются по категориям риска (от самого низкого до чрезвычайно высокого), и в зависимости от категории устанавливается частота проведения контрольных мероприятий и их виды.

В заключение следует отметить, что данные изменения выявили некоторые недостатки и пробелы как в законодательстве, так и в практической деятельности государственных органов, которые в настоящее время интенсивно исправляются в результате проведения реформ.

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации (с Гимном России) : офиц. текст. — Москва : Проспект, 2021. — 64 с.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/
3. Распоряжение Правительство РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. и плана-графика по ее реализации» // ГАРАНТ.РУ : информ.-правовой портал. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408171459/>
4. Три года реформе контрольно-надзорной деятельности, принцип приоритета профилактики // Дальнегорский муниципальный округ. — URL: <https://dalnegorsk-mo.ru/munitsipalnyj-kontrol/media/2023/9/29/tri-goda-reforme-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-printsip-prioriteta-profilaktiki/?ysclid=mmrk9hq1r6392811750>
5. Головач, А. А. Современная реформа контрольно-надзорных органов в Российской Федерации / А. А. Головач // StudArctic Forum. — 2017. — Т. 4, № 8. — С. 88–92.
6. Каитова, Д. Х. Актуальные проблемы налогового контроля в Российской Федерации / Д. Х. Каитова // Молодой ученый. — 2019. — № 1 (239). — С. 106–107.
7. Федюнин, А. Н. Актуальные проблемы законодательства в сфере налогового контроля / А. Н. Федюнин // Наука современности: проблемы и решения : сборник научных статей. Т. 1. Ч. 3. — Москва : Перо, 2019. — С. 146–151.
8. Шнайдерман, А. В. Проблемы организации налогового контроля в РФ и направления их решения / А. В. Шнайдерман, Д. В. Субботин // Modern Science. — 2020. — № 12-4. — С. 180–182.
9. Благинина, Ю. Н. Налоговый контроль: проблемы и пути решения / Ю. Н. Благинина, В. Е. Фоминых // Научное образование. — 2021. — № 2 (11). — С. 160–163.

Конфиденциальность в социальных сетях и мессенджерах: правовые ограничения на сбор и анализ данных

Власов Кирилл Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Гутник Сергей Иосифович, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения конфиденциальности персональных данных пользователей в социальных сетях и мессенджерах. Анализируются правовые механизмы регулирования сбора, обработки и передачи данных, а также существующие проблемы их применения на практике. Особое внимание уделяется национальному законодательству и международным стандартам защиты данных, включая GDPR, а также судебной практике в данной сфере. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования и повышения уровня защиты цифровых прав пользователей в условиях стремительного развития информационных технологий.

Ключевые слова: конфиденциальность, персональные данные, социальные сети, мессенджеры, правовое регулирование, согласие на обработку данных, трансграничная передача данных, GDPR, судебная практика, защита цифровых прав.

Современные информационные технологии оказывают значительное влияние на личную жизнь людей. С развитием социальных сетей и мессенджеров вопросы защиты персональных данных приобрели особое значение. Операторы таких платформ регулярно собирают и анали-

зируют данные пользователей, что порождает риски для их конфиденциальности [1]. Ситуация осложняется тем, что правовые механизмы, регулирующие сбор и использование этих данных, не всегда успевают за быстрым развитием технологий [2]. Важным аспектом является соблю-

дение прав пользователей на конфиденциальность, что требует тщательного анализа как национального законодательства, так и международных стандартов.

Цель настоящей работы — анализ правовых аспектов, касающихся конфиденциальности данных пользователей в социальных сетях и мессенджерах, с акцентом на правовые ограничения на сбор, обработку и анализ данных.

Говоря о правовых аспектах конфиденциальности в социальных сетях и мессенджерах, стоит упомянуть, что в России защиту персональных данных регулирует Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», принятый в 2006 году [3]. Он обязывает операторов персональных данных обеспечивать безопасность и конфиденциальность собранной информации, а также обрабатывать её исключительно с согласия пользователя. С 2015 года в силу вступили поправки, обязывающие хранить данные граждан РФ исключительно на территории России [4]. Кроме того, статья 23 Конституции РФ закрепляет право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений [5].

Ключевым принципом законодательства является получение добровольного и осознанного согласия на обработку данных [3]. На практике пользователи часто дают согласие, не читая условий соглашения [6], что приводит к злоупотреблениям и конфликтам при утечках информации или передаче её третьим лицам [7].

Существуют определенные ограничения на передачу данных третьим лицам. Передача персональных данных без согласия допускается только по решению суда или на основании закона [3]. Однако на практике операторы используют юридические «лазейки», например, формулировки в соглашениях, позволяющие делиться данными с партнёрами [8]. Дополнительной проблемой является трансграничная передача данных — несмотря на запреты, некоторые компании (например, Google) продолжают обработку данных в дата-центрах, находящихся за пределами РФ [9].

Говоря о международных стандартах защиты конфиденциальности, в первую очередь стоит упомянуть общий регламент защиты данных (GDPR), принятый в ЕС в 2018 году, который считается эталоном регулирования обработки персональных данных [10]. Он закрепляет права пользователей, включая право на забвение, минимизацию и прозрачность обработки данных.

Также можно отметить аналогичные законы в других странах: LGPD в Бразилии, PIPEDA в Канаде и CCPA в Калифорнии [11]. Их появление указывает на глобальную

тенденцию к усилению контроля над обработкой персональных данных [12].

Анализ судебной практики показал, что в России значимым делом стало разбирательство против «Ростелекома», который в 2017 году был оштрафован за утечку данных пользователей [13]. Суды также не раз признавали незаконным использование данных из соцсетей для таргетированной рекламы без отдельного согласия. В Европе громкие дела связаны с нарушением GDPR. Например, Google был оштрафован на десятки миллионов евро за несоблюдение норм согласия и обработки данных [14]. Прецедентное решение Европейского суда по делу Planet49 чётко указало: согласие должно быть конкретным, информированным и активным [15].

Отсюда можно сделать вывод, что конфиденциальность данных в социальных сетях и мессенджерах требует надёжной правовой защиты. Несмотря на наличие закона о персональных данных в России, наблюдаются значительные трудности с его реализацией. Сложности связаны как с низкой цифровой грамотностью пользователей, так и с отсутствием эффективных механизмов государственного контроля за действиями операторов данных. Международные подходы, такие как GDPR, могут служить ориентиром для совершенствования отечественного регулирования.

Учитывая тенденции глобальной цифровизации, в целях повышения эффективности защиты персональных данных в РФ можно предложить следующие меры: во-первых, необходимо внедрение механизма «гранулированного согласия», при котором пользователь может избирательно давать разрешение на обработку конкретных типов данных; во-вторых, следует ввести обязательство для операторов раскрывать алгоритмы, используемые для обработки и анализа данных; в-третьих, либо создать самостоятельный независимый орган по защите цифровых прав пользователей, чётко определив его статус, наименование и компетенцию, либо возложить соответствующие полномочия на Роскомнадзор, существенно расширив его функции в части контроля и применения эффективных санкций; в-четвёртых, необходимо ужесточить ответственность за утечку персональных данных, включая обязательную компенсацию ущерба пострадавшим; наконец, важным направлением является повышение цифровой и правовой грамотности населения через образовательные программы. Эти шаги позволят укрепить правовую защиту личности в условиях стремительного развития цифровой среды.

Литература:

1. Шестаков, В. А. Проблемы правового регулирования конфиденциальности в цифровом обществе / В. А. Шестаков. — Текст: непосредственный // Информационное право. — 2020. — № 4. — С. 18–24.
2. Орлов, А. В. Конфиденциальность и безопасность в социальных сетях / А. В. Орлов. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. — Текст: непосредственный.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 25.03.2026).

4. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165838/?ysclid=mn62jhz4a6249732899 (дата обращения: 25.03.2026).
5. Конституция Российской Федерации. — М.: Юрист, 2005. — Текст: непосредственный.
6. Кузнецов, М. В. Юридические аспекты защиты данных в интернете: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кузнецов М. В.. — М., 2018. — Текст: непосредственный.
7. Шевченко, Н. И. Анализ рисков при передаче персональных данных в интернете / Н. И. Шевченко. — Текст: непосредственный // Вестник Юридического института. — 2021. — № 2. — С. 45–51.
8. Зеленин, И. С. Проблемы согласия на обработку персональных данных в условиях цифровизации / И. С. Зеленин. — Текст: непосредственный // Право и цифровая экономика. — 2022. — № 1. — С. 33–40.
9. Иванов, С. В. Трансграничная передача персональных данных: международно-правовой аспект / С. В. Иванов. — Текст: непосредственный // Юридический мир. — 2021. — № 7. — С. 12–17.
10. General Data Protection Regulation (GDPR): Regulation (EU) 2016/679. — Brussels: EU Official Journal, 2018. — Текст: непосредственный.
11. Greenleaf, G. Global Data Privacy Laws 2021: Despite COVID Delays, 145 Laws Show GDPR Dominance / G. Greenleaf. — Текст: непосредственный // Privacy Laws & Business. — 2021. — № 170.
12. Zanfir-Fortuna, G. Global Trends in Privacy Regulation / G. Zanfir-Fortuna. — Текст: непосредственный // Future of Privacy Forum. — 2020.
13. Судебная практика: Ростелеком против Роскомнадзора. — М.: Право, 2017. — Текст: непосредственный.
14. Штрафы Google и Facebook за нарушение GDPR. Судебные решения. — Брюссель: Европейский суд, 2020.
15. European, Court of Justice Case C-673/17: Planet49 GmbH / Court of Justice European. — Luxembourg, 2019. — Текст: непосредственный.

Система транспортных договоров в гражданском праве России: вопросы теории и правоприменительной практики

Воронина Елена Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Система транспортных договоров в гражданском праве Российской Федерации — это сложный многоуровневый узел обязательств, регулирующий процесс перемещения грузов, пассажиров и багажа. Это не просто один вид сделки, а целая совокупность **институтов**, объединенных общей целью.

Характерной особенностью гражданско-правового регулирования перевозочных отношений является ярко выраженная множественность его правовых источников. Закрепленные в гл. 40 ГК РФ нормы регламентируют лишь общие правила перевозки на территории РФ, отдавая предпочтение правовой регламентации специальному законодательству, наиболее полно отражающему особенности перевозки в зависимости от используемого вида транспорта. Детальная регламентация условий перевозки обеспечивается многочисленными транспортными уставами и кодексами (п. 2 ст. 784 ГК РФ). Предпринятый законодателями, данный юридико-технический прием объясняется следующим — стремлением учесть значительные технологические и правовые особенности перевозок, осуществляемых различными видами транспорта; необходимостью обеспечить комплексное правовое регулирование деятельности каждого из них. Помимо федерального за-

конодательства правовая регламентация перевозочных отношений представлена подзаконными нормативными актами Правительства РФ, источниками правового регулирования отношений по перевозке, закрепленных в общепризнанных принципах и нормах международного права, и международных договорах РФ.

Особенностью транспортного законодательства является то, что в Гражданском кодексе закреплены основные положения о регулировании перевозок, а детальная регламентация их содержится в транспортных уставах и кодексах, принимаемых на уровне федерального закона (п. 2 ст. 784 ГК).

Кроме кодексов, уставов и иных законодательных актов для правового регулирования перевозок большое значение имеют правила, издаваемые Правительством Российской Федерации, а также соответствующими транспортными ведомствами (Министерством транспорта, Министерством путей сообщения, федеральными транспортными службами). В них закреплены не только правовые нормы, но и технические нормативы деятельности транспорта.

Единое направление судебной и арбитражной практики по разрешению споров, связанных с перевозками,

обеспечивается актами толкования, которые содержатся в документах Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

С учетом взаимодействия России с различными странами, экономическими сообществами все более часто применяются международные транспортные соглашения и конвенции. Они используются при осуществлении международных перевозок, а также на их основе унифицируются акты российского транспортного права.

Система нормативного регулирования в области международного права включает в себя такие конвенции как: Конвенция о договоре международной перевозки грузов и пассажиров и багажа, Конвенция о международных автомобильных перевозках пассажиров и багажа от 1997г., Женевская ЕЭК ООН 1956 года о налоговом обложении дорожных перевозочных средств, используемых для международной перевозки пассажиров и другие.

Транспортный договор является одним из разновидностей гражданско-правовых договоров, заключаемых в транспортной сфере. Рассмотрим более детально правовые нормы в части определения договора перевозки различными видами транспорта.

Согласно статье 785 Гражданского кодекса РФ «по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату».

В Воздушном кодексе в статье 103 определены правовые основы следующих документов: «Договор воздушной перевозки пассажира. Договор воздушной перевозки груза. Договор воздушной перевозки почты». Обращает внимание тот факт, что детально прописаны условия, сроки провоза багажа, условия возврата уплаченной за воздушную перевозку провозной платы, что обусловлено особенностями данного вида транспорта. Согласно статье 105 «Перевозочные документы», к перевозочным документам относятся билет, багажная квитанция, грузовая накладная, почтовая накладная, иные документы. Также в данном кодексе подробно прописаны формы документов и их учет, требования их оформления, льготы, условия изменения, расторжения договоров и др. В отличие от нормативных документов, регулирующих условия заключения договоров перевозки в железнодорожном и автомобильном транспорте, «Воздушный кодекс РФ» выделяется подробным изложением и тщательной проработкой.

Обращаясь к нормативным документам, регулирующим транспортно-договорные отношения на железнодорожном транспорте, понятие «договор» не выделено в отдельную статью. Тем не менее его составляющие распределены по отдельным пунктам статей. Например, в Федеральном законе «О железнодорожном транспорте в РФ» в статье 2 «Основные понятия» выделены такие понятия как «перевозчик, владелец инфраструктуры» и др. В ФЗ «Устав железнодорожного транспорта РФ» отмечено, что

«перевозочный документ — документ, подтверждающий заключение договора перевозки груза, порожнего грузового вагона (транспортная железнодорожная накладная) или удостоверяющий заключение договора перевозки пассажира, багажа, грузобагажа (проездной документ (билет), багажная квитанция, грузобагажная квитанция)».

Изучая нормативно-правовое регулирование на автомобильном транспорте видим, что понятие договора прописано в ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» в статье 8 «Заключение договора перевозки груза». К примеру, в данной статье определяется, что «заключение договора перевозки груза подтверждается транспортной накладной», которая составляется грузоотправителем. Билет является перевозочным документом, удостоверяющим заключение договора перевозки пассажира. То есть, если в железнодорожном транспорте документом, подтверждающим и удостоверяющим заключение договора о перевозке, являются проездной документ (билет), багажная квитанция, грузобагажная квитанция, то в автомобильном транспорте такими документами являются билет и транспортная накладная.

В «Кодексе внутреннего водного транспорта РФ» в статье 67 «Договор перевозки груза» прописаны условия перевозки груза, обязанности перевозчика. Документом, подтверждающим заключение договора перевозки груза, является транспортная накладная и оформленные на ее основании дорожная ведомость и квитанция о приеме груза. Также стороны договора перевозки груза вправе предусмотреть применение коносамента в качестве транспортного документа, выдаваемого перевозчиком.

В «Кодексе торгового мореплавания РФ» в статье 115 даны определения и виды договора морской перевозки груза, а также в статье 177 отдельно прописано определение договора морской перевозки пассажира. Согласно статье 179, перевозочным документом, удостоверяющим заключение договора морской перевозки пассажира является билет, багажа — багажная квитанция.

Таким образом, как и в правовых актах воздушного транспорта, в нормативных актах водного и морского транспорта, строго определены условия составления и соблюдения договоров перевозок.

В целом, анализ нормативных документов, регулирующих перевозку грузов и пассажиров в различных видах транспорта выявил, что их основой выступает Гражданский кодекс РФ, где определены наиболее общие принципы и положения, касающиеся процесса перевозок. Данный факт обуславливает общие моменты и понятия, прописываемые для договоров перевозок в различных видах транспорта.

Основными аспектами важности нормативно-правового регулирования в транспортной сфере являются:

1) Защита прав участников — нормативно-правовое регулирование устанавливает рамки ответственности перевозчика и клиента, что позволяет защитить их права в случае возникновения споров и нарушений.

2) Создание стабильности — законодательство создает стабильную правовую базу для транспортной отрасли, что способствует инвестициям и развитию бизнеса.

3) Повышение эффективности — наличие четких правил и процедур, установленных законом, оптимизирует процесс организации перевозок, снижает риски и упрощает ведение бизнеса.

4) Урегулирование споров — нормативно-правовые акты устанавливают порядок разрешения споров, возникающих в ходе транспортных отношений, что позволяет избежать длительных судебных разбирательств.

Транспортные договоры можно разделить на 2 большие группы: основные (перевозочные) — договоры перевозки грузов; перевозки пассажиров; договоры фрахтования. И вспомогательные (организационные) — долгосрочные договоры об организации перевозок; договоры между транспортными организациями; договоры транспортной экспедиции.

Согласно определению договора перевозки грузов, данному в п. 1 ст. 785 ГК РФ, под ним понимается соглашение, по которому перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его уполномоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку установленную плату. Таким образом, данное определение наглядно показывает, что договор перевозки грузов является возмездным и взаимным. Это реальный договор: он считается заключенным с момента передачи

груза к перевозке (исключение составляет договор морской перевозки — фрахтование (чартер), являющийся консенсуальным). Перевозка грузов транспортом общего пользования подразумевает, что договор является публичным. Действующее законодательство предусматривает и консенсуальную модель договора перевозки груза, которая в этом плане выглядит наиболее цельной, поскольку включает в себя предшествующие перевозке отношения, не свойственные для реального договора. Свидетельством данной возможности являются некоторые положения транспортных уставов и кодексов.

В современных условиях очень важна роль актуального законодательства и нормативно-правовых актов исполнительной власти, чьей задачей является составление общепринятых правил перевозок. Свод принимаемых законодательных норм обязателен к соблюдению для перевозчиков, пассажиров, отправителей и получателей грузов и других участвующих лиц. Кроме того, установленные законом нормы регулируют обеспечение безопасности движения, минимизацию порчи имущества и заботу об окружающей среде.

Транспортные правоотношения представляют собой юридическую связь участников социальных процессов в области транспортных процессов, которая возникает и существует на основании норм транспортного права. Другими словами, это регулируемое нормами транспортного права общественное отношение, складывающееся по поводу и в процессе осуществления транспортной деятельности, включая управление в сфере транспорта.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 1. Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: (в ред. от 25.02.2022 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 2. Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: (в ред. от 01.07.2021 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
3. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (в ред. от 06.03.2022 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
4. Федеральный закон от 30.06.2003 N 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (ред. от 18.03.2020) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
5. Постановление Правительства РФ от 01.12.2023 N 2060 «Об утверждении Правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
6. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2022 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
7. Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 14 марта 2022 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
8. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» (в ред. от 28 июня 2022 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
9. Федеральный закон от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» (в ред. от 14 марта 2022г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан.
10. Гречуха В. Н. Транспортное право России: учебник для магистров / В. Н. Гречуха. — М., 2013.
11. Егиазаров В. А. Транспортное право: учебник / В. А. Егиазаров. — М., 2004.
12. Н. А. Духно, А. И. Землина. Транспортное право. Общая часть. Учебник. под редакцией Н. А. Духно, А. И. Землина — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2021.

13. Морозов С. Ю. Транспортное право: учебное пособие. — М., 2010.
14. Савин В. И. Перевозки грузов автомобильным транспортом / В. И. Савин, Д. Л. Щур // Дело и Сервис. — 2017.

Соотношение категорий «контроль» и «надзор» в теории административного права и их отражение в действующем законодательстве

Гамзатова Пари Гаджиевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В представленной статье анализируется соотношение категорий «контроль» и «надзор» в теории административного права и их отражение в действующем законодательстве Российской Федерации.

Автором последовательно раскрываются основные доктринальные подходы к разграничению контроля и надзора (от отождествления до признания их самостоятельными институтами), выделяются ключевые критерии разграничения по субъектному составу, предмету проверки и объёму властных полномочий отдельных публичных субъектов при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Особое внимание уделено влиянию реформы контрольно-надзорной деятельности, проводимой по настоящее время на нормативное закрепление рассматриваемых категорий и исследованию тенденции к их объединению в рамках единой правовой конструкции «государственный контроль (надзор)».

Кроме того, автором обосновывается необходимость сохранения теоретического разграничения контроля и надзора при одновременной унификации процедур их осуществления в целях повышения эффективности публичного управления и обеспечения гарантий прав граждан и организаций.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, контрольно-надзорная деятельность, административное право, публичное управление, реформа контроля и надзора, Федеральный закон № 248-ФЗ, риск-ориентированный подход, обязательные требования, принцип законности.

В общей теории права и административного права контроль традиционно рассматривается как **функция** государственного управления и как особый вид юридической деятельности, заключающейся в проверке соответствия поведения управляемых субъектов императивным предписаниям правовых норм, планов, стандартов и иных публично-правовых установок.

Контрольная деятельность, как правило, включает в себя: установление показателей, сбор и анализ информации о деятельности подконтрольных субъектов, оценку результатов и принятие корректирующих решений (выдача предписаний, применение мер ответственности, изменение управленческих решений и т. д.) [1].

Надзор в административно-правовой доктрине чаще всего определяется как особая форма юридической деятельности, направленная на проверку соблюдения законности и государственных дисциплинарных требований, осуществляемую уполномоченными органами в отношении неподчинённых им субъектов. Надзор ориентирован исключительно на проверку законности поведения поднадзорных субъектов, тогда как контроль помимо законности охватывает и оценку целесообразности, эффективности и результативности управленческих решений.

Так, по мнению В. П. Беляева, надзор следует понимать как особую форму юридической деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, которая реализуется через осуществление ими в пределах компетенции юриди-

чески значимых действий, направленных на разрешение возникающих на поднадзорных объектах юридических ситуаций, обусловленных неисполнением либо ненадлежащим исполнением законов государственными органами и их должностными лицами, с целью обеспечения режима законности и правопорядка, а также предупреждения и пресечения правонарушений [2, с. 74].

Категории «контроль» и «надзор» выступают ключевыми механизмами обеспечения соблюдения установленных требований и регламентации деятельности участников публичных отношений. Если контроль преимущественно направлен на выявление соответствия поведения субъектов конкретным нормам, правилам и стандартам, то надзор охватывает более широкий комплекс функций, включающий систематическое наблюдение, общее руководство и координацию, ориентированные на достижение законности и результативности деятельности [3, с. 378].

Специальные исследования показывают, что единства в вопросе разграничения контроля и надзора в теории административного права нет. На сегодняшний день в научной литературе сложилось три основных подхода к разграничению категорий «контроль» и «надзор» [4]:

1. Подход по отождествлению: контроль и надзор рассматриваются как синонимичные категории, а «административный надзор» — как исторически сложившийся термин, описывающий, по сути, контрольную деятельность в отдельных сферах;

2. Подход субординации (надзор как разновидность контроля): контроль трактуется как родовое понятие, включающее комплекс мер по проверке и оценке деятельности управляемых субъектов, тогда как надзор — более узкий вид контроля, направленный преимущественно на наблюдение за соблюдением законности неподчинёнными субъектами;

3. Подход самостоятельности институтов: контроль и надзор рассматриваются как два самостоятельных вида правоохранительной деятельности с различным предметом, основаниями и методами осуществления; при этом контроль связывается с отношениями организационного подчинения, а надзор — с внешним наблюдением за деятельностью автономных субъектов.

Поддерживая вторую модель, можно привести суждение о том, что надзор обладает совокупностью специфических признаков (отсутствие организационного подчинения, приоритетная направленность на соблюдение законов, ограниченный набор мер реагирования), что позволяет говорить о нём как об «узком» по отношению к контролю явлении.

В поддержку третьего подхода видится логичным указать, что в ряде отраслей и направлений деятельности (прокуратура, финансовый надзор, санитарно-эпидемиологический надзор) на сегодняшний день сформировались особые режимы деятельности, не сводимые к классическим контрольным полномочиям, что оправдывает выделение надзора в самостоятельный институт административного права.

Сравнение доктринальных определений и нормативных конструкций позволяет выделить несколько ключевых признаков, по которым различаются контроль и надзор:

1. Субъектный состав: контроль чаще связывается с отношениями «властвующий орган — подчинённый орган (организация, должностное лицо)», тогда как надзор осуществляется в отношении организационно неподчинённых субъектов (хозяйствующие субъекты, граждане, органы иных ветвей власти);

2. Предмет проверки: контроль охватывает не только соблюдение законности, но и соответствие деятельности целям, задачам, планам, стандартам эффективности и экономичности; надзор ориентирован преимущественно на проверку соблюдения обязательных требований права;

3. Содержание полномочий: при контроле допускается более широкий набор управленческих решений (издание распорядительных актов, изменение планов, применение внутренних дисциплинарных мер), тогда как надзор ограничивается мерами реагирования, прямо предусмотренными законом (выдача предписаний, возбуждение дел об административных правонарушениях, обращение в суд);

4. Характер вмешательства: контроль нередко носит систематический и плановый характер, интегрированный в процесс управления, тогда как надзор характеризуется как внешнее наблюдение, направленное на предотвращение и пресечение нарушений законодательства в опре-

делённых сферах (например, административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы).

При этом часть исследователей справедливо отмечает, что на практике данные критерии нередко «размываются», а один и тот же орган может обладать как контрольными, так и надзорными полномочиями, что затрудняет их формальное разграничение.

Как справедливо отмечается в литературе, «контрольная функция имманентно присуща всем органам государственной власти, тогда как функция надзора входит в состав специальной компетенции отдельных государственных органов». При этом «надзор можно рассматривать как ограниченный, «суженный» контроль, ориентированный преимущественно на проверку соблюдения правовых норм» [5, с. 175–176].

В работах, посвящённых современному состоянию государственного контроля и надзора, подчёркивается, что данные институты «являются формой публичноправовой деятельности, направленной на обеспечение соблюдения обязательных требований в различных сферах общественной жизни». При этом исследователи указывают, что неоднозначность терминологии и «двусмысленность в интерпретации их значения» создают существенные трудности для правоприменительной практики и реализации реформы контрольнонадзорной деятельности [6, с. 160].

Современное российское законодательство об административной ответственности и о контрольно-надзорной деятельности демонстрирует неоднородный подход к использованию рассматриваемых категорий. В ряде нормативных актов контроль и надзор употребляются как равнозначные термины, причём законодателем закрепляется единая конструкция «государственный контроль (надзор), муниципальный контроль», без раскрытия их различий.

Ключевым актом в области реформирования контрольно-надзорной деятельности является Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Закон) [7].

В пункте 1 статьи 1 данного Закона под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, а также на оценку соблюдения гражданами и организациями обязательных требований с использованием предусмотренных законом форм и средств. Такая легальная дефиниция фактически объединяет контроль и надзор в единую правовую категорию, не проводя внутреннего разграничения между ними.

При этом в отраслевом законодательстве и специальных институтах административного права термин «надзор» сохраняет традиционное значение: достаточно упомянуть прокурорский надзор, административный надзор за соблюдением правил в отдельных сферах (пожарный, санитарно-эпидемиологический, природо-

охранный надзор и др.), а также административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы. В этих случаях нормативное регулирование закрепляет специфические полномочия надзорных органов, особый процедурный режим и ориентированность на обеспечение законности и общественной безопасности, что корреспондирует с доктринальным пониманием надзора как относительно самостоятельного института.

Реформа контрольной и надзорной деятельности, реализуемая в соответствии с правительственными документами стратегического планирования и Концепцией совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [8], привела к кардинальному пересмотру подходов к регулированию государственного контроля и надзора. Среди ключевых новелл можно выделить внедрение риск-ориентированного подхода, развитие профилактических мероприятий, цифровизацию процедур и унификацию требований к контрольно-надзорным органам.

Указанные изменения институционально сближают контроль и надзор, поскольку единые принципы и процедуры (оценка рисков, проверочные листы, профилактические визиты, дистанционный мониторинг) распространяются на широкий спектр видов контроля (надзора),

что объективно усиливает тенденцию к их нормативному объединению в рамках конструкции «государственный контроль (надзор)». В то же время доктринальные работы последних лет подчёркивают, что терминологическое «сглаживание» различий не должно приводить к отказу от теоретического анализа специфики надзорной деятельности, особенно там, где она служит дополнительной гарантией законности и прав субъектов предпринимательства и граждан.

В контексте продолжающейся реформы предлагается рассматривать контроль и надзор как элементы единой системы контрольно-надзорной деятельности, но с сохранением их теоретического разграничения по критериям субъектов, предмета и объёма полномочий. Такой подход позволил, с одной стороны, обеспечить технологическое и процедурное единство регулирования, а с другой — сохранить возможность гибкого правового конструирования особых режимов надзора в наиболее чувствительных сферах публично-правового интереса (финансовой, экологической, санитарной и др.), где наблюдается закрепление повышенных требований к гарантиям законности и прав человека, а также усиление и упорядочивание контрольно-надзорных мероприятий.

Литература:

1. Поляков А. А. Соотношение понятий контроля и надзора в России // Евразийский Научный Журнал № 6 2015. [электронный ресурс]: URL: <https://journalpro.ru/articles/new-articleuEPr3PBev4/> (дата обращения: 28.02.2026 г.).
2. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики [Текст]: дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Валерий Петрович Беляев. Саратов. 2006 436 с.
3. Дитрих Д. К. Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 377–383.
4. Анисимова К. О. О вопросе соотношения понятий контроля и надзора // Научный вестник Крыма. 2018. № 7 (18). С. 1–8.
5. Чикунов А. Ю. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» в российской правовой системе // Молодой ученый. 2018. № 43 (229). С. 173–178.
6. Захарцова Н. А. Проблемы государственного контроля и надзора в современной Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 159–163.
7. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 31.07.2020. № 0001202007310018.
8. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р (ред. от 17.06.2024) «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // СПС «КонсультантПлюс». 2026.

Понятие и правовые аспекты проведения экспертизы в уголовном процессе

Ермолаева Наталья Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье подробно рассматривается анализ роли и процессуального значения судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве России: понятие экспертизы как самостоятельного вида исследовательской деятельности, направленной на установление фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, путем применения специальных знаний; порядок назначения и проведения экспертизы, регламентированный законодательством, включая этапы от целесообразности до

исполнения постановления; особенности назначения экспертиз для потерпевших и свидетелей, а также ключевым требованиям к оформлению заключений экспертов. В статье также поднимаются актуальные проблемы, такие как шаблонность в работе следователей, необоснованные отказы в назначении экспертиз, сложности с оценкой заключений негосударственных экспертных организаций и вопросы качества подготовки специалистов. Предлагаются пути решения обозначенных проблем, направленные на повышение эффективности экспертного сопровождения уголовного процесса.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовное судопроизводство, процессуальный порядок, заключение эксперта, правовые проблемы.

Заключения специалистов играют значительную роль в разнообразных областях деятельности, а их результаты становятся надежной основой для принятия судебных решений и осуществления следственных действий.

Понятие «экспертиза» означает особую разновидность анализа, требующую привлечения специфических знаний и опыта. В ходе экспертизы изучаются представленные материалы для выяснения фактов, имеющих юридическое значение для конкретного процесса.

В контексте судебных процессов экспертиза является отдельным и самостоятельным видом исследовательской работы [6, с. 68].

Согласно ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2] судебная экспертиза является процессуальным шагом. Она заключается в проведении исследований и последующей подготовке заключения экспертом. Такая деятельность иницируется судом, судьей, органами дознания, дознавателем или следователем для разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Конечной целью является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу [3].

В рамках уголовного судопроизводства экспертиза является одним из процессуальных действий, которое проводится при наличии определенных законом оснований и условий. Экспертиза может быть назначена как на начальной стадии следствия, так и в ходе судебного разбирательства. Следственные органы или суд определяют, какие вопросы необходимо разрешить посредством экспертизы, какие объекты будут исследованы, а также выбирают исполнителя (экспертное учреждение или специалиста), место и время проведения.

Процесс назначения экспертизы, урегулированный статьей 195 УПК РФ, состоит из нескольких этапов. Он начинается с анализа целесообразности, возможности и необходимости проведения экспертизы. Далее осуществляется подготовка материалов для исследования. Затем следует выбор эксперта или экспертной организации. Обязательным шагом является вынесение мотивированного постановления о назначении экспертизы. В ряде случаев может потребоваться получение судебного решения. После этого обвиняемый, подозреваемый и его защитник знакомятся с постановлением и могут заявить ходатайства. Завершающим является исполнение постановления, то есть направление документов и объектов исследования в экспертное учреждение или конкретному специалисту [1].

Для потерпевших и свидетелей установлен особый порядок назначения экспертизы. В редких исключительных случаях, помимо обязательного назначения, она проводится лишь с письменного согласия этих лиц или их законных представителей, за исключением ситуаций, когда экспертиза назначается принудительно, например, при наличии сомнений в психическом состоянии обвиняемого.

Вопросы, адресованные эксперту, должны соответствовать его области знаний, а заключение — выходить за рамки его профессиональной компетенции [5, с. 397]. При проведении экспертизы вне специализированных учреждений требуется подтверждение квалификации эксперта и отсутствие оснований для его отвода, что фиксируется в постановлении.

Используемые экспертом методики должны быть научно обоснованы и апробированы, а выводы — базироваться на общепринятых научных данных. Эксперт не вправе самостоятельно собирать объекты для исследования, за исключением получения образцов для экспериментов.

Экспертиза проводится согласно общим правилам следственных действий: в дневное время, без применения незаконных методов, насилия, угроз, обмана, унижения или порчи имущества.

Серьезной проблемой является шаблонность в работе следователей, проявляющаяся в стандартном наборе вопросов к экспертам по схожим делам [4, с. 113–114]. Рекомендовано разрабатывать индивидуальные методические указания для правоохранителей.

Часто необоснованно отклоняются ходатайства стороны защиты о назначении экспертизы, что затягивает расследование. Предлагается законодательно закрепить обязательное назначение судебной экспертизы по ходатайству защиты.

Существует проблема выбора экспертной организации [8, с. 94–95]. Заключения негосударственных учреждений нередко игнорируются. Создание единого реестра методик и стандартизация терминологии помогут повысить качество экспертных заключений.

Низкое качество заключений экспертов является общественным недостатком. Для решения этой проблемы необходимо повышать качество подготовки судебно-экспертных специалистов, укреплять гарантии независимости экспертов разграничением профессиональной и служебной тайны. Комплексные меры будут способствовать повышению эффективности экспертного сопровождения уголовного процесса [7, с. 754–755].

Экспертиза — это ключевой инструмент познания, требующий глубоких специальных знаний и строгого со-

блюдения процессуальных норм, т. к. от качества и объективности экспертных заключений напрямую зависит справедливость принимаемых решений. Процесс назначения и проведения экспертизы в уголовном судопроизводстве, урегулированный законодательством, представляет собой многоэтапную систему.

Несмотря на четко прописанные процедуры, существуют и актуальные проблемы, требующие внимания. Шаблонность в постановке вопросов, необоснованный отказ в назначении экспертиз по ходатайству стороны защиты, сложности с оценкой заключений негосударственных экс-

пертных организаций, а также вопросы качества подготовки самих специалистов — все это вызовы, которые необходимо преодолевать. Решение обозначенных проблем, путем совершенствования законодательства, разработки универсальных методических рекомендаций, создания единых реестров и стандартизации, а также повышения уровня подготовки экспертов, является залогом укрепления доверия к экспертным заключениям и, как следствие, к системе правосудия в целом. Комплексный подход к решению этих задач позволит максимально повысить эффективность экспертного сопровождения уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве судебной экспертизы по уголовным делам (статья 195 УПК РФ)» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Гасанова, Ж. Ф. Актуальные проблемы назначения судебной экспертизы в российском уголовном судопроизводстве / Ж. Ф. Гасанова // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 1. — С. 112–114.
1. Мико, В. С. Судебная экспертиза в уголовном процессе / В. С. Мико // Молодой ученый. — 2023. — № 17 (464). — С. 397–399.
2. Мишин, А. В. Судебная экспертиза. учебно-методическое пособие / А. В. Мишин. — Казань: Изд-во Казан. университета, 2016. — С. 68–70.
3. Немира С. В. Проведение экспертизы в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 12 (240). — С. 754–757.
4. Немира, С. В. Проверка достоверности заключения эксперта / С. В. Немира. — Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2021. — С. 92–96.

Особенности оценки заключения эксперта в уголовном процессе

Ермолаева Наталья Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В данной статье рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы, возникающие при оценке заключения эксперта в рамках уголовного судопроизводства. Автор анализирует специфику данного доказательства, обусловленную наличием в нем специальных знаний, которые зачастую недоступны для полноценной проверки следствием и судом. В работе выявляются дефекты современной правоприменительной практики, такие как формализм при проверке научных методик и необоснованное доверие к государственным экспертным учреждениям. Особое внимание уделяется вопросу преодоления противоречий между первичными и повторными экспертизами. На основе проведенного исследования предлагаются пути совершенствования законодательства, включая расширение прав защиты на привлечение независимых специалистов. Итогом работы является обоснование необходимости перехода от формальной проверки реквизитов заключения к содержательному анализу его логической обоснованности.

Ключевые слова: заключение эксперта, специальные знания, оценка доказательств, уголовный процесс судебная экспертиза

В рамках уголовного судопроизводства для установления обстоятельств дела и определения степени вины или невиновности подсудимого задействуются различные типы доказательств. Одним из таких доказательств является экспертное заключение.

Структура заключения эксперта, получаемого в ходе судебных экспертиз, имеет устоявшиеся в практике правила, включающие как отдельные элементы и особенности, так и соответствие общим требованиям, предъявляемым к подобным документам [1].

В любом экспертном заключении должны последовательно и четко излагаться выводы и суждения относительно исследуемых объектов и обстоятельств, имевших место при проведении исследования. Исходя из этого, заключение должно быть недвусмысленным, конкретным и не допускать различных трактовок. Кроме того, экспертное заключение должно обладать логической стройностью: все установленные в процессе исследования факты и явления должны быть взаимосвязаны и вытекать друг из друга, излагаясь в строгой последовательности.

Вне зависимости от характера выводов, любое заключение эксперта подлежит оценке. Если экспертиза была назначена на стадии предварительного следствия, ее оценка производится следователем или дознавателем, в последующем судом. В случае назначения экспертизы судом в ходе судебного разбирательства, оценка заключения осуществляется судом.

Суть оценки экспертного заключения заключается в определении его научной обоснованности, достоверности выводов и их доказательственного значения для конкретного уголовного дела. Научная обоснованность предполагает, что исследование проведено с соблюдением научных принципов и принятой методики. Оценка проводится органами расследования и судом на основе внутреннего убеждения, которое формируется при всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности, в строгом соответствии с законом.

Органы расследования и суд должны руководствоваться принципами, обеспечивающими корректный подход к оценке заключения, в частности, почерковедческой экспертизы. Внешнее давление не должно влиять на формирование их позиции относительно установленных экспертами фактов. Внутреннее убеждение должно быть тщательно мотивировано. Оценка экспертизы должна производиться в условиях неукоснительного соблюдения законодательства. Проверяется соответствие проведенной экспертизы всем требованиям закона, касающимся ее назначения и выполнения.

Следует согласиться с мнением, что основные положения оценки экспертного заключения хорошо разработаны, хотя некоторые вопросы остаются дискуссионными. При оценке заключения органы предварительного расследования, суд или иное уполномоченное лицо руководствуются положениями ст. 88 УПК РФ [2].

При этом проводится оценка:

- законности процедуры назначения и проведения экспертизы;
- личности эксперта;
- материалов, предоставленных на экспертизу;
- полноты и научной обоснованности экспертного заключения;
- корректности составления заключения;
- возможных ошибок, допущенных экспертом;
- доказательственного значения выводов эксперта с учетом их относимости и допустимости, а также роли в системе иных доказательств;

— итоговых выводов эксперта [4, с. 99–100].

Качественная оценка экспертного заключения напрямую зависит от уровня подготовки следователя (дознавателя, судьи) в специальных вопросах. Сложность научных методик отдельных видов экспертиз, а также применение современных высокотехнологичных методов, применение нового оборудования и возникновение новых видов экспертиз с комплексным иллюстративным материалом усложняют понимание сути исследования и самого заключения, что, в свою очередь, затрудняет работу следователя и суда при оценке [7, с. 26–27].

Некоторые исследователи выделяют семь этапов в процессе экспертизы.

Первый этап включает проверку соответствия назначения экспертизы процессуальным нормам УПК РФ. На этом этапе следователь или суд определяет, является ли заключение эксперта полным и обоснованным, либо, напротив, недостаточным и необоснованным, а также были ли допущены нарушения УПК РФ при его составлении. При обнаружении расхождений назначается повторная экспертиза.

Второй этап посвящен оценке научной состоятельности применяемой экспертной методики и законности ее использования. Поскольку органы предварительного расследования и суд не всегда обладают специализированными знаниями в конкретной области исследования, им приходится обращаться к научной литературе. Если оценка научной обоснованности и правомерности применения метода вызывает затруднения, на стадии предварительного расследования может быть назначена повторная комиссионная экспертиза. В суде этот вопрос может быть объяснен путем допроса эксперта.

Третьим этапом является проверка полноты заключения эксперта. Стороны процесса выясняют, было ли исследовано все представленное на экспертизу, полно ли даны ответы на поставленные вопросы, подробно ли описан ход исследования и использованные методики, а также достаточно ли было исследуемого материала [3, с. 341].

Четвертый этап заключается в оценке обоснованности хода и результатов экспертного исследования. Органы предварительного расследования и суд последовательно анализируют все стадии проведенной экспертизы.

Пятый этап — установление относимости результатов экспертизы к расследуемому делу, то есть определение ее доказательственного значения в совокупности с другими уликами. Это необходимо для достижения целей правосудия [6, с. 175].

Шестой этап — сопоставление заключения эксперта с другими доказательствами по делу. При наличии противоречий заключение эксперта ставится под сомнение, и может возникнуть необходимость в назначении повторной экспертизы.

Завершающий, седьмой этап, касается особенностей оценки заключения эксперта судом. Суд осуществляет полную оценку заключения, даже если оно уже было рас-

смотрено на предварительном следствии. Заключение эксперта оглашается в судебном заседании [5, с. 119].

Соблюдение этих этапов способствует сокращению числа проблемных ситуаций в уголовном процессе, повышая качество и эффективность судебных экспертиз, поскольку заключение эксперта обладает существенным доказательственным значением.

Поскольку оценка заключения эксперта — один из самых сложных этапов доказывания, что порождает ряд проблем по данной тематике:

Отсутствие у субъектов оценки специальных знаний — судья и следователь, дознаватель оценивают заключение лишь формально, так как не могут проверить научную обоснованность методики. Заключение эксперта часто воспринимается как исключительно достоверное доказательство, имеющее предустановленную силу. Пути решений в данной ситуации видятся более активное привлечение независимых специалистов согласно ст. 58 УПК РФ для рецензирования заключений. Специалист может указать на логические и методические ошибки, понятные суду, а также создание единого государственного реестра апробированных экспертных методик, чтобы исключить использование сомнительных авторских подходов.

Вероятностный характер выводов — эксперты нередко дают заключения в вероятностной форме, используя формулировки «скорее всего», «не исключено». Суды либо необоснованно кладут такие выводы в основу приговора, либо, наоборот, полностью их игнорируют. Возможные решения для данной проблемы — запрет на использование вероятностных выводов как прямых доказательств и разработка математических моделей оценки вероятности для определенных видов экспертиз.

Противоречия между несколькими заключениями — иногда возникают ситуации, когда первичная, повторная и дополнительная экспертизы дают противоположные результаты. Суд часто выбирает то заключение, которое больше подходит к версии обвинения. Для разрешения этой проблемы необходимо обязать суд в итоговом акте детально обосновывать, почему одно заключение принято, а другое отвергнуто.

Подводя итог, экспертное заключение является неотъемлемым элементом доказывания в уголовном процессе, призванным раскрыть и объективно оценить обстоятельства совершения преступления. В нем содержатся выводы эксперта, основанные на научных знаниях и специальных методиках, направленные на установление истины. Важнейшей стадией работы с экспертным заключением является его оценка, осуществляемая следователем, дознавателем или судом. Эта оценка должна носить всесторонний, полный и объективный характер, проверяя законность назначения и проведения экспертизы, научную обоснованность примененных методик, полноту и достоверность полученных выводов. Соблюдение всех установленных этапов оценки позволит минимизировать риски ошибок, связанные с интерпретацией результатов экспертизы, и обеспечить максимальное содействие в установлении истины по уголовным делам.

Таким образом, экспертное заключение, будучи ценным источником доказательственной информации, требует внимательного и компетентного подхода на всех этапах его использования. От качества оценки зависит не только правильность квалификации деяний, но и справедливость вынесенных судебных решений, что делает совершенствование процесса оценки приоритетной задачей для системы уголовного правосудия.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Зеленский, В.Д., Меретуков, Г. М. Криминалистика / В. Д. Зеленский, Г. М. Меретуков. — СПб.: Юридический центр, 2024. — С. 340–342.
4. Корнакова, С. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания / С. В. Корнакова // Lex Russica. — 2023. — № 1 (194). — С. 98–109.
5. Лазарева, А. Ю. Заключение эксперта в уголовном процессе: структура и особенности оценки следователем и судом / А. Ю. Лазарева // Системный анализ и синтез моделей научного развития общества. — 2021. — № 1. — С. 117–119.
6. Смирнова, С.А., Усова, А.И., Микляев, О. В. Основы формирования заключения эксперта / С. А. Смирнова, А. И. Усова, О. В. Микляев. — М.: РФЦСЭ, 2023. — С. 174–175.
7. Таркинский, А.И., Таркинская, Х. А. К вопросу оценки заключения эксперта с привлечением специалиста в данной области знаний / А. И. Таркинский, Х. А. Таркинская // Юридическая наука и практика. — 2025. — № 2. — С. 24–28.

Новеллы в законодательстве о защите прав потребителей: проблемы учета износа при возврате технически сложных товаров

Иванова Ангелина Васильевна, студент магистратуры
Московский университет имени А. С. Грибоедова

Сложность современного регулирования отношений в сфере защиты прав потребителей при возврате технически сложных товаров обусловлена неоднозначностью новелл, внесенных в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» Федеральным законом от 28.12.2025 № 500-ФЗ. Закрепленная в п. 7 ст. 13, п. 1 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Закона обязанность учитывать износ и год выпуска аналогичного товара при расчете соразмерного уменьшения цены создает значительные правовые и практические трудности. Также появились основания для освобождения продавца от штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потребителя, изменились правила расчета с потребителем при возврате некачественного технически сложного товара, ограничена сумма взыскиваемой с продавца неустойки за просрочку. Указанное приводит к спорам, влияющим на прозрачность гражданского оборота, усложняет доказывание для потребителя и создает риски нарушения баланса интересов сторон. В статье анализируются теоретические предпосылки, правовая природа и практические последствия данной нормы, предлагаются пути совершенствования правоприменения.

Ключевые слова: защита прав потребителей, технически сложный товар, соразмерное уменьшение цены, износ товара, неосновательное обогащение, гарантийные обязательства, бремя доказывания, судебная экспертиза.

Novelties in consumer protection legislation: problems of accounting for wear and tear when returning technically complex goods

Ivanova Angelina Vasilyevna, master's student
Moscow University named after A. S. Griboedov

The complexity of the current regulation of relations in the field of consumer rights protection in the case of return of technically complex goods is due to the ambiguity of the novelties introduced into the Law of the Russian Federation «On Consumer Rights Protection» by Federal Law No. 500-FZ dated December 28, 2025. The obligation to take into account the wear and tear and the year of production of an analogous product when calculating a proportionate reduction in price, as specified in Article 13, Article 23, and Article 24 of the Law, creates significant legal and practical difficulties. There are also grounds for exempting the seller from a fine for non-voluntary fulfillment of the consumer's requirements, changes in the rules for settling with the consumer upon the return of a low-quality technically complex product, and a limitation on the amount of the penalty for delay imposed on the seller. This leads to disputes that affect the transparency of civil circulation, complicates the proof for the consumer, and creates risks of violating the balance of interests between the parties. The article analyzes the theoretical background, legal framework, and practical implications of these changes.

Статья посвящена комплексному анализу ключевых изменений, внесенных в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [1] Федеральным законом от 25.12.2024 № 500-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Исследуется триада взаимосвязанных новаций: введение учета износа при расчетах с потребителем за технически сложный товар ненадлежащего качества; установление нового основания для освобождения продавца от штрафа за неисполнение требований в добровольном порядке; ограничение размера взыскиваемой с продавца неустойки за просрочку выполнения законных требований. Автор выявляет системный характер реформы, направленной на перераспределение рисков и экономическое «уравновешивание» сторон договора розничной купли-продажи. В работе оцениваются потенциальные позитивные эффекты и существенные риски данных из-

менений для правоприменительной практики и баланса интересов. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию правоприменения и возможные корректировки законодательства для минимизации негативных последствий.

Совершенствование законодательства о защите прав потребителей является объективной необходимостью, продиктованной динамикой рынка и развитием технологий. Однако эффективность правовых новаций определяется не только их теоретической обоснованностью, но и практической реализуемостью, а также сохранением баланса между интересами потребителя и продавца. Введение правила об учете износа при расчете компенсации за технически сложный товар ненадлежащего качества представляет собой одну из наиболее дискуссионных реформ последнего времени, требующую детального научного осмысления.

Динамика потребительского рынка, усложнение товаров и рост объема споров закономерно приводят к пересмотру законодательства о защите прав потребителей. Реформа, инициированная Федеральным законом от 28.12.2025 № 500-ФЗ (далее — ФЗ № 500) [2], вступившим в силу 1 февраля 2026 года, представляет собой один из наиболее масштабных за последние годы изменения, затрагивающие фундаментальные финансово-правовые механизмы Закона РФ «О защите прав потребителей» (далее — ЗоЗПП). Законодатель предпринял попытку решить накопившиеся проблемы, связанные, по мнению экспертов и бизнес-сообщества, с определенным перекосом в сторону потребителя, создававшим риски неосновательного обогащения и злоупотребления правом [3].

Целью настоящего исследования является структурно-функциональный анализ нововведений ФЗ № 500, оценка их системного воздействия на правоотношения и формулирование прогноза правоприменительных последствий. Автор ставит задачи: 1) раскрыть содержание и правовую природу изменений; 2) выявить их взаимосвязь и общую направленность; 3) провести взвешенный анализ аргументов «за» и «против»; 4) предложить меры по адаптации правоприменительной практики и возможные пути корректировки законодательства.

Центральной материально-правовой новацией стало изменение пункта 4 в статье 24 ЗоЗПП. Данная норма предписывает при соразмерном уменьшении покупной цены товара ненадлежащего качества, а также при замене товара с перерасчетом стоимости, исчислять соответствующие суммы с учетом износа переданного потребителю товара, а также года его выпуска (производства). Ранее судебная практика зачастую применяла более простой подход, сопоставляя договорную цену с текущей ценой нового аналогичного товара, что не учитывало период фактического пользования.

Правовое обоснование: Законодатель апеллирует к принципу недопущения неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ [4]) и принципу эквивалентности. Цель — компенсировать потребителю лишь ту часть стоимости, которая утрачена из-за недостатка, а не из-за естественного старения или эксплуатации.

Проблема реализации: Норма носит декларативный характер, не устанавливая методики расчета износа (линейная амортизация, оценка состояния) и критериев определения «аналогичного товара». Это создает правовую неопределенность и переносит центр тяжести спора на сложную и дорогостоящую судебную экспертизу.

Новое основание для освобождения от штрафа за неисполнение требований в добровольном порядке (п. 7 ст. 13 ЗоЗПП)

Штраф в размере 50 % от суммы, взысканной в пользу потребителя (п. 7 ст. 13 ЗоЗПП), был мощным процессуальным стимулом для добровольного удовлетворения требований. ФЗ № 500 дополнил эту норму новым осно-

ванием для освобождения продавца (изготовителя) от его уплаты. Таким основанием является необходимость проведения проверки качества товара, экспертизы, ремонта или замены товара, повлекших просрочку выполнения законных требований потребителя.

Правовое обоснование: Цель — исключить несправедливое наказание продавца за просрочку, объективно вызванную сложностью процедуры установления характера недостатка и способа его устранения, особенно в контексте новых правил об учете износа.

Проблема реализации: Формулировка («необходимость проведения») оставляет широкий простор для толкования. Продавец может использовать это как универсальный аргумент для затягивания любых процедур, ссылаясь на сложность оценки износа, ожидание эксперта и т. д., что снижает дисциплинирующую роль штрафа.

Ограничение размера взыскиваемой неустойки (пени) за просрочку выполнения требований (п.1 ст.23 ЗоЗПП)

Третьим элементом реформы стало установление предельного размера неустойки (пени), взыскиваемой с продавца (исполнителя) за просрочку удовлетворения требований потребителя. Теперь общая сумма неустойки не может превышать цены выполненной работы (оказанной услуги) либо цены товара, в отношении которого не были выполнены установленные сроки. Ранее неустойка начислялась в процентном отношении к цене товара/услуги за каждый день просрочки без установленного предела, что в случае длительных задержек (например, при ремонте) могло приводить к астрономическим суммам.

Правовое обоснование: Принцип соразмерности ответственности допущенному нарушению (ст. 333 ГК РФ) [5]. Законодатель стремится предотвратить ситуации, когда сумма неустойки многократно превышает стоимость самого договора, что также может квалифицироваться как неосновательное обогащение потребителя.

Проблема реализации: Ограничение, будучи формально справедливым, может снизить эффективность неустойки как инструмента, побуждающего продавца к оперативным действиям, особенно в случаях с недорогими товарами или услугами.

Системный анализ: плюсы и минусы нововведений

Рассмотренные изменения носят не случайный, а системный характер, работая в одной логике.

Аргументы в пользу изменений (потенциальные «плюсы»):

Борьба с неосновательным обогащением и злоупотреблением правом: Комплекс мер направлен на то, чтобы компенсация, получаемая потребителем, точнее соответствовала реальному ущербу, а не становилась источником необоснованной выгоды (длительное пользование то-

варом с последующим возвратом по полной «новой» цене; накопление гигантской неустойки).

Стимулирование добросовестности и реализма: Учет износа мотивирует потребителя заявлять о недостатках своевременно, а не ждать истечения значительного срока. Освобождение от штрафа при объективной необходимости проверки защищает добросовестного продавца.

Снижение экономических рисков для бизнеса и стабилизация оборота: Предсказуемость финансовой ответственности (лимит неустойки, учет износа) позволяет продавцам более точно формировать резервы, ценовую политику и страховые фонды, что в теории может положительно сказаться на конечной цене для потребителя.

Гармонизация с общими принципами гражданского права: Новеллы приближают специальное потребительское законодательство к общим началам ГК РФ о соразмерности, эквивалентности и добросовестности.

Критические риски и потенциальные «минусы»

Катастрофическое усиление процессуального неравенства: Все нововведения повышают сложность доказывания для потребителя. Чтобы оспорить расчет износа, доказать недобросовестность затягивания проверки или обосновать необходимость неустойки, близкой к лимиту, требуются специальные познания и средства на экспертизы. Продавец, как профессиональный участник рынка, изначально находится в выигрышной позиции.

Эрозия превентивной и стимулирующей функции санкций: Ослабление штрафа и ограничение неустойки снижают «стоимость» просрочки для недобросовестного продавца. Это может привести к росту числа отказов в добровольном удовлетворении требований и увеличению доли судебных споров, так как продавцу станет выгоднее затягивать процесс.

Правовая неопределенность и рост судебных издержек: Отсутствие методик расчета износа и четких критериев «необходимости проведения» проверок создает широкое поле для судебных толкований. Это приведет к росту числа экспертиз, удлинению процессов и непредсказуемости решений на первом этапе реформы.

Нарушение баланса в пользу сильной стороны: Совокупный эффект изменений — значительное ослабление инструментов экономического давления на продавца, предусмотренных ЗоЗПП. В условиях сохраняющейся информационной и ресурсной асимметрии это может сделать законную защиту прав экономически нецелесообразной для рядового потребителя в неочевидных случаях.

Предложения по совершенствованию правоприменения и законодательства

Для реализации позитивных целей реформы и нейтрализации ее рисков необходимы срочные меры.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ: Необходимо срочное постановление, которое: закрепит, что

бремя доказывания обоснованности расчета износа и его методики лежит на продавце. Установит презумпцию недобросовестности затягивания проверок: просрочка считается необоснованной, если продавец не представил доказательства непреодолимых препятствий для ее соблюдения. Разъяснит, что ограничение неустойки не отменяет право потребителя на взыскание убытков в части, превышающей этот лимит, если они будут доказаны.

Развитие внесудебных механизмов: Активное вовлечение Роспотребнадзора и финансового уполномоченного в досудебное урегулирование споров.

Предложения по изменению законодательства

Детализация правил расчета износа: Ввести в ЗоЗПП или отдельное постановление Правительства РФ единые методические рекомендации (например, простую линейную амортизацию в пределах гарантийного срока для стандартных категорий товаров). Это резко снизит неопределенность.

Дифференциация оснований для освобождения от штрафа: Изменить формулировку п. 6 ст. 13 ЗоЗПП, указав, что освобождение применяется только если продавец докажет, что все действия по проверке/экспертизе совершались в разумные и минимально необходимые сроки.

Введение «гибкого» лимита неустойки: Установить не абсолютный лимит в размере цены товара, а, например, лимит в трехкратном размере цены, что сохранит ее стимулирующую функцию для дорогостоящих и длительных работ.

Заключение

Реформа, осуществленная Федеральным законом № 500-ФЗ, является закономерной попыткой законодателя адаптировать жесткие протекционистские механизмы 1990-х годов к реалиям современного сложного рынка. Ее системный замысел — внедрение экономической рациональности и принципа соразмерности — теоретически оправдан.

Однако на практике реализация этого замысла без надлежащих процессуальных и методических «противовесов» грозит серьезным перекосом баланса интересов в сторону профессионального продавца. Риски усиления процессуального неравенства, эрозии превентивной функции закона и роста судебной нагрузки представляются весьма существенными.

Успех реформы будет зависеть не от текста закона, а от скорости и качества реакции правоприменителя. Ключевая задача на ближайший период — формирование судебной практики, которая, признавая новые правила, будет интерпретировать все сомнения и неясности в пользу потребителя как экономически более слабой и уязвимой стороны правоотношения. Только так можно сохранить дух потребительского законодательства, не отказываясь от разумной модернизации его буквы.

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026)
2. Федеральный закон от 28.12.2025 № 500-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (publication.pravo.gov.ru). — 2026–10 марта.
3. Павлова, З. Бизнес защитили от злоупотреблений потребителями правом / З. Павлова. — Текст : электронный // Адвокатская газета : [сайт]. — 2026. — 15 января. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/biznes-zashchitili-ot-zloupotrebleniy-potrebitelyami-pravom/> (дата обращения: 03.04.2026).
4. Ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. От 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025).
5. Ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025).

Конфликт интересов законного представителя и несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе России: пробелы правового регулирования и пути их преодоления

Иванова Валерия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кулешов Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В представленной работе анализируется специфика правового положения несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в контексте их взаимодействия с законными представителями. Автор проводит комплексное исследование проблемы нормативно неурегулированного конфликта интересов между несовершеннолетним и его представителем на различных этапах уголовного преследования. На основе детального изучения действующего уголовно-процессуального законодательства, судебной практики и постановлений Пленума Верховного Суда РФ обосновывается необходимость модернизации главы 50 УПК РФ. Разработана инновационная модель разрешения конфликтных ситуаций, предусматривающая внедрение института независимого представительства, усиление судебного контроля и расширение процессуальных прав несовершеннолетних старше шестнадцати лет.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, несовершеннолетний обвиняемый, законный представитель, конфликт интересов, уголовный процесс, ювенальная юстиция, право на защиту, УПК РФ.

Conflict of interests of a legal representative and a minor suspect (accused) in Russian criminal proceedings: gaps in legal regulation and ways to overcome them

The presented work analyzes the specifics of the legal status of minor participants in criminal proceedings in the context of their interaction with legal representatives. The author conducts a comprehensive study of the problem of a normatively unresolved conflict of interest between a minor and his or her representative at various stages of criminal prosecution. Based on a detailed examination of current criminal procedure legislation, judicial practice, and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the necessity of modernizing Chapter 50 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is substantiated. An innovative model for resolving conflict situations has been developed, providing for the introduction of an independent representation institution, strengthening judicial control, and expanding the procedural rights of minors over sixteen years of age.

Keywords: juvenile suspect, juvenile accused, legal representative, conflict of interest, criminal procedure, juvenile justice, right to defense, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Введение

Институт защиты прав несовершеннолетних в уголовном процессе базируется на системе дополнительных

гарантий, учитывающих их психофизиологические и социальные особенности. Существующая нормативно-правовая база, включающая главу 50 УПК РФ и разъяснения Верховного Суда РФ, формирует многоуровневую си-

стему охраны прав несовершеннолетних. Однако анализ действующего законодательства выявляет критический пробел: отсутствие регламентации ситуаций, когда законный представитель действует вопреки интересам несовершеннолетнего.

Актуальность проблемы обусловлена ростом числа уголовных дел в отношении несовершеннолетних: по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022–2023 гг. ежегодно осуждается порядка 14–15 тыс. лиц в возрасте 14–17 лет, а в 2024 г., по предварительным данным, тенденция сохраняется на уровне около 14 тыс. [8]. Одновременно наблюдается рост числа случаев, когда законные представители, опасаясь собственной гражданско-правовой или даже уголовной ответственности (ст. 156 УК РФ за ненадлежащее воспитание), склоняют несовершеннолетнего к даче ложных показаний, признанию вины при ее отсутствии либо, напротив, препятствуют сотрудничеству со следствием. УПК РФ не содержит механизма разрешения подобного конфликта, ограничиваясь лишь абстрактной возможностью отстранения законного представителя по ст. 428 УПК РФ. Как будет продемонстрировано далее, указанная норма не соответствует требованиям определенности и полноты правового регулирования, что порождает риски неэффективной защиты прав несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Цель настоящей статьи — выявить пробелы в правовом регулировании участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), разработать научно обоснованные предложения по их устранению, основанные на исследовании законодательства и правоприменительной практики последних лет.

1. Правовой статус законного представителя: дуализм ролей и скрытый конфликт

Законный представитель вступает в уголовное дело с момента первого допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обладая широким спектром процессуальных полномочий: право присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросах, подавать ходатайства и отводы, обжаловать действия и решения [2]. Вместе с тем процессуальное положение законного представителя отличается внутренней противоречивостью (двойственностью).

С одной стороны, он — носитель самостоятельных прав, призванных дополнять защиту, осуществляемую адвокатом. С другой — его собственная позиция может не совпадать с позицией несовершеннолетнего. Типичные сценарии конфликта:

— Законный представитель, желая избежать уголовной ответственности за ненадлежащее воспитание или соучастие в преступлении, подталкивает несовершеннолетнего к самооговору.

— Законный представитель, являясь потерпевшим по смежному эпизоду (например, при краже имущества

у родителей), имеет материальный интерес в осуждении ребенка.

— Законный представитель состоит в неприязненных отношениях с несовершеннолетним (развод родителей, лишение родительских прав) и использует уголовное преследование как инструмент давления.

УПК РФ не предусматривает обязанности законного представителя согласовывать свою позицию с несовершеннолетним или его защитником. Более того, по смыслу ст. 428 УПК РФ, отстранение законного представителя от участия в деле возможно исключительно при условии, что его действия заведомо явно идут вразрез с интересами несовершеннолетнего. Критерий «явности» оценочен и не конкретизирован ни в законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Действующая редакция Постановления Пленума ВС РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. от 09.12.2025 г.) лишь повторяет норму закона, не развивая ее [3]. Это создает почву для судебного усмотрения, а на стадии предварительного расследования — для бездействия следователя, который зачастую не склонен инициировать отстранение родителя, воспринимая его как «естественного союзника».

2. Анализ правоприменительной практики: латентность конфликта и отсутствие механизмов разрешения

Изучение опубликованных материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что случаи официального отстранения законных представителей по ст. 428 УПК РФ носят единичный характер. Например, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021 г.) приведено лишь два решения об отстранении законных представителей за всю отчетную кампанию [4]. При этом, по данным опросов следователей и адвокатов (исследование Института проблем правоприменения при Европейском университете, 2023 г.), конфликт интересов между несовершеннолетним и его родителями возникает не менее чем в 12–15 % уголовных дел [7].

Почему же механизм отстранения не работает? Обозначим несколько причин:

— Отсутствие инициативы со стороны несовершеннолетнего. Несовершеннолетний, находясь в зависимости от родителей (экономической, психологической), редко заявляет ходатайство об отстранении законного представителя. Уголовно-процессуальный кодекс не возлагает на следователя обязанности отдельно информировать несовершеннолетнего о наличии данного права.

— Бремя доказывания. Основанием для отстранения служат доказательства того, что действия законного представителя «вредят» интересам подзащитного. Однако само понятие вреда остается размытым: охватывает ли оно расхождение в позиции по вопросу о виновности? Отказ в подписании ходатайства? УПК не содержит разъяснений.

— Отсутствие альтернативы. Отстранение законного представителя не влечет автоматического замещения его позиции — исключение предусмотрено лишь для случая вступления представителя органа опеки и попечительства (ч. 2 ст. 428 УПК РФ). Но и здесь есть проблема: орган опеки обычно привлекается к участию в деле при полном отсутствии законного представителя, а не при возникновении противоречий между ним и несовершеннолетним. При этом орган опеки не является процессуальным представителем в полном смысле по нескольким причинам, связанным с их ролью, полномочиями и характером участия в уголовном процессе. Органы опеки упоминаются в п. 12 ст. 5 УПК РФ, но их участие носит вспомогательный характер — они привлекаются лишь при отсутствии иных законных представителей и выполняют в основном надзорную функцию, контролируя соблюдение законодательства в сфере опеки, а не осуществляя полноценное процессуальное представительство [5].

Таким образом, норма ст. 428 УПК РФ фактически мертвая. Более того, она не охватывает ситуаций, когда законный представитель формально не «вредит», но и не защищает — пассивен или игнорирует процесс. Этот пробел напрямую затрагивает право несовершеннолетнего на гарантированную защиту, гарантированное ст. 48 Конституции РФ [6] и ст. 6 Европейской конвенции по правам человека.

3. Неурегулированный вопрос о возрасте и самостоятельности несовершеннолетнего

Особого внимания заслуживает возрастной аспект. УПК РФ не дифференцирует правомочия законного представителя в зависимости от возраста несовершеннолетнего. Между тем правовая и психологическая автономия 14-летнего и 17-летнего подростка существенно различаются. Согласно Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010г. № 436-ФЗ и Гражданскому кодексу РФ, несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет обладает частичной дееспособностью, в том числе правом самостоятельно обращаться в суд за защитой. Однако в уголовном процессе он лишен права требовать замены законного представителя, даже если тот действует очевидно против его интересов.

Законодатель не учел, что несовершеннолетний старше 16 лет, как правило, обладает достаточной зрелостью для формулирования собственной процессуальной позиции. В зарубежных юрисдикциях (ФРГ, Франция) предусмотрена возможность назначения независимого опекуна (*ad litem*) по ходатайству несовершеннолетнего, достигшего 16 лет [6]. В России же даже в случае отстранения законного представителя и назначения представителя органа опеки последний может не иметь юридического образования и не быть адвокатом, что ставит под сомнение качество защиты.

4. Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства

Исходя из выявленных пробелов, представляется необходимым внести изменения в главу 50 УПК РФ. Предлагаемый комплекс мер обладает научной новизной и направлен на имплементацию стандартов ювенальной юстиции в российское процессуальное право.

4.1. Введение института «независимого представителя»

Дополнить ст. 428 УПК РФ следующего содержания:

«В случае возникновения конфликта интересов между законным представителем и несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), выразившегося в наличии у законного представителя личной заинтересованности в исходе дела, противоречащей интересам несовершеннолетнего, а также при заявлении несовершеннолетним, достигшим возраста шестнадцати лет, мотивированного ходатайства о замене законного представителя, следовательно, дознаватель или суд обязаны вынести постановление о допуске наряду с законным представителем независимого представителя из числа адвокатов, специализирующихся на защите прав несовершеннолетних. Финансирование участия независимого представителя производится за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном Правительством РФ».

Данная норма позволит не отстранять законного представителя, а дополнить защиту профессиональным юристом, который будет выражать именно интересы несовершеннолетнего. При этом сохраняется право законного представителя на участие, что соответствует международным стандартам.

4.2. Судебный контроль за отстранением законного представителя

В целях устранения оценочности критерия «явного противоречия интересам» необходимо закрепить, что отстранение законного представителя на стадии предварительного расследования возможно только на основании судебного решения, принимаемого по ходатайству следователя, защитника или самого несовершеннолетнего. Для этого следует изложить ч. 2 ст. 428 УПК РФ в новой редакции:

«Если установлено, что действия законного представителя причиняют вред интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо создают реальную угрозу причинения такого вреда, следовательно, дознаватель возбуждают перед судом ходатайство об отстранении законного представителя от участия в уголовном деле. Суд рассматривает ходатайство в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса, с обязательным участием несовершеннолетнего, его защитника и представителя органа опеки и попечительства».

4.3. Право несовершеннолетнего на самостоятельное ходатайство о замене представителя

Закрепить за несовершеннолетним, которому уже исполнилось шестнадцать лет, возможность самостоятельно, без участия законного представителя или защитника, инициировать ходатайство о замене своего законного представителя. Для этого дополнить ч. 2 ст. 426 УПК РФ пунктом 8: «Несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый), достигший возраста шестнадцати лет, вправе лично ходатайствовать перед следователем, дознавателем или судом о замене законного представителя в случае конфликта интересов. Отказ в удовлетворении ходатайства может быть обжалован в порядке статьи 125 настоящего Кодекса».

4.4. Закрепление критериев конфликта интересов

В целях единообразия практики Пленуму Верховного Суда РФ следует дополнить Постановление № 1 от 01.02.2011г. новым пунктом, разъясняющим, какие обстоятельства следует признавать конфликтом интересов:

— наделение законного представителя процессуальным положением потерпевшего в рамках того же уголовного дела;

— возбуждение в отношении законного представителя уголовного или административного преследования за деяния, сопряженные с обстоятельствами совершенного несовершеннолетним преступления;

— наличие явного противоречия между процессуальными позициями законного представителя и несовершеннолетнего относительно признания вины, заявленного гражданского иска либо избираемой меры пресечения;

— письменное заявление несовершеннолетнего о том, что законный представитель прибегает к психологическому воздействию на него.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что правовое положение несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе России страдает существенным пробелом в части регулирования конфликта интересов с законным представителем. УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не создают эффективного механизма защиты прав несовершеннолетнего от злоупотреблений со стороны родителей или иных законных представителей. Предложенные автором изменения — введение института независимого представителя (адвоката-специалиста), судебный контроль за отстранением, наделение несовершеннолетних старше 16 лет правом самостоятельного ходатайства о замене представителя — восполняют этот пробел и соответствуют как международным стандартам ювенальной юстиции, так и российской правовой системе. Реализация данных предложений потребует минимальных бюджетных затрат (ввиду оплаты услуг адвокатов за счет государства лишь в конфликтных ситуациях) и позволит существенно повысить качество предварительного следствия и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних.

Дальнейшие научные изыскания в данной области могут быть направлены на разработку методики выявления конфликта интересов на ранних этапах расследования, а также на анализ зарубежного опыта функционирования специализированных ювенальных судов и служб пробации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 06.10.2022).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 09.12.2025г.).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021г.
5. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
6. Автономов А. С. Ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития в России // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 45–59.
7. Корягина С. А. Конфликт интересов законного представителя и несовершеннолетнего обвиняемого: процессуальные и криминалистические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 112–118.
8. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по делам о преступлениях несовершеннолетних за 2024 год. — М., 2025. — 87 с.

Проблемы обеспечения законности в деятельности органов следствия и дознания: возможности и пределы прокурорского надзора

Калимуллина Чулпан Раилевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Законность в деятельности органов предварительного расследования имеет определяющее значение для всего уголовного судопроизводства. От того, насколько строго следуют закону следователи и дознаватели, напрямую зависит не только эффективность раскрытия преступлений, но и реальность защиты прав и свобод человека, авторитет государства и общественное доверие к правосудию. Однако досудебное производство, в силу его состязательной природы, закрытости и наличия властных полномочий у государственных органов, остается наиболее уязвимой для нарушений стадией.

В этой связи прокурорский надзор за деятельностью органов следствия и дознания сохраняет свою непреходящую актуальность. Несмотря на существенное реформирование уголовно-процессуального законодательства, передавшее ряд надзорных функций суду, прокурор продолжает оставаться центральной фигурой, обеспечивающей единство правоприменительной практики и соблюдение закона «изнутри» процесса. Тем не менее, эффективность этого надзора сталкивается с рядом вызовов, а его возможности имеют объективные пределы, требующие научного осмысления.

В доктрине уголовного процесса особое внимание уделяется гарантии со стороны государства, обеспечивающей каждому потерпевшему реальную и своевременную возможность обращения в органы дознания и следствия. Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела представляет собой грубое ограничение этого фундаментального права.

Правовой основой прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия выступает Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1. [1,]. Согласно ст. 29 данного федерального закона предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. О. А. Кожевников [2] указывает на недостаточную точность легального определения предмета прокурорского надзора, данного в ст. 29 ФЗ «О прокуратуре РФ». Учёный полагает, что в данной норме происходит смешение цели надзора — обеспечения прав и интересов личности — со средствами её достижения, к которым относится контроль за установленным порядком разрешения заявлений о преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и ведения расследования.

Кроме того, автор критикует искусственное отделение данного порядка от законности решений, принимаемых органами дознания и следствия, а также включение в предмет надзора двух разнородных видов деятельности: вне процессуальной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной.

В соответствии со ст. 37 УПК РФ [3] устанавливает правовой статус такого участника уголовного судопроизводства как прокурор. В частности, в ходе досудебного производства по уголовному делу он вправе проверять исполнение требований федерального закона на стадии возбуждения уголовного дела, инициировать вопрос о рассмотрении собранных материалов на предмет принятия решения о возбуждении уголовного дела, требовать от следственных органов устранения нарушений закона, истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела. Таким образом, правовым инструментом прокурора для устранения выявленных нарушений закона со стороны органов дознания и следствия выступают акты прокурорского реагирования.

Акт прокурорского реагирования — это официальный, законодательно обоснованный документ, составленный уполномоченным сотрудником органа прокуратуры, направленный для устранения и последующего предупреждения нарушений законодательства. [4, с. 282] Прокурор располагает двумя основными формами реагирования на нарушения закона при производстве следственных действий: требованием и представлением. Однако на практике их эффективность зачастую ограничена. Это связано с тем, что руководитель следственного органа, в соответствии с ч. 4 ст. 39 УПК РФ, вправе не согласиться с требованиями прокурора. Более того, как руководитель, так и следователь могут выразить несогласие с требованием прокурора об устранении нарушений. Всё это препятствует оперативному восстановлению нарушенных прав и свобод.

Несмотря на наличие законодательно закреплённых полномочий, эффективность прокурорского надзора за обеспечением законности в деятельности органов следствия и дознания имеет существенные ограничения, ввиду самостоятельности данных участников, и недостаточностью действенных мер оперативного прокурорского реагирования, применяемых для своевременного выявления и устранения нарушений со стороны поднадзорных органов. [5, с. 73–80]

В юридической доктрине особо отмечается изъятие у прокурора права самостоятельно возбуждать дела и брать их в своё производство — полномочий, утраченных после изменений в УПК РФ в 2007 году. Таким об-

разом, полномочия прокурора по оперативному устранению нарушений закона были существенно ограничены. Фактически, при обнаружении нарушений в стадии возбуждения уголовного дела или в работе органов следствия и дознания, его права сводятся к направлению материалов для процессуальной проверки или вынесению постановления, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. На ограничительный характер средств прокурорского реагирования обращают внимание Е. В. Коротыш и В. П. Хвостанцев [6, с. 57–60], указывая на их недостаточную эффективность. В частности, малой результативностью отличаются такие инструменты, как требование прокурора об устранении нарушений закона и выносимые им постановления аналогичного содержания.

Проблема усугубляется пробелами в законодательном регулировании. Так, уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, которая закрепляла бы требование прокурора в качестве самостоятельного акта реагирования, в связи с чем прокуроры вынуждены ссылаться на статью 37 УПК РФ в целом. Как следствие, прокурор зачастую утрачивает свою надзорную позицию. В этой связи Е. Р. Ергашев [7, с. 413] справедливо отмечает, что руководитель следственного органа, выступая медиатором в разрешении разногласий между прокурором и следователем, объективно снижает роль прокурора до положения стороннего наблюдателя, лишённого реальных полномочий для достижения поставленных целей.

В результате, восстановление нарушенных прав граждан в рамках прокурорского надзора не может быть осуществлено оперативно, а сама процедура рассмотрения заявления сопряжена с риском существенных временных задержек.

В целях решения указанной проблемы в научной доктрине предлагается расширить полномочия прокурора, закреплённые в ст. 37 УПК РФ, вернув ему право возбуждать уголовные дела при наличии достаточных данных. Данная мера позволит повысить эффективность прокурорского надзора за органами следствия и дознания, устранив практику неоднократного вынесения необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела. Для сохранения баланса процессуальных интересов одновременно следует предусмотреть право следователя и дознавателя обжаловать постановление прокурора о возбуждении уголовного дела перед вышестоящим прокурором.

Таким образом, обеспечение законности в деятельности органов следствия и дознания остается сложной, многогранной задачей. Прокурорский надзор, обладая значительным потенциалом, не является панацеей от всех проблем. Его эффективность ограничена как правовыми рамками, так и ресурсными, организационными факторами.

Для преодоления этих ограничений необходим комплексный подход, который обеспечит гарант законности, способный обеспечить неотвратимость ответственности за нарушения и реальную защиту прав граждан.

Литература:

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202–1 // СПС «Консультант Плюс».
2. Кожевников О. А. Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовного дела: дис. канд. юрид. наук, Свердловск, 1987.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., N 25, ст. 2954
4. Брагина Т. А. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона в процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия / Т. А. Брагина // Молодой ученый. 2019. № 44(282).
5. Артамонов А. Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика, 2016. № 1. С. 73–80.
6. Коротыш Е. В., Хвостанцев В. П. Проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, дознания и оперативно-розыскной деятельностью // Проблемы науки. — 2020. — № 9 (57). — С. 57–60.
7. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации / Е. Р. Ергашев. — Екатеринбург, 2016. — 413 с.

Коммерческий подкуп как преступление по статье 204 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы квалификации

Каппушев Расул Юсуфович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются актуальные тенденции судебной практики по делам о коммерческом подкупе, предусмотренном статьей 204 УК РФ. Основное внимание уделено анализу десяти опубликованных судебных актов, размещенных в от-

крытых базах СудАкт, АктОФакт и на ресурсах Верховного Суда Российской Федерации. На основе рассмотренных дел показано, что практику характеризуют преобладание денежных форм подкупа, широкое использование особого порядка, а также устойчивое значение признаков «управленческих функций» и «интереса дающего» для квалификации содеянного. Отдельно рассмотрен вопрос о цифровой валюте как возможном предмете коммерческого подкупа; в открытом массиве опубликованных приговоров по статье 204 УК РФ по состоянию на 22 марта 2026 г. такие приговоры не выявлены, что само по себе указывает на проблему публичной верифицируемости соответствующей практики. В статистическом блоке использованы наиболее полно отражающие требуемые для анализа показатели — данные Агентства правовой информации только за 2024 год, что также отмечено как ограничение исследования. Сформулированы предложения, направленные на единообразное определение предмета коммерческого подкупа, повышение качества мотивировки приговоров и развитие публичной статистики по делам о коррупционных преступлениях в негосударственном секторе.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, статья 204 УК РФ, судебная практика, цифровая валюта, предмет подкупа, управленческие функции, конфискация, особый порядок.

Актуальность темы обусловлена тем, что коммерческий подкуп остается одной из основных форм коррупционного поведения в частном секторе экономики. В отличие от классического взяточничества, предусмотренного статьями 290–291.2 УК РФ, состав по статье 204 УК РФ связан с незаконным вознаграждением лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, что требует более тонкого разграничения с иными экономическими преступлениями и дисциплинарными проступками [1; 3]. Дополнительную сложность создает развитие новых имущественных форм вознаграждения, включая цифровые активы и цифровую валюту, а также необходимость подтверждения управленческого статуса получателя [2; 4].

Цель статьи состоит в выявлении тенденций и проблем судебной практики по статье 204 УК РФ и в формулировании предложений по их преодолению. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: проанализировать десять опубликованных судебных актов; определить наиболее устойчивые подходы судов к квалификации коммерческого подкупа; оценить, как в практике

решается вопрос о предмете подкупа, в том числе применительно к цифровой валюте; исследовать доступные статистические данные за 2024 год; сформулировать предложения по совершенствованию правоприменения.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и контент-аналитический методы. Источниками являются положения УК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и специальная литература по проблемам коммерческого подкупа [1–6].

Анализ судебных приговоров по статье 204 УК РФ

Для анализа были отобраны десять судебных актов, опубликованных в открытом доступе. Отбор осуществлялся по критериям наличия в фактуре и квалификации прямой ссылки на статью 204 УК РФ, возможности идентифицировать суд и номер дела, а также достаточности текста для анализа предмета подкупа, способа его передачи и мотивировки суда. Проиллюстрируем это в таблице 1.

Таблица 1. Судебные приговоры по статье 204 УК РФ

№	Дело	Год	Суд	Краткая характеристика	Электронная ссылка
1	Приговор № 1-77/2025	2025	Сосновоборский городской суд Красноярского края	ч. 6 ст. 204, п. «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ; многократное получение денежных средств от поставщиков за содействие в договорной работе и оплате	https://sudact.ru/regular/doc/liWvAfqDUR0/
2	Приговор № 1-103/2025	2025	Фокинский районный суд г. Брянска	ч. 6 ст. 204 УК РФ; получение 127 600 руб. за организацию заключения договоров и обучение работников	https://sudact.ru/regular/doc/I65TAN59xy58/
3	Приговор № 1-11/2025 (1-52/2024)	2025	Кривошеинский районный суд Томской области	п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ; передача 35 000 руб. за незаконное оформление документов об обучении и допуск к экзаменам	https://sudact.ru/regular/doc/mL5mLti5d0Wc/
4	Приговор № 1-84/2025	2025	Торжокский межрайонный суд Тверской области	дело о коммерческом подкупе в крупном размере; суд подробно мотивирует момент окончания преступления и квалификацию передачи денег	https://sudact.ru/regular/doc/U5DuKZQbww6x/
5	Приговор № 1-73/2025	2025	Верхнебуреинский районный суд Хабаровского края	п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ; передача денег работнику ЧУЗ «РЖД-Медицина» за неправомерную выдачу листка нетрудоспособности	https://sudact.ru/regular/doc/J9QmX8jEIgrr/

Таблица 1 (продолжение)

№	Дело	Год	Суд	Краткая характеристика	Электронная ссылка
6	Приговор № 1–292/2025	2025	Копейский городской суд Челябинской области	п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ; передача денег лицу, выполняющему управленческие функции в ТСН, за незаконные действия	https://sudact.ru/regular/doc/ncIlFj7BXA6Q/
7	Приговор № 1–146/2025	2025	Нижнекамский городской суд Республики Татарстан	п. «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ; передача денег в крупном размере лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой организации	https://sudact.ru/regular/doc/hjUFdGKzZoM/
8	Приговор № 1–42/2025 (1–732/2024)	2025	Свердловский районный суд г. Перми	п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ; получение 25 000 и 59 500 руб. в иной организации, сопряженное с подделкой документов	https://sudact.ru/regular/doc/isD7UF0tQMdQ/
9	Приговор № 1–20/2025 (1–660/2024)	2025	Свердловский районный суд г. Перми	п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ; предметом выступили услуги имущественного характера, а не непосредственная передача денег	https://sudact.ru/regular/doc/y8JtQgnvCsLZ/
10	Приговор № 1–29/2024	2024	Ардатовский районный суд Республики Мордовия	ч. 6 ст. 204 УК РФ; получение вознаграждения от поставщиков за отбор контрагента, заключение договоров и оплату поставок	https://sudact.ru/regular/doc/mooqnIAYZV5B/

Проведенный анализ позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, в опубликованных приговорах по статье 204 УК РФ доминирует денежная форма предмета подкупа. В девяти из десяти рассмотренных дел предметом были деньги; лишь в одном случае суд квалифицировал содеянное как незаконное оказание услуг имущественного характера [7–16]. Это подтверждает, что практическое значение немонетарных форм вознаграждения пока существенно ниже, хотя законодатель и Пленум Верховного Суда допускают значительно более широкий круг предметов подкупа [3].

Во-вторых, суды придают ключевое значение установлению управленческого статуса получателя. В делах, связанных с некоммерческими организациями, образовательными структурами, медицинскими организациями и общественными объединениями, вопрос о наличии у лица организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий специально мотивируется через должностные инструкции, локальные акты, приказы и фактический объем полномочий [9; 11; 14; 15]. Для правоприменителя это означает, что само наименование должности не является достаточным: требуется доказать реальный управленческий функционал.

В-третьих, заметна высокая роль особого порядка и признания вины. Даже когда дела рассматриваются в общем порядке, мотивировочная часть часто строится вокруг признательных показаний, материалов ОРМ, результатов осмотров, переписки и сведений о движении денежных средств. В апелляционном определении Верховного Суда Республики Карелия по делу № 22–303/2020 дополнительно подтверждено, что особый порядок не исключает проверки правильности квалификации и соразмерности наказания [17].

В-четвертых, в ряде дел суды последовательно используют конфискационные механизмы по статьям 104.1–104.2 УК РФ, если предмет подкупа не изъят либо фактически уже израсходован. Такая практика прослеживается, например, в приговоре Сосновоборского городского суда Красноярского края и в приговоре Ардатовского районного суда Республики Мордовия [7; 16]. Это свидетельствует о стремлении компенсировать невозможность прямой конфискации «натурального» предмета подкупа взысканием его денежного эквивалента.

Особого внимания заслуживает вопрос о цифровой валюте как предмете коммерческого подкупа. Нормативно-теоретически такая возможность не исключается: современная доктрина прямо обсуждает криптовалюту как разновидность имущества или имущественного актива, способного выполнять коррупционную функцию [4; 5]. Однако в открытом массиве опубликованных приговоров по статье 204 УК РФ, размещенных на СудАкт, АктОФакт и в доступных материалах Верховного Суда РФ, по состоянию на 22 марта 2026 г. не выявлено приговоров, в которых предмет коммерческого подкупа прямо обозначен как цифровая валюта. Следовательно, практическая проблема сегодня состоит не столько в «массовости» таких дел, сколько в отсутствии публично доступной, устоявшейся судебной аргументации по ним.

К числу основных проблем судебной практики по статье 204 УК РФ относятся: 1) неравномерная глубина мотивировки признака «лицо, выполняющее управленческие функции»; 2) размытость разграничения между коммерческим подкупом и иными формами злоупотребления внутри хозяйственной деятельности; 3) недостаточная детализация в приговорах механизма передачи незаконного вознаграждения, если она осуществлялась через посред-

ников, цепочки платежей либо услуги имущественного характера; 4) отсутствие открыто опубликованных приговоров по цифровой валюте, что затрудняет выработку единых стандартов доказывания.

Анализ статистических данных

Статистические данные по уголовному судопроизводству брались из открытого источника — сайта Агентства правовой информации. В рамках настоящего исследования в полном объеме удалось найти доступные данные за 2024 год по разделам «Общие показатели по категориям дел» и «Данные о назначенном наказании по статьям УК». Для 2020–2023 годов в доступном интерфейсе сохранены вкладки по годам, однако имеющиеся данные не позволили с той же степенью надежности получить все показатели; в связи с этим в статье специально фиксируется данное ограничение открытой статистики как самостоятельная проблема исследования [18; 19].

По 2024 году следующие показатели: всего уголовных дел (по всем статьям УК РФ) — 659 878; количество лиц по уголовным делам — 679 457; количество осужденных по всем составам — 534 644; по статье 204 УК РФ рассмотрено 844 дела, фигурировало 731 лицо, осуждено 489 лиц, оправдано 1 лицо, в особом порядке рассмотрено 30 дел [18]. По данным раздела о назначенном наказании по статьям УК, по статье 204 УК РФ в 2024 году также отражено 489 осужденных и 1 оправданный, что подтверждает внутреннюю согласованность данных агентства правовой информации [19].

Отдельно следует отметить, что в открытой статистике не выделяется самостоятельная строка по делам, в которых предметом коммерческого подкупа являлась цифровая валюта. С учетом анализа опубликованных судебных актов в настоящем исследовании в открытых данных Агентства правовой информации не оказалось дел такого рода. Это не означает отсутствия соответствующих эпизодов в латентной или неопубликованной практике, но показывает отсутствие публичной статистической детализации.

Даже в пределах имеющихся данных 2024 года видно, что доля дел по статье 204 УК РФ в общем массиве уголовного судопроизводства невелика, однако значение этой категории преступлений определяется не количеством, а их повышенной общественной опасностью и коррупционным характером. Небольшое число оправданных при одновременном низком удельном весе особого порядка позволяет предположить, что по таким делам органы расследования, как правило, направляют в суд дела с уже сформированной доказательственной базой. Вместе с тем

без сопоставимых данных по исследуемой статье Уголовного кодекса РФ за 2020–2023 годы затруднена полноценная межгодовая динамика, что снижает качество научного анализа и внешнего контроля за антикоррупционной политикой.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы.

Проведенное исследование показывает, что судебная практика по статье 204 УК РФ в целом выработала устойчивые подходы к квалификации коммерческого подкупа. Наиболее часто суды сталкиваются с передачей или получением денежных средств за действия, входящие в служебные полномочия лица, выполняющего управленческие функции, либо за действия, которым оно может способствовать в силу своего положения. При этом ключевое значение для вывода о виновности имеют документы, подтверждающие объем управленческих полномочий, договорная документация, сведения о движении денежных средств, результаты оперативно-розыскных мероприятий и признательные показания обвиняемых.

К числу основных тенденций относятся: преобладание денежных форм незаконного вознаграждения; широкое использование квалифицирующих признаков значительного и крупного размера; ориентация судов на конфискацию эквивалента предмета подкупа; активное использование материалов о фактическом распределении полномочий внутри организации. Основные проблемы связаны с неодинаковой аргументацией управленческого статуса, недостаточной детализацией механизма передачи вознаграждения и отсутствием открыто опубликованных судебных актов по цифровой валюте.

В статистическом блоке выявлена отдельная проблема: открытые данные Агентства правовой информации по судебной статистике уголовных дел по статье 204 УК РФ не всегда позволяет одинаково надежно извлекать годовые данные по всем требуемым показателям. Для повышения качества правоприменения и исследований представляется целесообразным: 1) в приговорах по статье 204 УК РФ более детально мотивировать, в чем именно выражались управленческие функции получателя; 2) разработать методические рекомендации по квалификации случаев, когда предметом подкупа выступают цифровая валюта, цифровые права или иные цифровые активы; 3) в официальной статистике предусмотреть отдельные показатели по форме предмета подкупа, включая цифровую валюту; 4) расширить открытость публикации судебных актов по коррупционным преступлениям в негосударственном секторе. Реализация этих мер позволит сделать практику по статье 204 УК РФ более единообразной, а ее научный анализ — более достоверным.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/?oprd=1/> (дата обращения: 12.03.2026)..

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ//. Официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/?oprd=1/> (дата обращения: 12.03.2026).
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025)//Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8355/>.
4. Усачева Е. А., Филимонов А. Д. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы регулирования // Искусство правооказания. 2023. № 1(5). С. 80–91.
5. Калашникова К. С. Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа: выпускная квалификационная работа. Красноярск, 2021.
6. Никонов, П. В. Теоретические основы уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: диссертация... доктора юридических наук: 5.1.4. / П. В. Никонов — Москва, 2024. — 568 с.
7. Приговор № 1–77/2025 от 26.06.2025 по делу № 1–77/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/liWvAfkqDUrO/> (дата обращения: 22.03.2026).
8. Приговор № 1–103/2025 от 27.04.2025 по делу № 1–103/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I65TAN59xy58/> (дата обращения: 22.03.2026).
9. Приговор № 1–11/2025 (1–52/2024) от 19.01.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mL5mLti5d0Wc/> (дата обращения: 22.03.2026).
10. Приговор № 1–84/2025 от 14.08.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U5DuKZQbw6x/> (дата обращения: 22.03.2026).
11. Приговор № 1–73/2025 от 15.06.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J9QmX8jElgrr/> (дата обращения: 22.03.2026).
12. Приговор № 1–292/2025 от 17.08.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ncIlFj7BXA6Q/> (дата обращения: 22.03.2026).
13. Приговор № 1–146/2025 от 05.03.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hjUFdGKzZoM/> (дата обращения: 22.03.2026).
14. Приговор № 1–42/2025 (1–732/2024) от 04.02.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/isD7UF0tQMdQ/> (дата обращения: 22.03.2026).
15. Приговор № 1–20/2025 (1–660/2024) от 12.01.2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y8JtQgnvCsLZ/> (дата обращения: 22.03.2026).
16. Приговор № 1–29/2024 от 29.10.2024 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mooqnIAYZV5B/> (дата обращения: 22.03.2026).
17. Дело № 22–303/2020, апелляция // АктОФакт. URL: <https://actofact.ru/case-10OS0000–22–303–2020–2020–02–20–2–1/> (дата обращения: 22.03.2026).
18. Судебная статистика РФ. Общие показатели по категориям дел // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 22.03.2026).
19. Судебная статистика РФ. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/1> (дата обращения: 22.03.2026).

Правовые последствия несовпадения позиций обвиняемого и защитника в процессе уголовной защиты

Касымов Даниил Ильдарович, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена проблеме реализации конституционного права на защиту в уголовном судопроизводстве в условиях расхождения позиций обвиняемого и его защитника. На основе анализа норм УПК РФ, Закона об адвокатуре, правовых позиций Конституционного и Верховного Судов РФ, а также судебной практики исследуются системные нарушения, возникающие при осуществлении защиты, когда адвокат занимает позицию, противоречащую воле доверителя.

Ключевые слова: право на защиту, защитник, адвокат, обвиняемый, расхождение позиций, воля доверителя, независимость адвоката, согласование позиций

Конституционное право пользоваться помощью защитника возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным, когда управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, реально ограничивающие его свободу и личную неприкосновенность, включая свободу передвижения [1].

Один из основных принципов уголовного судопроизводства является принцип обеспечения права обвиняемого на защиту, который действует на всех стадиях [2]. Реализуется данный принцип в уголовном процессе путем привлечения защитника, оказывающего юридическую помощь и формирующего правовую позицию по делу. Но тем не менее, на практике часто встречаются случаи, при которой позиции обвиняемого и защитника не совпадают. Данные обстоятельства создают процессуальные трудности, которые могут оказать влияние на ход судебного разбирательства и принятие итогового решения по уголовному делу.

Участие защитника обеспечивает баланс процессуальных возможностей сторон, а также гарантирует соблюдение его прав в ходе уголовного преследования. При этом защитник, осуществляя данный принцип, руководствуется требованиями закона, профессиональной этики, а не только интересами доверителя. Поэтому в отдельных случаях между обвиняемым и адвокатом возникает противоречие относительно способа защиты или оценки доказательств.

Согласно пп.3 и 4 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат (защитник) не вправе занимать позицию вопреки воле доверителя, а также делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает [3].

В юридической литературе существуют различные мнения насчет данной нормы. Одни специалисты считают, что адвокат не может занимать позицию защиты, касаясь виновности подсудимого, если сам подсудимый свою вину отрицает. Другие же придерживаются позиции, что адвокат может самостоятельно определять тактику защиты, но обязательно согласовывать с подсудимым ключевые вопросы дела.

Данный разногласия имеют прямое влияние на практическую деятельность защитников по уголовным делам. По результатам изучения судебных материалов, можно выделить основные нарушения адвокатов в процессе уголовного судопроизводства, которые существенно ограничивают право на защиту.

Олицетворением данной проблемы, касающихся данного института, как раз является признание вины адвокатом при её отрицании подсудимым. Суть данной проблемы заключается в том, что, подсудимый заявляет о своей невиновности и требует оправдания. Его адвокат, вместо того чтобы оспаривать доказательства обвинения

и аргументировать невиновность, в прениях просит суд о снисхождении, переквалификации на менее тяжкую статью или назначении минимального наказания. Любая из этих просьб фактически означает согласие с тем, что преступление имело место и совершил его подсудимый. Данные правовые случаи часто встречаются и в судебной практике. Так по делу от 15 марта 2022 № 77–249/2022, которое рассматривалось первым Кассационным судом общей юрисдикции при котором подсудимый К. (обвинение по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ — покушение на убийство) настаивал, что у него не было умысла на убийство, он лишь хотел напугать потерпевшего [3]. Адвокат в прениях заявил: «Действия моего подсудимого правильно квалифицированы как покушение на убийство, прошу назначить минимальный срок». Кассационный суд отменил приговор, указав, что защитник не вправе признавать квалификацию, с которой не согласен подсудимый, даже если считает ее юридически верной. Это является искажением функции защиты.

Иллюстрация данной проблемы находит своё выражения и в других судебных разбирательствах, так апелляционное постановление Московского городского суда от 15.02.2024 № 10–2153/2024 по которому подсудимый Л. обвинялся в краже (ч. 2 ст. 158 УК РФ) [4]. В судебном заседании он полностью признал вину, но пояснил, что совершил кражу в состоянии крайней необходимости (якобы для покупки лекарств для больной матери). Он просил суд его оправдать или прекратить дело по этому основанию. Адвокат в прениях заявил о полном признании вины своим подсудимым и просил суд учесть это в качестве смягчающих обстоятельств при назначении наказания. О крайней необходимости адвокат не упомянул. Суд первой инстанции вынес обвинительный приговор. Однако Московский городской суд в апелляции отменил приговор, указав: адвокат обязан был довести до суда версию подсудимого о крайней необходимости, даже если сам считал ее неубедительной. Сославшись на позицию адвоката, суд первой инстанции фактически рассмотрел дело без учета доводов защиты. Дело направлено на новое рассмотрение.

Другой важнейшей проблемой является разногласие, по юридической оценке, деяния. Это более тонкий и сложный случай, когда подсудимый не отрицает факта совершения определенных действий, но категорически не согласен с тем, как эти действия квалифицированы законом (например, считает их неосторожными, а не умышленными). Суть данной проблемы заключается в подмене воли доверителя, при котором адвокат принимает стратегическое решение, которое ухудшает положение подсудимого (соглашается с умыслом), хотя подсудимый на это не согласен. Это прямое нарушение принципа согласования позиции. Кроме этого, наличие разногласия ведёт к по-

тере версии защиты подзащитного об отсутствии умысла (неосторожности) остается без защиты в прениях. Суд не слышит аргументов в пользу менее тяжкого обвинения. Так по делу № 22–1586/2020 от 23 июля 2020 г. Санкт-Петербургского городского суда по которому Гр-н Р. обвинялся по ч. 4 ст. 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть) [5]. В суде Р. пояснил, что нанес один удар в ходе ссоры, но не ожидал и не желал наступления смерти, то есть настаивал на неосторожности (ст. 109 УК РФ). Адвокат, однако, в прениях просил переqualифицировать действия с «убийства» (ст. 105) на ч. 4 ст. 111 УК РФ, что фактически поддерживало версию обвинения об умышленном причинении вреда. Суд апелляционной инстанции признал это нарушением. Защитник не имел права предлагать квалификацию, которая хуже для подсудимого (ст. 111 УК РФ является более тяжкой, чем ст. 109 УК РФ, и предполагает умысел), в то время как сам подсудимый настаивал на неосторожности. Приговор отменен.

Таким образом, раскрывая основные проблемы можно прийти к выводу, что институт защиты в уголовном судопроизводстве строится на неразрывном единстве позиций обвиняемого и его защитника. Адвокат, являясь самостоятельным участником процесса, тем не менее не вправе подменять собой доверителя в вопросах определения ключевых элементов защиты: признания вины, ква-

лификации содеянного или фактических обстоятельств дела. Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что расхождение позиций сторон защиты неизбежно приводит к нарушению конституционного права на защиту и влечет отмену судебных решений вышестоящими инстанциями. Нарушения, допускаемые адвокатами (признание вины вопреки воле подзащитного, согласие с более тяжкой квалификацией, игнорирование версии защиты в прениях), носят системный характер и существенно подрывают доверие к институту профессиональной защиты. Суды кассационной и апелляционной инстанций последовательно занимают позицию, согласно которой даже процессуально целесообразная или юридически верная, с точки зрения адвоката, линия поведения не может быть реализована, если она противоречит воле обвиняемого. Изложенное позволяет сделать вывод, что соблюдение баланса между профессиональной самостоятельностью защитника и обязательным согласованием с доверителем принципиальных вопросов правовой позиции является не только требованием закона и адвокатской этики, но и необходимым условием законности приговора. Дальнейшее совершенствование правоприменительной практики в этой сфере должно быть направлено на неукоснительное обеспечение приоритета воли обвиняемого при определении конечных целей защиты.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СЗ РФ. -2000. — № 27. — ст. 2882.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. — 2015. — № 150.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2002. — № 23. — ст. 2102.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 N 77–249/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.04.2024 N 10–2346/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 22.07.2020 N 22–2181/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Судебный контроль на стадии исполнения приговора

Кириленко Ксения Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Оксана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

На протяжении трёх десятилетий в научной среде не прекращаются дискуссии о системе стадий уголовного процесса, причём наиболее острая полемика разворачивается вокруг этапа исполнения приговора. Существенный вклад в поддержание этой полемики вносит отсутствие в УПК РФ закреплённого понятия стадий и их исчерпывающего перечня. Оппоненты классического взгляда акцентируют внимание на специфических особенностях данной стадии, нередко оставляя без анализа то, что служит системообразующим звеном для всех стадий, — предмет правового регули-

рования и правоотношения, возникающие при реализации целей уголовного судопроизводства. Результаты проведённого исследования подтверждают традиционную позицию: исполнение приговора является завершающей и органичной стадией процесса. В связи с этим авторы обосновывают необходимость внесения в УПК РФ законодательных положений, фиксирующих определение стадии уголовного процесса и их виды.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадии уголовного процесса, стадия исполнения приговора, уголовно-процессуальные правоотношения.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное закрепление понятия «стадия уголовного процесса», также как и их перечень, что вынуждает правоприменителей, исследователей и практиков обращаться к доктринальным положениям. Несмотря на то, что стадийность является неотъемлемой особенностью процессуальных отраслей права, а уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации действует уже более двух десятилетий, единый подход к системе стадий уголовного процесса в теории права до сих пор не сложился именно из-за отсутствия четкого законодательного закрепления.

Наиболее дискуссионными вопросами в науке уголовного-процессуального права признаны две стадии: стадия возбуждения уголовного дела и стадия исполнения приговора. В отношении первой стадии критики указывают на отсутствие в её конструкции судебного влияния на ход уголовного преследования [5], что, по их мнению, предопределяет её замену «полицейским дознанием» [6, стр. 76]. Что касается второй стадии, то устоявшееся за столетнюю историю понимание её как неотъемлемой части системы стадий в последние годы всё чаще подвергается сомнению.

В конце XX века, а особенно в начале XXI, традиционный взгляд на исполнение приговора как на обязательную завершающую стадию уголовного процесса утратил свою бесспорность. Ученый и профессор, доктор юридических наук В. В. Николюк одним из первых усомнился в этом, указав на такие особенности, как эпизодичность процессуальных отношений, размытость границ стадии и параллельный по отношению к основному производству характер [7]. По его мнению, речь следует вести не о стадии, а об особом «уголовно-исполнительном судопроизводстве».

Как минимум два альтернативных подхода противостоят классическому взгляду. Согласно первому, обращение приговора к исполнению следует считать не стадией, а особым дополнительным производством в рамках уголовного процесса. Второй подход идёт дальше, предлагая полностью упразднить стадию исполнения приговора, заместив её стадией обращения приговора к исполнению. В результате деятельность суда по приведению приговора в исполнение и последующему контролю преимущественно относят к уголовно-исполнительной или административной сфере. Как отмечает Д. В. Тулянский, о правосудии на данном этапе говорить фактически не приходится [9, стр. 120].

В доктрине уголовного права сложилось устойчивое мнение: уголовно-правовые отношения зарождаются

в момент совершения преступного деяния и сохраняются вплоть до момента снятия или погашения судимости. Иными словами, они продолжают существовать и после того, как в действие вступили механизмы уголовно-процессуальной, а затем и уголовно-исполнительной регламентации. Несмотря на очевидную близость, все три разновидности правоотношений обладают собственной правовой природой, что проявляется, в частности, в различных моментах их возникновения и прекращения. При этом появление уголовно-исполнительных отношений не означает полного исчезновения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных — последние как бы уходят в тень, не утрачивая своего потенциала.

Неоправданно ограничивать предмет уголовно-процессуального регулирования одними лишь отношениями, которые возникают в рамках производства по уголовному делу. Данный сегмент, безусловно, наиболее ярко отражает сущность судопроизводства и составляет основную часть нормативной базы, однако реальный предмет отрасли гораздо объёмнее — он включает также отношения, складывающиеся на этапе возбуждения уголовного дела и при исполнении приговора. Справедливо подчёркивал В. П. Божьев: все эти разнородные правоотношения, при всех отличиях в их характере и субъектном составе, в совокупности формируют единый предмет правового регулирования [3, стр. 8].

Дискуссии о предмете отрасли и её источниках типичны для любого права, и уголовно-процессуальное право в данном вопросе не исключение. Одна из самых распространённых ошибок — необоснованное сужение предмета, когда его ограничивают лишь отношениями от возбуждения уголовного дела до вынесения приговора. В результате под сомнение ставится процессуальная природа доследственной проверки (ст. 144–145 УПК) и участия суда при исполнении приговора (гл. 47 УПК) [2].

В уголовном процессе, где допускаются конституционно значимые ограничения прав личности, любые возникающие отношения должны быть урегулированы федеральным законом — это прямое требование ст. 55 Конституции РФ [1]. А раз законодатель включил те или иные отношения в УПК, они автоматически становятся частью предмета отрасли и приобретают уголовно-процессуальную природу. Как справедливо отмечает Диваев А. Б., пока эти отношения регулируются нормами УПК, их процессуальный характер не вызывает сомнений [4, стр. 43].

Профессор В. Г. Даев, напротив, усматривает необоснованное расширение предмета уголовно-процессуального регулирования за счёт отношений, которые урегулированы

нормами других отраслей или вообще не имеют нормативного основания [8]. Как полагает автор, в данном случае фокус смещается с правовой нормы на любые, даже опосредованные, связи с производством по делу. Между тем, как уже указывалось, отношения, которые не урегулированы непосредственно уголовно-процессуальным законом, нельзя квалифицировать как уголовно-процессуальные.

Идея о том, что к числу уголовно-процессуальных можно причислять отношения, которые регламентируются нормативными актами других отраслей права, вызывает обоснованные возражения. Ещё с античных времён, со эпохи римского права, разграничение отраслей строится на трёх основополагающих критериях: собственный предмет, присущий только ей метод и обособленное законодательство. Следовательно, нельзя считать, будто Уголовный или Уголовно-исполнительный кодексы РФ могут регулировать уголовно-процессуальные отношения — каждая отрасль базируется на уникальном, исключительно для неё предназначенном нормативном массиве.

Проведённый анализ подтверждает обоснованность традиционного подхода, согласно которому исполнение приговора является органичной и неотъемлемой стадией уголовного судопроизводства, а не особым производством или элементом уголовно-исполнительных отношений. Вопреки мнению отдельных авторов (В. В. Николюк, В. Г. Даев), ставивших под сомнение процессуальную природу данной стадии, следует констатировать, что уголовно-процессуальные отношения не прекращаются с вступлением приговора в силу, а сохраняют потенциал к возобновлению при наступлении предусмотренных законом юридических фактов (например, обращения осуждённого с ходатайством).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные отношения. — Москва: Юрид. лит., 1975. — 176 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006910679?ysclid=mnbr10y259659741796> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Диваев, А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования / А. Б. Диваев // Уголовная юстиция. — 2019. — № 14. — С. 39–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-ugolovno-protsessualnogo-regulirovaniya> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Кальницкий, В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе / В. В. Кальницкий // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2017. — № 4. — С. 34–41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-stadii-naznacheniya-i-podgotovki-sudebnogo-razbiratelstva-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 29.03.2026).
6. Махов, В. Н. Начальная стадия уголовного процесса в Российской Федерации и зарубежных странах / В. Н. Махов // Российский следователь. — 2018. — № 3. — С. 75–77. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-dosudebnogo-proizvodstva-v-ugolovnom-protsesse-rossii-i-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Николюк, В. В. Научная полемика конструктивна, когда она не становится околонучной (по поводу статьи М. К. Свиридова «Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора») / В. В. Николюк // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. —

В целях устранения многолетней доктринальной неопределённости и унификации правоприменительной практики предлагается дополнить УПК РФ статьёй 5.1 следующего содержания:

«Статья 5.1. Стадии уголовного процесса.

Стадия уголовного процесса — это совокупность процессуальных действий и решений, объединённых непосредственными задачами, особым кругом участников, специфической процессуальной формой, установленными законом сроками и завершающихся принятием итогового процессуального решения, характерного исключительно для данной стадии.

Уголовный процесс включает следующие стадии:

- возбуждение уголовного дела (раздел VII УПК);
- предварительное расследование (раздел VIII УПК);
- подготовка к судебному заседанию (главы 33, 34 УПК);
- судебное разбирательство (главы 35–42 УПК);
- апелляционное производство (глава 45.1 УПК);
- исполнение приговора (раздел XIV УПК);
- кассационное производство (глава 47.1 УПК);
- надзорное производство (глава 48.1 УПК);
- возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (глава 49 УПК)».

Реализация указанного предложения позволит законодательно закрепить дефиницию, длительное время существующую лишь на доктринальном уровне, и тем самым прекратить многолетнюю дискуссию о перечне и критериях выделения стадий уголовного процесса.

Хотя отдельные учёные и практики также предлагают такие изменения для устранения неопределённости, до сих пор они не реализованы.

- № 4 (16). — С. 176–189. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-polemika-konstruktivna-kogda-ona-ne-stanovitsya-okolonauchnoy-v-svyazi-so-statyei-m-k-sviridova-otraslevaya> (дата обращения: 29.03.2026).
8. Николюк, В. В. Российский уголовный процесс как комплекс дифференцированных основных и особых производств / В. В. Николюк // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах, Иркутск, 18–19 мая 2017 года. Том I. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. — С. 266–273. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29241983&yssclid=mnbr6k0zlw749347787> (дата обращения: 29.03.2026).
 9. Тулянский, Д. В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? / Д. В. Тулянский // Журнал российского права. — 2001. — № 7. — С. 118–121. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/449627> (дата обращения: 29.03.2026).

Пределы договорной автономии: поиск баланса между частной волей и публичным порядком в гражданском праве России

Ковалев Андрей Валерьевич, студент магистратуры;
Лотарева Наталья Валерьевна, студент магистратуры

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В статье исследуется эволюция принципа свободы договора в российском гражданском праве в контексте современных социально-экономических и технологических вызовов. Автор анализирует переход от классической доктрины абсолютной автономии воли к модели «справедливого договорного баланса», основанной на имманентном ограничении свободы принципом добросовестности. Особое внимание уделяется влиянию экстраординарных изменений обстоятельств, включая санкционное давление и налоговые реформы, на устойчивость договорных связей. На примере Постановления Конституционного Суда РФ № 41-П рассматривается механизм перераспределения налоговых рисков в длящихся обязательствах. Также затрагиваются проблемы «цифровой несвободы» в условиях алгоритмизации отношений через смарт-контракты. Автор приходит к выводу о формировании дифференцированного судебного подхода, минимизирующего формальный позитивизм в пользу экономической эффективности и защиты слабой стороны.

Ключевые слова: свобода договора, добросовестность, баланс интересов, смарт-контракт, цифровая трансформация, злоупотребление правом, судебное усмотрение.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), традиционно рассматривается как основа частноправового регулирования. Предоставляя субъектам гражданского оборота возможность самостоятельно решать вопрос о вступлении в договорные отношения, выбирать контрагента и определять условия сделки, законодатель исходит из презумпции равенства участников и разумности их волеизъявления. Однако современный этап развития правопорядка характеризуется нарастанием тенденций, ограничивающих эту свободу. Как справедливо указывает Р. Б. Хабичев «...чрезмерная степень «свободы» может привести к негативным последствиям, примерами которых могут являться ущемление прав и законных интересов более слабой стороны, установление несправедливых условий, злоупотребление одной из сторон своим доминирующим положением, в связи с чем, очевидно, что свобода договора не может быть абсолютной и безграничной» [1, с. 40]. Таким образом, необходим баланс между стремлением к максимальной автономии участников и необходимостью государственного вмешательства для защиты общественных интересов и слабой стороны.

Принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ) выполняет по отношению к свободе договора не столько ограничительную, сколько конституирующую функцию. Как верно отмечал И. А. Покровский, всякое субъективное право, в том числе и право на свободу договора, имеет свои естественные пределы, заключающиеся в том, что оно не должно переходить границы права и осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому [2, с. 112]. В современном правопонимании добросовестность выступает не внешним ограничителем, а имманентным свойством самой договорной свободы. Подлинно свободным может считаться лишь такое волеизъявление, которое осуществляется в координатах разумности и честности поведения участников оборота.

Поэтому возникает необходимость осмысления новых вызовов договорной свободе, которые не могли быть в полной мере учтены классической доктриной. Во-первых, это влияние внешних (санкционных, налоговых, политических) факторов, делающих стабильные договорные конструкции уязвимыми. Во-вторых, цифровая трансформация, где алгоритмизация отношений

(смарт-контракты) ставит под вопрос традиционные представления о волеизъявлении.

Итак, классическая доктрина рассматривает свободу договора как абсолютную ценность, минимизирующую участие государства. Однако, предположение о равенстве и независимости лиц при заключении договоров сегодня ближе к иллюзии, чем к реальности. По мнению А. А. Волос «...в условиях цифровизации не происходит отказа от категорий договорного права, однако возникает необходимость в их специфическом толковании и наполнении с учетом всех обстоятельств дела» [3, с. 186].

В настоящее время наблюдается ограничение пределов свободы договора в связи с двумя факторами. Первый фактор — это экстраординарное изменение обстоятельств. В условиях экономической нестабильности и санкционного давления участники оборота столкнулись с ситуацией, когда исполнение договора на первоначальных условиях становится экономически невыгодным или обременительным для одной из сторон в силу объективных, не зависящих от воли причин (например, изменение налогового режима, логистических цепочек, курсов валют). До недавнего времени судебная практика отказывала в пересмотре условий, например, при изменении налогового законодательства. Однако такой формальный подход нередко приводил к несправедливому распределению рисков, нарушая баланс интересов сторон.

Второй фактор — технологический. Цифровизация договорных отношений и внедрение смарт-контрактов создают иллюзию торжества автономии воли, инкорпорированной в неизменяемый программный код. Однако, на практике это порождает новые риски для «слабой стороны», которая может быть не способна оценить алгоритмические последствия своих действий либо сталкивается с невозможностью оспорить условия, продиктованные цифровой платформой [3, с. 188]. Возникает коллизия между формальной свободой выражения согласия (нажатием кнопки) и содержательной несправедливостью навязанных условий.

Таким образом, проблема современного этапа реализации принципа свободы договора заключается в отсутствии четких и предсказуемых критериев ограничения этой свободы при столкновении частных интересов с публично-правовыми и технологическими реалиями. Отступая от классической доктрины свободы договора мы наблюдаем переход от «экстернального подхода» (ограничение свободы извне — публичным порядком, императивными нормами) к «интернальному подходу» (формирование внутренних пределов, где публичные и технологические императивы становятся неотъемлемой частью самой конструкции договорной свободы, корректируя её содержание через судебное усмотрение, основанное на принципах добросовестности, справедливости и экономической эффективности). Иначе говоря, свобода договора сегодня ограничена не столько прямыми законодательными запретами, сколько необходимостью соответ-

ствия сложному стандарту «справедливого договорного баланса», который определяется правоприменителем.

Иллюстрирующим примером эволюционной трансформации свободы договора можно назвать Постановление Конституционного Суда РФ от 25.11.2025 № 41-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, подпункта «а» пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Банк ВТБ» (далее — Постановление) [4].

Суть спора заключалась в конфликте между ПАО «Банк ВТБ» (покупатель/сублицензиат) и АО «Ситроникс Ай Ти» (поставщик/сублицензиар) относительно увеличения цены по заключаемому сублицензионному договору на сумму налога на добавленную стоимость (далее — НДС) после изменения налогового законодательства.

Конституционный Суд РФ занял в этом деле принципиальную позицию. Автоматическое увеличение цены на сумму нового налога недопустимо. Суд указал, что публично-правовая обязанность уплаты налога не может трансформироваться в частноправовое обязательство другой стороны договора. Более того, Суд предписал судам общей юрисдикции в каждом конкретном случае оценивать баланс интересов, добросовестность сторон и наличие у покупателя права на налоговый вычет, предложив даже механизм разделения налогового риска (например, увеличение цены не более чем половины суммы налога). Суд, по сути, ограничил свободу договора в части неизменности его условия (цены), но сделал это не произвольно, а исходя из необходимости защиты контрагента, не обладающего правом на вычет, от неосновательного обогащения поставщика.

Следует также обратить внимание, что Конституционный Суд РФ в указанном Постановлении не ограничился формальной констатацией невозможности автоматического пересмотра цены. Суд оценил поведение сторон с точки зрения статьи 10 ГК РФ, указав, что использование поставщиком своего доминирующего положения (или просто формального права на изменение цены) для переложения всего бремени публично-правовых изменений на контрагента, не имеющего права на налоговый вычет, является актом недобросовестного поведения. Тем самым было положено начало формированию правовой позиции, согласно которой пределы свободы договора очерчены границами добросовестного осуществления этого права. Сторона, чье поведение после заключения договора вступает в противоречие с ее предшествующими заявлениями или действиями, из которых исходил контрагент, лишается права ссылаться на условия договора, даже если они были согласованы изначально.

Что касается цифровизации, то цифровая трансформация создает новые вызовы для автономии воли. Проблема заключается в том, что в условиях массового использования смарт-контрактов воля стороны зачастую

формируется под воздействием непрозрачных алгоритмов и условий, которые невозможно изменить. Свобода договора здесь фактически редуцируется до свободы «войти или не войти» в цифровую экосистему.

Таким образом, ограничения свободы договора, которые мы наблюдаем в российской практике — это не столько вторжение государства в частные дела, сколько реализация внутреннего потенциала самого договорного права, стремящегося обеспечить реальную, а не формальную свободу. Пределы свободы договора в совре-

менном российском гражданском праве определяются не статичным перечнем императивных норм, а динамичным оценочным инструментарием, применяемым судом. Можно говорить о формировании дифференцированного подхода, когда суды отказываются от формального применения норм права в пользу анализа конкретных обстоятельств. При этом принципы добросовестности (ст. 10 ГК РФ), запрета на неосновательное обогащение и недопустимости злоупотребления правом становятся основными инструментами договорных отношений.

Литература:

1. Хабичев Р. Х. Ограничение свободы договора судебным регулированием // Вестник арбитражной практики. — 2025. — № 3. — С. 40–48.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. — 8-е изд. — Москва: Статут, 2020. — 351 с.
3. Волос А. А. Принципы договорного права в судебных делах, осложненных использованием контрагентами цифровых технологий (опыт Нидерландов) // Закон. — 2024. — № 6. — С. 186–195.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.11.2025 № 41-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, подпункта «а» пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Банк ВТБ». Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026). — Текст: электронный.
5. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: ФЗ: [принят Государственной Думой 22 июля 2020, одобрен Советом Федерации 24 июля 2020]. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5024.

Понятие буллинга в уголовном судопроизводстве и его основные признаки

Конюхова Алина Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассмотрены различные подходы к трактовке и содержанию понятия буллинга, анализ правоприменительной практики и работ ученых в данной отрасли.

Ключевые слова: буллинг, травля, насилие, агрессивное поведение.

С момента своего появления человек оказывается в постоянном процессе познания окружающего мира и выстраивания взаимоотношений с другими людьми, часто находя в них сходство. Однако, несмотря на эту естественную склонность к поиску общности, каждый из нас обладает неповторимой личностью. В условиях, когда общество ставит во главу угла единообразие и совпадение точек зрения, индивиды, выделяющиеся из общего ряда, могут столкнуться с отвержением и даже изгоями. Такое положение дел может принимать форму травли или подавления их уникальности.

Заметная тенденция в современной криминальной среде заключается в том, что прямая физическая агрессия всё чаще уступает место психологическому давлению. Развитие цифровых технологий и общий технический

прогресс создали идеальные условия для расцвета психологических преступлений. Появляются новые, потенциально опасные методы воздействия на человеческую психику, которые ещё не были всесторонне исследованы в рамках уголовно-правовой науки. Травля (буллинг) является показательным примером подобных современных форм психологического насилия, требующих пристального внимания со стороны как законодателей, так и исследователей. Это явление можно сравнить с неким современным «террором», направленным против людских несовершенств и индивидуальных особенностей.

Буллинг, или травля, может принимать разнообразные формы. К ним относятся не только словесные оскорбления и унижительные шутки, но и физические проявления агрессии. Главным отличием буллинга от обычных

конфликтных ситуаций является его системный и продолжительный характер. Жертва оказывается в заведомо невыгодном положении, зачастую лишённая возможности эффективной самозащиты, в то время как агрессор имеет явное преимущество.

Отметим, что изучением проблемы буллинга ученые занимаются уже несколько десятилетий, но до сих пор не было выработано его единого понятия, хотя научное осмысление определения буллинга и смежных с ним понятий играет важное значение для установления детерминант противоправного поведения и его профилактики [1, с. 2].

Учитывая тот факт, что буллинг — это форма молодежного насилия [2, с. 4], данной проблеме, безусловно, уделяют внимание органы исполнительной власти. Так, Министерство науки и высшего образования РФ указывает, что «буллинг — это психологическое или физическое воздействие, особый вид насилия, направленный на личность или группу, как правило, неспособных защититься физически или психологически, с целью подчинения, формирования страха» [3, с. 8]. В свою очередь, Министерство просвещения РФ исходит из того, что «буллинг — проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей» [4, с. 6].

Несмотря на наличие ведомственных определений, представленные дефиниции не снимают всех вопросов терминологического характера и, напротив, могут стать предметом научной дискуссии. Так, определение Министерства науки и высшего образования РФ, акцентируя внимание на дисбалансе сил («неспособных защищаться») и цели деяния («подчинение, формирование страха»), вызывает вопрос своей универсальностью: всегда ли буллинг преследует цель именно подчинения? Думается, что мотивация агрессора может состоять в развлечении или устранении конкурента, поддержании групповой иерархии. В свою очередь, трактовка Министерства просвещения РФ справедливо включая в круг субъектов буллинга не только обучающихся, но и педагогов, может быть подвергнута критике за излишнюю широту, поскольку стирает грань между, собственно, буллингом и единичным актом агрессии или непрофессионализма преподавателя. Следует отметить, что жертвами такого рода деяний могут быть не только дети, но люди любого возраста (в том числе из-за своей беспомощности или инвалидности). Подобного рода травля проявляется во всех возрастных и социальных группах. Таким образом, анализ официальных позиций выявляет их практическую ценность, но также обнажает необходимость их дальнейшей практической доработки и дифференциации смежных понятий, что является важнейшей задачей академического сообщества.

В Методических рекомендациях дается указание на широкий перечень действий, подразумевающих физическое или психологическое насилие над личностью: к первой категории относятся толчки, удары, пинки,

побои, нанесение телесных повреждений, действия сексуального характера и др., ко второй — оскорбления, угрозы, преследование, запугивание, изоляция, вымогательство денег и ценных вещей, действия с имуществом жертвы (намеренное повреждение, воровство, грабёж). Хотя в Уголовном кодексе Российской Федерации [5, с. 7] (далее — УК РФ) отсутствует отдельная статья, непосредственно криминализирующая травлю (буллинг) как единое преступление, ее отдельные проявления подпадают под действие целого ряда уголовно-правовых норм. Ответственность за действия, составляющие буллинг, может наступать по статьям, предусматривающим наказание за, например, доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, причинение вреда здоровью различной категории тяжести, побои, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и др. В Российской Федерации не предусмотрена специальная уголовно-правовая ответственность и за кибербуллинг, есть ответственность за публикацию информации, порочащей честь и достоинство человека (ст. 128.1 УК РФ), в ст. 137 УК РФ содержится запрет на незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну.

Обратимся к ключевым характеристикам, которые отмечаются при исследованиях буллинга.

Во-первых, это неоднократность и/или периодичность (иногда и регулярность) агрессивных действий. Буллинг отличается от единичных агрессивных действий тем, что она создает постоянную угрозу. Жертва живет в постоянном страхе, ожидая новых нападений, и часто пытается избежать контакта с обидчиком. Такое избегающее поведение может только усилить агрессию, поскольку обидчик воспринимает это как поощрение своих действий. Таким образом, потенциальная опасность, исходящая от агрессора, не ограничивается настоящим моментом, а распространяется на будущее, образуя долгосрочный стрессовый фактор для жертвы.

Во-вторых, умысел и преднамеренность нанесения вреда. Отличительной чертой буллинга, по сравнению с непреднамеренной агрессией, является осознанное желание обидчика причинить вред. Обидчик полностью осознает, что его действия негативно влияют на жертву, как физически, так и эмоционально. Травля часто носит целенаправленный характер. Интересно, что мотивация агрессора часто связана не только с желанием причинить вред, но и с попыткой укрепить собственное положение за счет понижения статуса жертвы. Агрессор осознает, что его поведение отклоняется от нормы и причиняет страдания жертве. В то же время он обычно оправдывает свои действия рациональными причинами: восстановлением справедливости, соблюдением определенных правил или защитой устоявшихся стандартов внешнего вида и поведения.

В-третьих, это собственно нанесение вреда. Жертвы буллинга испытывают депрессию, тревожность, стремление навредить себе и суицидальные устремления.

Четвертый признак — это злоупотребление силой или влиянием. От других видов агрессивного поведения буллинг отличается неравенством сил и возможностей жертвы и обидчика. Обидчик использует свое фактическое или кажущееся превосходство для того, чтобы причинить вред жертве. В контексте травли часто недостаточно подчеркивается самый важный аспект: у жертвы нет выбора. Исследования показывают, что повторяющиеся травли создают постоянную угрозу, становясь неизбежной частью повседневной жизни жертвы, которая оказывается в ловушке — ситуации, из которой не может выбраться самостоятельно.

Соответственно, в контексте уголовного судопроизводства буллинг можно определить как систематическое агрессивное поведение, основанное на осознанном умысле причинить физический, психологический или моральный вред и реализуемое через злоупотребление имеющимся превосходством (физическим, социальным, численным) в условиях неравенства, что лишает жертву возможности эффективной защиты и создает для нее долгосрочную стрессовую ситуацию.

Законодательство разных стран начинает учитывать этот феномен, некоторые страны ввели нормы уголовного права, предусматривающие ответственность непосредственно за буллинг. Особый интерес в контексте этой темы представляет опыт Франции, которая приняла строгие меры по борьбе с травлей, включая суровые наказания, такие как тюремное заключение сроком до трех лет и штрафы в размере до 45 000 евро. В случаях, когда травля приводит к самоубийству или попытке самоубийства, наказание увеличивается до десяти лет тюремного

заключения и штрафа в размере до 150 000 евро, что делает Францию одной из самых строгих стран в мире в отношении этого преступления. Тем не менее, несмотря на строгие законы, проблема травли полностью не исчезла, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития и совершенствования методов ее решения.

Резюмируя проведенное в рамках параграфа исследование, представляется возможным сделать вывод о том, что в современном мире защита прав личности требует серьезного внимания к проблеме агрессивного поведения. Создание безопасного социального пространства, в котором процветают взаимопонимание и уважение, должно стать приоритетом законотворческой деятельности в области противодействия буллингу. Иногда буллингу предшествует дегуманизация жертвы — ее начинают воспринимать как «другого», «слабого», «странного», что облегчает агрессию.

Комплексная стратегия борьбы с травлей необходима не только для наказания агрессоров, но и для предотвращения такого деструктивного поведения, которое разрушает как индивидуальные судьбы, так и общественное благополучие в целом. Юридическая ответственность за домогательства является ключевым инструментом в системе защиты фундаментальных ценностей человеческого общества. Мы считаем, что в УК РФ необходимо внести отдельную статью, которая непосредственно бы предусматривала уголовную ответственность за буллинг, при чем имея достаточно строгие санкции вплоть до лишения свободы на длительные сроки в зависимости от последствий, которые повлекли за собой противоправные деяния.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2025. — № 26 (часть I). — Ст. 3506.
2. Распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (ред. от 18.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 14. — Ст. 2079; 2021. — № 12. — Ст. 1986.
3. Распоряжение Минпросвещения России от 25 декабря 2019 г. № Р-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися» // Вестник образования России. — 2020. — № 6.
4. Письмо Минобрнауки России от 13 декабря 2022 г. № МН-6/1873 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие») // Вестник образования России. — 2023. — № 4.
5. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Психология подросткового буллинга: монография. — Нижний Новгород: Мининский университет, 2021. 206 с.
6. Жарова А. К., Буллинг: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия: монография. Москва: Русайнс, 2025. 203 с.
7. Ильин В. П. Психология агрессивного поведения: монография. СПб.: Питер. 2014. 368 с.
8. Косолапова Н. В., Иванова А. И. Юридическая психология: конспект лекций. Москва: Юрайт, 2008. 142 с.

Оставление в опасности (статья 125 УК РФ): дискуссионные аспекты квалификации

Куликов Даниил Валерьевич, студент магистратуры
Воронежский экономико-правовой институт

В статье исследуются проблемы квалификации оставления в опасности (ст. 125 УК РФ), обусловленные оценочным характером признаков состава преступления. Анализируются дискуссионные аспекты определения субъекта преступления, содержания беспомощного состояния потерпевшего и критериев реальной возможности оказания помощи. На основе анализа судебной практики и положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ выявляются сложности разграничения ст. 125 УК РФ со смежными составами. Обосновываются предложения по совершенствованию законодательной конструкции нормы и унификации правоприменительных подходов.

Ключевые слова: оставление в опасности, ст. 125 УК РФ, бездействие, беспомощное состояние, специальный субъект, реальная возможность оказания помощи, квалификация преступления, судебная практика.

В статье 125 УК «Оставление в опасности» определены три критерия, согласно которым наступает ответственность [1]:

- виновный имеет заботу о том, кто пострадал;
- виновник мог оказать помощь, у него для этого были все возможности, но в силу некоторых причин не выполнил свои обязательства;
- виновный сам создал условия, представляющие опасность для здоровья и жизни пострадавшего.

Исходя из вышеуказанного, следует применять данную норму только в тех случаях, когда виновное лицо обязано заботиться о пострадавшем.

Разбирая статью 125 УК «Оставление в опасности» по составу преступления, хотелось бы выделить, что:

- Непосредственным объектом данного преступления следует признавать жизнь и здоровье оставленного без помощи лица, лишенного возможности принять меры к самосохранению.

Объективная сторона данного преступления выражена в бездействии.

Субъективная сторона этого преступления характеризуется прямым умыслом, т. к. в статье указано на «заведомое оставление без помощи».

Субъект преступления (специальный) — физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъект преступления можно разделить на две основные группы:

1) на которое возложена правовая обязанность действовать, оказывать помощь в силу закона, договора, трудовых, родственных отношений и так далее. Следует выделить, что лицо, не оказавшее помощь при отсутствии соответствующей обязанности, не может быть субъектом преступления.

2) Лицо, которое своими действиями создало условия, поставившие его в опасное для жизни или здоровья состояние.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» содержится

следующее: «Если виновное лицо, покидая место преступления, осознавало, что заведомо оставляет в опасности пострадавшего, то его действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «б» соответствующей части статьи 264 УК РФ и статьей 125 УК РФ» [3].

Далее, Верховный суд РФ указывает, что действия водителя транспортного средства, поставившего потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия в опасное для жизни или здоровья состояние и в нарушение требований Правил дорожного движения (пункт 2.6) не оказавшего ему необходимую помощь, если он имел возможность это сделать, подлежат квалификации по статье 125 УК РФ.

Если обратиться указанному пункту Правил дорожного движения, то под необходимой помощью, в данной ситуации, следует понимать [2]:

принятие мер для оказания первой помощи пострадавшим, вызвав скорую медицинскую помощь и полицию; в экстренных случаях, отправку пострадавших на попутном, а если это невозможно, доставку на своем транспортном средстве в ближайшую медицинскую организацию, сообщив свою фамилию, регистрационный знак транспортного средства (с предъявлением документа, удостоверяющего личность, или водительского удостоверения и регистрационного документа на транспортное средство), после чего, возвратиться к месту происшествия.

Указанные действия обязательны не только для водителя, но и для иного участника дорожного движения, причастного к происшествию.

Однако стоит заметить, что указанное постановление Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25 содержит разъяснения, относящиеся к устаревшей редакции статьи 264 УК РФ, в которой отсутствовал квалифицирующий признак «оставление места его совершения».

Если виновное лицо умышленными действиями подвергает пострадавшего опасности, это свидетельствует о наличии прямого умысла.

Так, приговором мирового судьи судебного участка № 161 Самарской области от 16.07.2015 по делу № 1–45/2015

мужчина был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ [5]. Он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вместе со своей сожительницей, также находившейся в состоянии опьянения, переходил через реку по мосту, расположенному в селе. При прохождении по мосту на почве личных неприязненных отношений у них произошла ссора. В ходе которой, мужчина толкнул сожительницу рукой в плечо, отчего она упала с моста в реку.

Суд указал, что в результате этого, потерпевшая оказалась в опасном для жизни и здоровья состоянии, аргументируя тем, что температура воды в реке была низкой, а женщина находилась в состоянии опьянения и в верхней одежде, что в совокупности создавало для нее значительные трудности для самостоятельного выхода из реки. Учитывая, что в течение четырех лет мужчина сожительствовал с этой женщиной и должен был заботиться о ней. Он, осознавая, что она находится в опасном для жизни и здоровья состоянии, не стал оказывать ей помощь, безразлично отнесся к ее дальнейшей судьбе и ушел домой, полагая, что потерпевшая самостоятельно сможет выбраться из воды. В итоге она была обнаружена мертвой в русле реки ниже по течению от моста.

То есть для точной квалификации содеянного, необходимо определить критерии бездействия этого лица, выяснить возможность в оказании помощи пострадавшему лицу. Оставлением в опасности следует считать, если субъект преступления имел возможность оказать помощь потерпевшему, но не оказал её, руководствуясь своими личными причинами. Так, например, приговором мирового судьи судебного участка № 2 Завьяловского района Удмуртской Республики от 26.06.2025 по делу № 1–12/2025 мать своего малолетнего ребенка, который начал самостоятельно поворачиваться и перемещаться по квартире, не приняла мер предосторожности к надлежащей уборке помещений в своем месте жительства, допустив наличие магнитных шариков от конструктора в свободном доступе, осознавая, что попадание мелких предметов в организм последнего может причинить вред его здоровью и жизни, чем поставила последнего в опасное для жизни состояние [4]. Далее, ребёнок, лишенный возможности принятия мер к самосохранению по малолетству, не осознавая, что попадание мелких предметов в его организм может причинить вред его здоровью и жизни, проглотил 4 магнитных шарика от конструктора, которые были хаотично разбросаны по квартире. В результате попадания инородных тел в кишечник, он скончался. В приговоре указано, что мать этого ребёнка осознавала преступный характер своих действий, предвидела возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда жизни или здоровью и была обязана заботиться о нем, однако к возможности наступления общественно опасных последствий отнеслась безразлично.

Возвращаясь, что виновник обязан оказывать помощь пострадавшему, по той причине, что поставил его в опасные условия для жизни или здоровья. К дей-

ствиям, поставившим потерпевшего в опасность, относятся противоправные, непротивоправные, невиновные либо виновные акты поведения субъекта преступления. Например, водитель автомобиля, не нарушавший ПДД, обязан оказать помощь пострадавшему, если самокатчик, пересекавший пешеходный переход на красный сигнал светофора, совершил столкновение с его автомобилем. Это обусловлено тем, что обязанность оказать помощь возникает независимо от виновности лица, действия которого поставили потерпевшего в опасность.

При анализе научной литературы представляется разумным исключить перечисление состояний беспомощности (малолетство, старость, болезнь), которые законодатель включил в статью, оставив общее понятие «беспомощности», поскольку если законотворческий орган решил перечислить все возможные состояния беспомощности, то следует включить беременность, послеродовой период, физическое недоразвитие, сон, обморочное состояние, опьянение, отсутствие необходимых навыков выживания в конкретных условиях. Указанные частные состояния беспомощности не являются окончательными.

Обоснованным является требование о том, что виновный должен достоверно знать о беспомощном состоянии потерпевшего. Однако, следует указать, что описанные виды в статье беспомощности выполняют больше ориентирующую роль. Например, некоторые малолетние дети подросткового возраста (11–13 лет) могут быть физически хорошо развиты и самостоятельно принимать меры к самосохранению. Аналогично, это можно отнести и к лицам старше 60 лет. Вряд ли их можно априори признать беспомощными.

Некоторые трудности возникают с определением наличия заболевания, свидетельствующего о беспомощности. Безусловно, существуют перечни заболеваний, которые презюмируют такое состояние, однако на практике установление факта тяжелого заболевания, свидетельствующего о заведомой беспомощности потерпевшего, вызывает споры. Законодателю следует изменить формулировку в отношении «болезни», т. к. возникает вопрос. Для вменения статьи 125 УК РФ достаточно констатации самого факта болезни или требуется доказать, что виновный заведомо осознавал тяжесть состояния потерпевшего и опасность оставления его без помощи?

Правоприменительная практика требует четких критериев определения момента, когда у лица имелась реальная возможность оказать помощь. Это связано с оценкой объективных условий (например, расстояние, наличие средств связи, физическое состояние самого потенциального «спасателя»).

Поэтому рекомендуется включить в статью указание на то, что возможность оказания помощи должна быть реальной и объективной, а также не должна создавать угрозу для жизни и здоровья самого оказывающего помощь или других лиц.

Необходимо также закрепить понятие «реальной опасности» как обязательного признака объективной стороны,

указав, что она должна оцениваться с учетом всех обстоятельств дела (время года, температура, место, возраст и состояние потерпевшего, длительность оставления).

Таким образом, несмотря на длительное существование в уголовном законодательстве состава преступ-

ления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, небольшой объем судебной практики и неоднозначность толкования отдельных признаков данного состава обуславливают трудности как при квалификации, так и при отграничении его от смежных составов преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. — Текст: электронный — URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).
2. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090. — Текст: электронный — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 31.03.2026).
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25. — Текст: электронный — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).
4. Решение по делу № 1-12/2025 от 26.06.2025. — Текст: электронный — URL: www.zakonrf.info (дата обращения: 01.04.2026).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) от 02 июня 2016 — Комментарий к статье 125. Оставление в опасности. — Текст: электронный — URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 31.03.2026).

Особенности преемства ограниченных вещных прав

Курган Вера Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует особенности преемства при первоначальном и производном способах приобретения ограниченных вещных прав.

Ключевые слова: вещные права, ограниченные вещные права, способы приобретения вещных прав, правопреемство.

Возникновение вещных прав традиционно связано с установлением оснований их возникновения. В правовой теории существуют различные критерии классификации способов приобретения, среди которых традиционной является деление способов приобретения вещных прав на первоначальные и производные [1, с.227]. Критерием деления способов на указанные две разновидности является факт наличия, либо отсутствия зависимости прав приобретателя от прав предшественника.

Исходя из данной классификации примером первоначального способа приобретения ограниченного вещного права может являться первичное установление сервитута, возникшее на основе права собственности. В качестве примера производного способа приобретения ограниченного вещного права можно привести переход имеющегося права пользования чужим земельным участком в порядке наследования.

В цивилистической литературе является господствующей позиция, согласно которой возникновение ограниченных вещных прав возможно исключительно в порядке правопреемства. Согласно данному подходу производное приобретение вещных прав, как и установление их впервые, осуществляется в порядке правопреемства.

Однако, по справедливому замечанию Каширского С. С. с этим согласиться нельзя, так как производность и само правопреемство не являются тождественными понятиями [2, с.6].

Обобщение взглядов ученых свидетельствует, что классическим является подход, согласно которому правопреемство понимается как ситуация, при которой один участник правоотношения полностью заменяется другим, что влечет за собой наделение правопреемника тождественными полномочиями правопродшественника [3, 159].

Исходя из действующего законодательства преемство в ограниченных вещных правах, при их первоначальном установлении, имеет свою специфику.

Так, право постоянного (бессрочного) пользования впервые предоставляется только органам государственной власти и органам местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждениям (бюджетным, казенным, автономным), казенным предприятиям, центрам исторического наследия президентов РФ, прекративших исполнение своих полномочий (ст. 39.9 ЗК РФ).

Правом хозяйственного ведения на имущество наделяются впервые государственные и муниципальные унитарные предприятия, а правом оперативного управ-

ления — учреждения (частные, автономные, бюджетные, казенные) и казенные предприятия.

В отношении такого ограниченного вещного права, как сервитут, ограничений по субъектам права в законе не предусмотрено. Сервитут подлежит государственной регистрации, основанием для осуществления которой является соглашение сторон.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что и приобретения ограниченных вещных прав производными способами специфичны для каждого из поименованных видов ограниченных вещных прав.

Так, правопреемство права пожизненного наследуемого владения возможно в том случае, если правопредшественником и правопреемником могут быть только физические лица, а замена последним правопредшественника в правоотношении возможна только в порядке универсального правопреемства (ст. 267 ГК РФ).

Земельные участки, принадлежащие субъектам, указанным в ст. 39.9 ЗК РФ, на праве постоянного (бессрочного) пользования, согласно ч. 3 ст. 268 и ч. 3 ст. 269 ГК РФ могут стать предметом правопреемства только в случае реорганизации юридического лица, которому земельный участок предоставлен на данном праве. Следовательно, для преемства в праве постоянного (бессрочного) пользования установлено ограничение в части субъектного состава, а само правопреемство может быть только универсальным (посредством реорганизации).

В соответствии с ч. 1 ст. 275 ГК РФ сервитут следует за земельным участком, но согласно ч. 2 той же статьи не может быть передан самостоятельно. Из буквального толкования данных законодательных положений следует, что в отношении сервитута возможно и универсальное, и сингулярное правопреемство при одновременном преемстве в праве собственности на обремененный земельный участок.

Согласно действующему законодательству (ст. 295, 297, 298 ГК РФ) также установлены ограничения на переход имущества, находящегося на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления, в порядке правопреемства, касающиеся в основном установления требования о получении согласия собственника имущества. Таким образом, в отношении права хозяйственного ведения и права оперативного управления возможно универсальное и сингулярное (с согласия собственника имущества) правопреемство с учетом ограничений по субъектному составу этих прав.

Определяя ситуацию возникновения нового правоотношения, меньшего по объему в сравнении с материнским правоотношением и зависящего от него, в правовой теории говорят о конститутивном правопреемстве.

Таким образом, применительно к специфике установления ограниченных вещных прав впервые представляется уместным говорить о «конститутивном правопреемстве» [4, с.55].

В. А. Белов отмечает, что конститутивное правопреемство представляет собой случай производного возникновения гражданского правоотношения, при котором базисное правоотношение не прекращает своего существования, но сохраняется и существует параллельно с производным, не претерпевая при этом ни содержательных, ни субъектных изменений. Такой эффект возможен при обязательном одновременном соблюдении двух следующих условий: 1) при несовпадении активного субъекта производного правоотношения с активным субъектом правоотношения базисного, то есть при условии возникновения производного правоотношения в другом или чужом (по отношению к управомоченному участнику базисного) лице; 2) при изменении (стеснении, ограничении) условий осуществления базисного субъективного права, сообразного тем действиям, совершение которых будет происходить в рамках осуществления вновь возникшего производного субъективного права [5, с.466].

Согласно позиции Б. Б. Черепахиной, в случае конститутивного преемства имеет место «переход правомочий от одного лица к другому, но без потери их и соответствующего права в целом правопредшественником; на основе права праводателя создается право с иным содержанием (более ограниченным)» [6, с.310]. В то же время, необходимо учитывать, что Б. Б. Черепашин, создавая учение о правопреемстве, делал оговорку, что «конститутивное правопреемство не является правопреемством в точном смысле. Его роднит с правопреемством производный характер правопреемства» [6, с. 314]. На это указывает и С. С. Каширский, отмечая, что «производный характер означает лишь наличие связи, в то время как правопреемство предполагает полную тождественность в рамках все той же самой правовой формы» [7, с. 173].

Исходя из вышеизложенного представляется возможным сделать вывод о том, что самостоятельный характер ограниченных вещных прав, а также то, что их первоначальное установление всегда связано с этапом возникновения гражданского правоотношения, не позволяет рассматривать подобный порядок совместно с правовой категорией «правопреемство». Объем тех правомочий, которые получает субъект ограниченного вещного права по своему содержанию не является аналогичным объему правомочий, которые охватываются субъективным правом собственности на такую вещь.

Литература:

1. Семенова Е. Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 404 с.
2. Каширский С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 200 с.

3. Бакунов А. В., Сазанова И. В. Вещное право (курс лекций): учебное пособие. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2020. 308 с.
4. Носов Д. В. Правопреемство в российском праве: монография. Пермь, 2013. 199 с.
5. Белов В. А. Гражданское право в 4 т. Том I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для вузов / В. А. Белов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 622 с.
6. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. Москва: Статут, 2001.
7. Каширский С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении: дис.... канд. юрид. наук / С. С. Каширский. — Н. Новгород, 2015. 200 с.

Процессуальные аспекты реализации права на предъявление иска ограниченно дееспособными и несовершеннолетними лицами: критический анализ содержания статьи 135 ГПК РФ

Куртуков Роман Сергеевич, старший преподаватель

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье исследуются проблемные вопросы, связанные с реализацией права на предъявление иска ограниченно дееспособными и несовершеннолетними лицами. Делается акцент на отсутствии в статье 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации чётких процессуальных последствий подачи искового заявления лицом, не обладающим полной гражданской процессуальной дееспособностью. Предлагаются пути устранения существующего законодательного пробела.

Ключевые слова: гражданский процесс, процессуальная дееспособность, право на предъявление иска, полномочия суда.

Право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации [1], распространяется на всех граждан без исключения. Согласно статье 6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [2], правосудие по гражданским делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан. В соответствии с частью 1 статьи 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Между тем, реализация гражданами, ограниченными в дееспособности, а также несовершеннолетними лицами права на обращение в суд сопряжена с некоторыми процессуальными ограничениями. Правовой статус субъектов гражданского судопроизводства определяется наличием у них гражданской процессуальной правоспособности (статья 36 ГПК РФ) и дееспособности (статья 37 ГПК РФ). В нормах ГПК РФ закреплена легальная дефиниция понятия «гражданская процессуальная дееспособность». Законодатель понимает под ней способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суда представителю. Она принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим совершеннолетия, а также организациям.

Из содержания статьи 37 ГПК РФ следует, что процессуальное право на предъявление иска детерминировано наличием у заявителя полной процессуальной дееспособ-

ности. Её отсутствие приводит к тому, что от лица участника спорных правоотношений в суде выступает его законный представитель (опекун, попечитель и пр.), либо его интересы в суде защищаются прокурором (статья 45 ГПК РФ), либо представителями иных органов государственной власти или органов местного самоуправления, в пределах их компетенции (статья 46 ГПК РФ). Исключение из данного правила сделано лишь для несовершеннолетних лиц и лишь в тех случаях, когда конкретной нормой материальной отрасли права предусмотрена возможность самостоятельно обращаться в суд за защитой своих прав (пункт 2 статьи 21, статья 27, статья 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), статья 56, часть 3 статьи 62 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) и т. п.).

Субъекты гражданского процессуального права наделяются процессуальными правоспособностью и дееспособностью в связи с необходимостью защиты принадлежащих им прав, свобод и законных интересов как участников материальных правоотношений, поскольку не должна возникнуть ситуация, когда субъект материального права не имеет возможности участвовать в гражданском процессе. Между тем, субъекты гражданского судопроизводства наделяются процессуальной дееспособностью не на одинаковых условиях (говоря о гражданах, следует выделить несколько категорий процессуальной дееспособности: полная, частичная, ограниченная, а также полная процессуальная недееспособность). Применимо к гражданам, ограниченным в дееспособности, либо признанным недееспособными на основании ре-

шения суда, ГПК РФ устанавливает императивное правило о том, что их права, свободы и законные интересы защищают в процессе их законные представители (однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих ограниченных в дееспособности граждан). Таким образом, лица, не обладающие полной гражданской процессуальной дееспособностью, де-юре лишены возможности самостоятельно инициировать судебное разбирательство — подписать исковое заявление, предъявить его в суд и совершить иные процессуальные действия, непосредственно направленные на возбуждение гражданского дела.

Описанная правовая реальность порождает комплекс теоретических и прикладных проблем, требующих системного научного осмысления. Существующая модель процессуального регулирования, исключающая возможность самостоятельного обращения в суд несовершеннолетних и ограниченно дееспособных лиц, требует модернизации в части наделения судов процессуальными полномочиями в отношении поступающих от подобных граждан исковых заявлений.

Как известно, в основу правового регулирования отношений между судом и участниками гражданского судопроизводства положен смешанный императивно-диспозитивный метод, в котором властные полномочия суда (императивность) сочетаются с возможностью сторон свободно распоряжаться своими правами (диспозитивность), обеспечивая баланс инициативы сторон и законности. Между тем, законодательный запрет эффективен только при наличии чётко установленных последствий его нарушения. Запрет, содержащийся в процессуальных нормах, может считаться лишь рекомендацией, если нарушающему его поведению участников судопроизводства не корреспондируют конкретные властные полномочия суда, рассматривающего дело.

Отсутствие у граждан, признанных недееспособными, права на предъявление иска, предопределяет содержание полномочий суда в отношении поступающих от подобных заявителей исковых заявлений. Так, согласно пункту 3 части 1 статьи 135 ГПК РФ, судья возвращает исковое заявление в случае, если оно подано недееспособным лицом. В случае,

когда отсутствие полной процессуальной дееспособности у заявителя было обнаружено уже при рассмотрении дела по существу, судья на основании абзаца 3 статьи 222 ГПК РФ обязан оставить заявление без рассмотрения.

На наш взгляд, содержание пункта 3 части 1 статьи 135 ГПК РФ имеет ряд недостатков, а именно:

1) данная норма не устанавливает процессуальных последствий подачи искового заявления ограниченно дееспособным гражданином, а также несовершеннолетним лицом (в случаях, когда право на обращение в суд не предусмотрено конкретной нормой материальной отрасли права);

2) в указанной норме отсутствует исключение для той ситуации, когда гражданин, признанный недееспособным по решению суда, на основании статьи 286 ГПК РФ обращается в суд с заявлением о признании его полностью дееспособным.

Изложенные недостатки приводят к тому, что суды ввиду отсутствия чётко регламентированных процессуальных последствий, вынуждены применять положения пункта 3 части 1 статьи 135 ГПК РФ по аналогии (часть 4 статьи 1 ГПК РФ) к тем ситуациям, когда исковое заявление подано лицом, хотя и не признанным недееспособным, но не обладающим полной гражданской процессуальной дееспособностью ввиду иных причин.

На наш взгляд, обозначенная проблема требует внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство. Видится уместным изложить пункт 3 части 1 статьи 135 ГПК РФ в следующей редакции:

«1. Судья возвращает исковое заявление в случае, если: ...

3) исковое заявление подано лицом, не обладающим полной гражданской процессуальной дееспособностью, за исключением случаев, установленных настоящим Кодексом и иными федеральными законами».

Представляется, что внесение предлагаемых изменений в содержание анализируемой статьи устранил существующий на настоящий момент времени правовой пробел и станет основой для формирования единообразной судебной практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.] // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [от 14.1.2002 г. № 138-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

Принцип соразмерности (пропорциональности) в системе принципов административной ответственности: соотношение со справедливостью и индивидуализацией

Кучеренко Алиса Витальевна, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье исследуется место принципа соразмерности (пропорциональности) в системе принципов административной ответственности. Анализируется нормативное содержание данного принципа, не получившего прямого закрепления в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, однако последовательно выводимого судебной практикой из конституционных положений. Рассматривается соотношение соразмерности с принципами справедливости и индивидуализации наказания, выявляются их точки соприкосновения и функциональные различия. На материалах судебной практики, включая акты Конституционного Суда Российской Федерации и арбитражных судов, демонстрируется механизм применения принципа соразмерности при назначении административных наказаний, в том числе в ситуациях назначения штрафа ниже низшего предела, замены вида наказания и признания правонарушения малозначительным. Делается вывод о системообразующем характере принципа соразмерности, интегрирующем требования справедливости и обеспечивающем их реализацию через индивидуализацию ответственности.

Ключевые слова: принцип соразмерности, административная ответственность, справедливость, индивидуализация наказания, административный штраф, судебная практика, Конституционный Суд РФ.

Принципы административной ответственности образуют фундаментальную основу института административного принуждения, определяя содержание как материально-правовых норм, так и процедур их применения. В системе этих принципов особое место занимает принцип соразмерности (пропорциональности), который, не будучи прямо поименованным в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [2], тем не менее пронизывает все стадии административно-юрисдикционного процесса и выступает важнейшим критерием оценки законности и обоснованности назначаемых наказаний. Актуальность исследования данного принципа обусловлена не только его доктринальной значимостью, но и интенсивным развитием правоприменительной практики, которая в условиях отсутствия легальной дефиниции вынуждена самостоятельно вырабатывать критерии соразмерности, обращаясь к конституционным положениям [1] и общим началам юридической ответственности [8, с. 113–114].

Вопрос о юридической природе принципа соразмерности и его соотношении со смежными правовыми категориями — справедливостью и индивидуализацией — приобретает не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. От правильного понимания взаимосвязи этих принципов зависит единообразие судебной практики, предсказуемость административного преследования и, в конечном счете, эффективность реализации превентивной функции административной ответственности. Не случайно в научной литературе отмечается, что применение принципа соразмерности в российском административном праве сталкивается с определенными трудностями, связанными с отсутствием его позитивного закрепления в общей норме закона, действующей для всех сфер публичного управления [6, с. 9]. В такой ситуации

именно судебная практика создает основу и методику применения принципа соразмерности, направленного на защиту субъективных публичных прав от несоразмерных ограничений.

Обращение к генезису принципа соразмерности в российском правопорядке неизбежно приводит к решениям Конституционного Суда Российской Федерации, который последовательно проводит идею о том, что публично-правовая ответственность должна отвечать требованиям справедливости и соразмерности конституционно значимым целям и охраняемым законным интересам [1]. В постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой административное наказание должно быть соразмерным конституционно защищаемым ценностям, характеру правонарушения и его последствиям, а также обеспечивать дифференциацию ответственности в зависимости от степени вины правонарушителя [4, с. 18]. Эта правовая позиция стала отправной точкой для последующего развития механизмов, позволяющих судам индивидуализировать наказание даже в тех случаях, когда санкция статьи устанавливает нижний предел, не учитывающий конкретных обстоятельств дела. Конституционный Суд исходил из того, что формальный подход к назначению наказания без учета критериев соразмерности может приводить к нарушению конституционных прав граждан и юридических лиц [4, с. 22].

Примечательно, что в судебной практике принципы разумности, соразмерности и справедливости зачастую упоминаются в неразрывной связи, образуя устойчивый понятийный ряд, который призван подчеркнуть обоснованность принимаемого решения. Как показывает анализ судебных актов, суды используют различные комбинации этих принципов с единым смыслом — подтвердить, что

решение было принято с учетом всех значимых обстоятельств. В одних делах указывается, что принцип соразмерности выражает в себе требования справедливости при назначении наказания, в других — конституционное требование соразмерности выводится непосредственно из принципа справедливости [9, с. 35]. Такое смешение понятий не случайно и отражает глубинную связь этих категорий, однако для целей научного анализа необходимо разграничение их содержания и функционального назначения.

Справедливость как общеправовой принцип имеет онтологический характер и выражает идею соответствия между деянием и его правовыми последствиями, между юридической ответственностью и реальным ущербом, между формальным равенством субъектов перед законом и фактическим равенством возможностей [1]. В сфере административной ответственности справедливость проявляется в том, что наказание не может быть чрезмерным, оно должно соответствовать характеру правонарушения и степени вины нарушителя. Соразмерность же выступает инструментальным выражением справедливости, тем механизмом, который позволяет перевести абстрактное требование справедливости в конкретные параметры назначаемого наказания [8, с. 116]. Если справедливость отвечает на вопрос о том, должно ли вообще следовать наказание и в какой мере оно допустимо, то соразмерность определяет количественные и качественные характеристики этого наказания применительно к конкретному правонарушению.

Индивидуализация ответственности, в свою очередь, представляет собой процессуальный и материально-правовой инструмент, обеспечивающий учет всех конкретных обстоятельств дела, характеризующих как само правонарушение, так и личность правонарушителя. Статья 4.1 КоАП РФ устанавливает, что при назначении административного наказания учитываются характер совершенного административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность [2]. Однако сама по себе индивидуализация еще не гарантирует соразмерности, если санкция нормы не позволяет суду выйти за установленные пределы или если учет обстоятельств носит формальный характер. Именно принцип соразмерности выступает тем оценочным критерием, который позволяет проверить, насколько произведенная индивидуализация привела к справедливому результату [5, с. 7].

В судебной практике нередки случаи, когда назначение административного наказания в минимальном размере, предусмотренном санкцией, тем не менее признается несоразмерным характеру правонарушения. Так, по одному из дел, рассмотренных арбитражным судом, общество было привлечено к ответственности по части 2 статьи 14.31 КоАП РФ с назначением штрафа в размере 100 000 рублей, что являлось минимальной санкцией. Однако суд, исследовав обстоятельства дела, пришел к выводу, что

с учетом порядка расчета штрафа, применявшегося антимонопольным органом, размер экономически обоснованного штрафа должен был составить 1614 рублей 57 копеек. Принимая решение о снижении штрафа, суд указал, что назначение наказания в минимальном размере санкции в данном случае не отвечает принципу разумности и соразмерности, поскольку ведет к чрезмерному обременению лица, привлекаемого к ответственности, и не соответствует тяжести правонарушения [9, с. 38]. Данный пример наглядно демонстрирует, что формальная индивидуализация в пределах санкции без учета критерия соразмерности может приводить к результатам, противоречащим самой идее справедливости.

Развитие законодательства об административных правонарушениях в последние годы свидетельствует о стремлении законодателя имплементировать принцип соразмерности в ткань правового регулирования. Введение в КоАП РФ статьи 4.1.1, предусматривающей возможность замены административного штрафа предупреждением для субъектов малого и среднего предпринимательства при определенных условиях [3], стало законодательным закреплением идеи о том, что наказание должно быть соразмерно не только правонарушению, но и социально-экономическому положению правонарушителя. Судебная практика применения данной нормы последовательно ориентируется на необходимость проверки наличия оснований для такой замены, причем принцип соразмерности выступает здесь в качестве критерия, позволяющего оценить, будет ли достигнута предупредительная цель наказания без применения штрафных санкций. В подборке судебных решений за 2025 год содержится указание на то, что, исходя из конкретных обстоятельств дела, учитывая правила части 1 статьи 4.1.1 КоАП РФ [2], а также конституционный принцип соразмерности административного наказания [1], суды оценивают возможность замены штрафа предупреждением, принимая во внимание совершение правонарушения впервые и отсутствие вредных последствий [6, с. 11].

Особую остроту проблема соразмерности приобретает в делах, связанных с назначением административного наказания юридическим лицам, где штрафные санкции могут достигать значительных размеров и создавать угрозу финансовой несостоятельности. В таких случаях суды оценивают соответствие административного наказания принципу разумности именно по целям и последствиям привлечения к ответственности, отмечая, что наказание должно дисциплинировать лицо, но не вести его к банкротству [9, с. 39]. Данный подход отражает позицию Конституционного Суда РФ, неоднократно указывавшего на то, что меры административной ответственности не должны превращаться в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности [4, с. 24].

Показательным примером применения принципа соразмерности служит институт малозначительности ад-

министративного правонарушения, предусмотренный статьей 2.9 КоАП РФ [2]. При оспаривании назначенного наказания суды нередко приходят к выводу о том, что самым фактом возбуждения дела об административном правонарушении, его рассмотрением и установлением вины лица достигнуты предупредительные цели производства, в связи с чем назначение даже минимального наказания не отвечает принципам разумности и справедливости. Однако, как справедливо отмечается в литературе, такой подход не всегда корректен, поскольку малозначительность связана с характером правонарушения, а не с несоразмерностью санкции [7, с. 47]. Исследование правоприменительной практики показывает, что в некоторых случаях суды, не имея возможности назначить наказание ниже низшего предела, признают правонарушение малозначительным, хотя фактически речь идет о несоразмерности наказания тяжести содеянного [7, с. 48]. Такая подмена понятий создает методологическую путаницу и приводит к разрозненности судебной практики [5, с. 9].

Преодоление указанных проблем стало возможным благодаря постановлению Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 года № 4-П [4], которое предоставило судам возможность назначать административный штраф ниже низшего предела, установленного санкцией. Впоследствии эта правовая позиция была воспринята законодателем и закреплена в части 3.2 статьи 4.1 КоАП РФ [2], согласно которой при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к ответственности лица, суд может назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера, предусмотренного санкцией. Данный законодательный механизм стал прямым выражением принципа соразмерности, позволяющим суду индивидуализировать наказание с учетом всех значимых факторов и при этом оставаться в рамках правового поля [8, с. 117].

В научной литературе обращается внимание на то, что использование Конституционным Судом РФ критериев соразмерности при осуществлении конституционного толкования возможно исключительно с точки зрения качественного подхода, тогда как количественные критерии являются инструментарием законодателя и правоприменителя [8, с. 115]. Это наблюдение имеет принципиальное значение для понимания иерархии принципов административной ответственности. Конституционный Суд определяет качественные параметры соразмерности, устанавливая пределы дискреции законодателя и ориентиры для правоприменителя [4, с. 20]. Законодатель, в свою очередь, наполняет эти качественные параметры конкретным нормативным содержанием, устанавливая виды наказаний, их размеры и условия применения [3]. Правоприменитель же, руководствуясь принципом индивидуализации, адаптирует общие предписания к конкретным обстоятельствам дела, обеспечивая тем самым

реализацию требований соразмерности и справедливости [5, с. 8].

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько типичных ситуаций, в которых принцип соразмерности играет решающую роль. Во-первых, это дела, связанные с выбором вида наказания при альтернативной санкции. Как следует из судебных решений, назначение более строгого наказания при наличии возможности применения более мягкого должно быть мотивировано со ссылкой на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о невозможности достижения целей наказания менее строгой мерой. Так, в одном из дел суд признал нарушением принципов справедливости и разумности выбор административным органом меры ответственности в виде административного штрафа практически в максимальном размере при наличии такой меры, как предупреждение, и минимального размера штрафа [9, с. 37].

Далее, принцип соразмерности активно применяется при оценке законности предписаний антимонопольных органов и иных регуляторов. В сфере государственного регулирования экономики, включая оборот алкогольной продукции и антимонопольное регулирование, накоплен значительный судебный материал, позволяющий говорить о формировании судебной доктрины применения принципа соразмерности [6, с. 10]. Суды проверяют, являются ли меры административного принуждения необходимыми для достижения законной цели, не создают ли они чрезмерного обременения для субъектов предпринимательской деятельности и соответствуют ли они характеру выявленных нарушений.

Кроме того, принцип соразмерности выступает критерием оценки правильности квалификации правонарушения. В подборке судебных решений за 2025 год обращается внимание на то, что необходимость соблюдения принципа соразмерности наказания характеру допущенного правонарушения не может являться основанием для неправильной квалификации деяния [6, с. 12]. Иными словами, принцип соразмерности применяется после того, как установлена надлежащая квалификация, и не может служить основанием для ее искажения в целях смягчения ответственности.

Соотношение принципа соразмерности с принципом индивидуализации проявляется также в учете смягчающих и отягчающих обстоятельств. При наличии смягчающих обстоятельств назначение максимального административного наказания, как правило, признается не отвечающим принципу соразмерности и требованиям статьи 4.1 КоАП РФ [2]. В судебной практике встречаются случаи, когда суды признают несоответствующими принципу разумности решения, при вынесении которых учитывались обстоятельства, неправильно оцененные административным органом или ошибочно признанные отягчающими [9, с. 40]. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи процедурных аспектов индивидуализации и материально-правового содержания соразмерности.

Следует отметить, что принцип соразмерности имеет не только правоприменительное, но и правотворческое измерение. Законодатель при конструировании санкций должен учитывать необходимость обеспечения баланса между публичными интересами и правами лиц, привлекаемых к ответственности [1]. Санкции должны быть дифференцированы с учетом характера правонарушения, его потенциальной опасности, особенностей субъектного состава. Отсутствие такой дифференциации может приводить к ситуациям, когда даже минимальная санкция оказывается несоразмерной конкретному правонарушению, что и побуждает суды обращаться к конституционным механизмам снижения наказания [8, с. 118].

В системе принципов административной ответственности соразмерность занимает интегрирующее положение, связывая объективные требования справедливости с субъективными аспектами индивидуализации. Справедливость задает общий вектор правового регулирования, определяя недопустимость чрезмерного государственного принуждения и необходимость соразмерной защиты публичных интересов [1]. Индивидуализация обеспечивает учет конкретных особенностей дела, переводя общие предписания в плоскость единичного случая [2]. Соразмерность же выступает тем мостом, который соединяет эти уровни, позволяя проверить, насколько результат индивидуализации соответствует требованиям справедливости [4, с. 25].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что принцип соразмерности, несмотря на отсутствие его

прямого закрепления в КоАП РФ [2], является неотъемлемым элементом системы принципов административной ответственности. Его нормативное содержание раскрывается через конституционные положения [1], решения высших судебных инстанций [4] и устоявшуюся правоприменительную практику [5]. Соотношение соразмерности со справедливостью и индивидуализацией носит характер взаимодополнения: справедливость определяет сущностные требования к ответственности, соразмерность задает параметры их реализации, а индивидуализация обеспечивает адаптацию этих параметров к конкретным обстоятельствам дела [9, с. 41].

Дальнейшее развитие законодательства об административных правонарушениях должно быть направлено на более последовательное воплощение принципа соразмерности в нормативных положениях, включая унификацию критериев оценки соразмерности, расширение дискреционных полномочий судов при назначении наказаний и совершенствование механизмов учета имущественного положения лиц, привлекаемых к ответственности [6, с. 12]. Судебная практика, в свою очередь, нуждается в выработке единообразных подходов к применению критериев соразмерности, что позволит избежать как чрезмерной мягкости, так и излишней суровости административных наказаний и будет способствовать достижению целей административной ответственности при безусловном соблюдении прав и законных интересов граждан и организаций [5, с. 10].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 31.12.2014 г. № 515-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 84.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 г. № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3. С. 12–25.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 23.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6. С. 3–12.
6. Васильева А. Ф. Принцип соразмерности в судебной практике по административным делам в сфере государственного регулирования экономики / А. Ф. Васильева // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 5. — С. 9–12.
7. Кирьянова, О. В. Признание административного правонарушения малозначительным: проблемы теории и практики / О. В. Кирьянова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 3. — С. 45–50.
8. Малютин, Н. С. Проблема оценки соразмерности наказаний в актах судебного толкования (на примере административных штрафов) / Н. С. Малютин // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 8. — С. 112–119.
9. Ревазов, М. А. Принципы разумности и соразмерности в российской судебной практике / М. А. Ревазов // Правовое применение. — 2014. — № 2. — С. 34–41.

10. Раков, А. В. К вопросу рассмотрения военными судами дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими / А. В. Раков, С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах. — 2023. — № 5. — С. 28–35.

Актуальные вопросы прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям

Никитина Алена Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Оксана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются актуальные проблемы института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Анализируются правовая природа данного института, его соотношение с принципом презумпции невиновности, а также дискреционные полномочия суда. Осуществлен анализ действующего законодательства, выявлены основные противоречия и пробелы в правовом регулировании. Предлагаются конкретные пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, нереабилитирующие основания, примирение сторон, деятельное раскаяние, судебный штраф, истечение сроков давности, презумпция невиновности, дискреционные полномочия суда, заглаживание причиненного вреда.

Институт прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям занимает особое место в системе уголовного судопроизводства, выступая важным механизмом дифференциации уголовной ответственности и реализации принципов гуманизма и справедливости. Данный институт позволяет разрешить уголовно-правовой конфликт без применения мер государственного принуждения в виде наказания при условии выполнения лицом установленных законом требований. Актуальность исследования обусловлена как значительным ростом числа уголовных дел, прекращаемых по нереабилитирующим основаниям, так и сохраняющимися теоретическими и практическими проблемами применения соответствующих норм, требующими научного осмысления и выработки предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Прежде всего, значимость данной проблематики определяется кардинальным изменением структуры итоговых судебных решений в российском уголовном процессе, происходящим в последние годы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2025 года судами прекращены дела в отношении 49 900 фигурантов, что составило около 22 % от общего числа рассмотренных дел, тогда как оправдательные приговоры вынесены лишь в отношении 516 лиц, что составляет всего 0,5 % от общего числа подсудимых. Эти статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что нереабилитирующие основания фактически стали доминирующей формой разрешения уголовных дел без вынесения обвинительного приговора, что объективно требует глубокого научного осмысления данного феномена и оценки его влияния на реализацию принципов уголовного судопроизводства.

С другой стороны, высокая востребованность института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в правоприменительной практике сочетается с наличием серьезных теоретических и законодательных проблем, которые до настоящего времени не получили однозначного разрешения. К числу таких проблем относятся, в частности, коллизия между дискреционными полномочиями суда, выраженными в формулировке «суд вправе прекратить», и принципом презумпции невиновности, отсутствие четкой процессуальной процедуры реализации права лица на возражение против прекращения дела за истечением сроков давности, несмотря на императивное предписание закона, а также отсутствие законодательно закрепленных критериев оценки соразмерности заглаживания вреда и добровольности примирения сторон. Данные противоречия и пробелы в правовом регулировании порождают неединообразную судебную практику, нарушают права участников уголовного судопроизводства и снижают предсказуемость правосудия.

Кроме того, актуальность темы усиливается необходимостью поиска оптимального баланса между публичными интересами государства в борьбе с преступностью и частными интересами личности, включая право потерпевшего на восстановление нарушенных прав и право лица, привлекаемого к уголовной ответственности, на справедливое судебное разбирательство. Институт прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, будучи важным механизмом дифференциации уголовной ответственности и реализации принципов гуманизма и экономии уголовной репрессии, требует такого законодательного оформления, которое обеспечивало бы

не только эффективность правоприменения, но и безусловное соблюдение конституционных гарантий прав личности, закрепленных в статье 2 Конституции Российской Федерации, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью.

Система нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и включает: примирение сторон (ст. 25 УПК РФ), деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ), назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), истечение сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и другие. Каждое из этих оснований имеет свою специфику и условия применения.

Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях неоднократно давал разъяснения по вопросам применения данных норм. В Постановлении от 27 июня 2013 года № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъяснено, что освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям допускается при условии совершения лицом преступления небольшой или средней тяжести впервые. При этом под лицом, впервые совершившим преступление, следует понимать лицо, не имеющее неснятой или непогашенной судимости. Особое значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», согласно которым при решении вопроса о прекращении дела за примирением сторон суд обязан проверить добровольность заявления потерпевшего и факт заглаживания вреда. При этом по делам частного обвинения в случае заявления сторонами о примирении судья не вправе отказать в прекращении уголовного дела.

В современной юридической науке институт прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям является предметом оживленной дискуссии. Ю. П. Мухортова в статье «Направления законодательного совершенствования действия принципа презумпции невиновности при применении альтернатив уголовному преследованию» обращает внимание на коллизию между формулировкой «суд вправе прекратить» и принципом презумпции невиновности. Автор обосновывает необходимость замены дискреционного дозволения на императивное «прекращает» при установлении всех предусмотренных законом условий, что позволило бы исключить излишнее судебское усмотрение и обеспечить единообразие практики. Также Мухортова отмечает, что действующее законодательство не содержит четкого механизма реализации права лица на возражение против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. По мнению автора, согласие лица на прекращение дела не может рассматриваться как признание вины, однако должно быть выражено в явной процессуальной форме. Отсутствие разъяснения последствий прекра-

щения дела (включая отсутствие права на реабилитацию) нарушает право лица на информированное согласие.

Авторы Ковтун Н. Н., Ковтун П. Н. в статье «Прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности: проблемы правоприменения и пути их решения» анализируют проблему прекращения уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (истечение сроков давности). Особое внимание уделяется вопросу о том, что данное основание является нереабилитирующим, однако часто применяется без учета позиции лица, в отношении которого прекращается дело. Ковтун и Ковтун указывают, что в практике судов общей юрисдикции сложился подход, при котором прекращение дела за истечением сроков давности производится без выяснения мнения подозреваемого (обвиняемого). Авторы обосновывают, что лицо должно иметь право возражать против прекращения дела по данному основанию, поскольку такое прекращение фактически означает признание лица совершившим преступление без предоставления возможности доказать свою невиновность.

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не противоречит Конституции, поскольку государство, реализуя дискреционные полномочия, вправе устанавливать условия освобождения от уголовной ответственности. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 мая 2022 года № 20-П, прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) не допускается, если подозреваемый или обвиняемый возражает против этого, а при наличии возражений производство по делу продолжается в общем порядке. Данная правовая позиция получила закрепление в части 2 статьи 27 УПК РФ, устанавливающей императивный запрет на прекращение уголовного преследования по указанному основанию в случае возражений лица. Однако действующее законодательство не содержит процессуальной процедуры, обеспечивающей реализацию этого права: отсутствует обязанность суда разъяснять лицу его право возражать, а также требование фиксировать позицию лица в протоколе судебного заседания.

О. А. Тарнавский в статье «Степень научного осмысления проблематики, связанной с процессуальным положением потерпевшего и возмещением ему вреда» анализирует диссертационные исследования о роли потерпевшего при прекращении уголовных дел и выявляет пробелы, требующие дальнейшего изучения, такие как: недостаточная разработанность механизмов учета мнения потерпевшего при выборе основания прекращения дела, отсутствие комплексных исследований о соотношении публичных и частных интересов при применении ст. 25 и 25.1 УПК РФ, а также неразработанность критериев оценки достаточности и соразмерности заглаживания вреда.

Подводя итог изложенным проблемам, предлагается внести следующие изменения в действующий УПК РФ.

1. Внести изменения в статьи 25, 25.1, 28 УПК РФ, заменив формулировку «суд вправе прекратить» на императивное «суд прекращает» при установлении всех предусмотренных законом условий.

2. Дополнить статью 24 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: «При прекращении уголовного дела по основаниям, указанным в пункте 3 части первой настоящей статьи, суд обязан разъяснить лицу, в отношении которого прекращается уголовное дело, его право возражать против прекращения по данному основанию. Разъяснение права и позиция лица фиксируются в протоколе судебного заседания. При наличии возражений лица производство по уголовному делу продолжается в общем порядке».

3. Дополнить статью 25 УПК РФ положением, обязывающим суд при решении вопроса о прекращении дела за примирением сторон выяснять не только факт возмещения вреда, но и его соразмерность причиненному

ущербу, а также обстоятельства достижения примирения. Суд обязан опросить потерпевшего в судебном заседании с выяснением вопросов о том, было ли возмещение полным, добровольным, а также не оказывалось ли на потерпевшего давление. Данные обстоятельства должны отражаться в протоколе судебного заседания и получать оценку в постановлении о прекращении дела.

Предложенные пути решения указанных проблем носят конкретный характер и могут быть реализованы путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Комплексный подход к совершенствованию института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям позволит обеспечить единообразие судебной практики, усилить гарантии прав участников уголовного судопроизводства и достичь оптимального баланса между публичными интересами государства и правами личности, что соответствует конституционным принципам правового государства и гуманизма.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 года (ред. от 29 ноября 2016 года) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 29 июня 2010 года (в ред. от 16 мая 2017 года) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Новкунского» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Ковтун Н. Н., Ковтун П. Н. Прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности: проблемы правоприменения и пути их решения // Российский судья. — 2022. — № 5. — С. 23–28.
8. Мухортова Ю. П. Направления законодательного совершенствования действия принципа презумпции невиновности при применении альтернатив уголовному преследованию // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 3. — С. 112–118.
9. Тарнавский О. А. Степень научного осмысления проблематики, связанной с процессуальным положением потерпевшего и возмещением ему вреда // Уголовное судопроизводство. — 2023. — № 4. — С. 21–26.

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России

Никоноров Леонид Вячеславович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье анализируются ключевые проблемы противодействия коррупции в Российской Федерации, рассматриваются законодательные и практические аспекты борьбы с этим явлением, предлагаются направления совершенствования антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, законодательство, правоприменение, общественный контроль.

Current problems of combating corruption in Russia

The article analyzes the key problems of countering corruption in the Russian Federation, examines the legislative and practical aspects of combating this phenomenon, and suggests ways to improve anti-corruption policy.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, legislation, law enforcement, public control.

Коррупция — одна из наиболее острых проблем современного российского общества. Она подрывает доверие к государственным институтам, тормозит экономическое развитие и нарушает принципы справедливости. Несмотря на обширную законодательную базу и реализацию антикоррупционных программ, уровень коррупции остаётся высоким. Цель статьи — выявить актуальные проблемы борьбы с коррупцией и предложить пути их решения.

Коррупция зародилась еще в глубокой древности и продолжает существовать и в современном мире, особенно в органах местного самоуправления. Но и в других сферах управления и власти проблема коррупции является злободневной.

В соответствии с действующей редакцией Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное деяние лица, связанное с превышением служебных полномочий, направленное на незаконное получение денежных средств [4].

Проблема коррупции и противодействия ей особенно резко актуализировалась в последнее время — как в мире, так и в России. Она определена чрезвычайно высоким уровнем национальной и общественной опасности рассматриваемого социального явления. В результате коррупционных правонарушений ущемляются права, законные интересы граждан, организаций, причиняется колоссальный материальный ущерб. Коррупция, проникнув в различные сферы жизнедеятельности общества и государства, разлагает структуры всех ветвей власти, приводит к огромным потерям в экономике, снижает эффективность деятельности правоохранительных органов и спецслужб, оказывает резко отрицательное влияние на морально-нравственные качества граждан Российской Федерации. Она дестабилизирует ситуацию как в целом в России, так и в отдельных субъектах Российской Федерации [1].

Основу антикоррупционного регулирования в России составляет Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Дополнительно применяются нормы Уголовного кодекса РФ (ст. 290–291), регулирующие ответственность за взяточничество и иные коррупционные преступления.

Однако в правоприменении выявляются следующие проблемы:

1) нечеткость формулировок отдельных норм, допускающая разночтения и снижающая эффективность контроля;

2) недостаточная координация между ведомствами, приводящая к дублированию функций или пробелам в надзоре;

3) пробелы в регулировании новых форм коррупции, связанных с цифровизацией и трансграничными операциями [5].

Анализ практики показывает ряд системных трудностей:

1. Низкая раскрываемость коррупционных преступлений высокого уровня. Высокопоставленные чиновники нередко избегают ответственности из-за давления на следствие или несовершенства механизмов расследования;

2. Латентность коррупционных правонарушений. Многие случаи остаются вне поля зрения правоохранительных органов из-за страха заявителей или отсутствия действенных каналов сообщения о нарушениях;

3. Несовершенство механизмов контроля за доходами и расходами чиновников. Несмотря на обязанность декларирования, не всегда удаётся выявить несоответствие доходов и расходов;

4. Недостаточная независимость правоохранительных и судебных органов, что может влиять на объективность рассмотрения дел.

Гражданское общество является важным ресурсом в борьбе с коррупцией. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепляет право граждан участвовать в мониторинге деятельности государственных органов.

Тем не менее на практике возникают препятствия:

1) ограниченная доступность информации о работе государственных органов;

2) формальное отношение к обращениям граждан;

3) недостаточная правовая грамотность населения в вопросах выявления коррупционных схем.

Внедрение цифровых технологий в сферу противодействия коррупции открывает значительные возможности для повышения прозрачности и эффективности государственных процессов. Автоматизация государственных закупок и бюджетирования сокращает риски человеческого вмешательства, минимизируя потенциал злоупотреблений. Использование электронных деклараций и открытых реестров способствует большей открытости данных о деятельности госорганов и доходах должностных лиц, что облегчает общественный контроль. Кроме того, применение систем анализа больших данных позволяет оперативно выявлять аномальные паттерны и потенциальные нарушения, например, расхождения в финансовых потоках или подозрительные схемы в закупочных процедурах [7].

Вместе с тем процесс цифровизации несет и новые угрозы. Появляются такие феномены, как киберкоррупция, когда цифровые инструменты используются для

организации коррупционных схем. Распространение криптовалют создает возможности для проведения анонимных транзакций и передачи взяток вне традиционных банковских каналов. Децентрализованные системы и технологии распределенного реестра усложняют отслеживание финансовых операций, затрудняют идентификацию участников сделок и сбор доказательной базы для правоохранительных органов [2].

Таким образом, технологический прогресс одновременно расширяет арсенал антикоррупционных инструментов и порождает новые вызовы, требующие адекватного правового и технического реагирования.

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией целесообразно:

1. Уточнить законодательство: конкретизировать понятия, устранить пробелы, адаптировать нормы к цифровым реалиям;
2. Усилить независимость следственных и судебных органов, минимизировать политическое влияние на расследования;

3. Расширить инструменты общественного контроля:

- создать единую цифровую платформу для сообщений о коррупции с гарантией анонимности;
- развивать программы антикоррупционного просвещения в школах и вузах;

4. Внедрить передовые технологии мониторинга:

- использовать искусственный интеллект для анализа деклараций и финансовых потоков;
- интегрировать базы данных государственных органов для сквозного контроля операций.

Укрепить международное сотрудничество в вопросах экстрадиции и возврата активов, полученных преступным путем.

Борьба с коррупцией требует комплексного подхода: совершенствования законодательства, повышения прозрачности власти, активного вовлечения граждан и внедрения цифровых решений. Только сочетание этих мер позволит снизить уровень коррупции и укрепить доверие общества к государственным институтам.

Литература:

1. Васильев А. А. Антикоррупционный мониторинг как инструмент оценки эффективности антикоррупционных мер // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 5. — С. 77–83.
2. Григорьев В. В. Проблемы квалификации коррупционных правонарушений в судебной практике // Российская юстиция. — 2024. — № 3. — С. 45–52.
3. Кобец П. Н., Ильин И. В. Развитие приоритетных законодательных направлений противодействия коррупционным проявлениям в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2025. — № 5. — С. 112–125.
4. Кузнецова Т. П. Международные стандарты противодействия коррупции и их реализация в российском законодательстве // Международное публичное и частное право. — 2024. — № 1. — С. 33–39.
5. Мишкина Ж. В. Актуальные проблемы противодействия коррупции // Молодой ученый. — 2023. — № 19 (466). — С. 377–378.
6. Поляков Д. С. Коррупционная преступность в «теневом» измерении: факторы латентности и механизмы противодействия // Молодой ученый, 2025. — № 22 (573). — С. 469–471.
7. Прилепская С. К. Антикоррупционная политика российского государства: особенности ее реализации в условиях современной России // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 88–94.

Проблемы подсудности военным судам административных и гражданских дел: пути и способы их решения

Новоржевская Виктория Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Филонова Олина Игоревна, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье анализируются особенности подсудности военным судам гражданских и административных дел, проводится сравнительный анализ судебной нагрузки. Выявляются проблемы определения подсудности дел военным судам, даются авторские рекомендации по оптимизации судопроизводства и внесению изменений в законодательство.

Ключевые слова: подсудность, военный суд, гражданские дела, административные дела, защита прав.

Военные суды Российской Федерации (далее — военные суды) являются федеральными судами общей юрисдикции, осуществляют судебную власть в Воору-

женных Силах Российской Федерации и других федеральных органах, где предусмотрена военная служба [1]. Исходя из данного понятия, можно предположить, что

военные суды осуществляют правосудие в сфере военной службы, однако наличие определенных правовых норм и процедур вызывает вопросы относительно их функций и полномочий в рамках гражданских и административных дел. По нашему мнению, проблема подсудности военных судов в административных и гражданских делах является актуальной темой, требующей глубокого анализа и обсуждения.

Ст. 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) установлено, какие гражданские дела подсудны военным судам [2]. А в соответствии со ст. 18 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС) определяется, какие административные дела подсудны военным судам [3]. Объединив, вышеуказанные сведения правовых документов, а также проанализировав статью 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», делаем следующие выводы:

1. Военным судам Российской Федерации подсудны:

1) административные и гражданские дела о защите прав (возможно нарушенных или оспариваемых) и свобод, а также интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ) и иных воинских организаций и учреждений, от действий (возможно, бездействия) органов военного управления, должностных лиц ВС РФ и принимаемых ими решений;

2) дела о всех правонарушениях или преступлениях, совершенных военнослужащими ВС РФ и иных воинских организаций и учреждений;

3) дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими ВС РФ и иных воинских организаций и учреждений;

4) дела по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным военным судам.

2. Граждане, уволенные с военной службы, вправе обжаловать в военный суд действия (бездействие) органов военного управления, должностных лиц ВС РФ, нарушившие их права и свободы в период прохождения ими военной службы.

3. Военные суды рассматривают материалы о совершении военнослужащими, грубых дисциплинарных проступков, за совершение которых может быть назначен дисциплинарный арест.

4. Военным судам, дислоцирующимся за пределами территории Российской Федерации, подсудны все гражданские, административные и уголовные дела, подлежащие рассмотрению федеральными судами общей юрисдикции, если иное не установлено международным договором Российской Федерации.

Таким образом, военные суды РФ — это суды общей юрисдикции, имеющие равные полномочия в судопроизводстве относительно других судов равной иерархии в РФ, с направлением в сторону правосудия в сфере безопасности государства и военной службы.

Подсудность разделяют на родовую и территориальную. Родовая подсудность рассматривает вертикаль (инстанция). Территориальная подсудность определяется местоположением.

1. Подсудность по общему правилу — это подсудность, определяемая по месту нахождения ответчика.

2. Альтернативная подсудность — это подсудность, когда дело подсудно нескольким судам, и истец сам выбирает суд.

3. Исключительная подсудность — это подсудность, когда законодателем определен перечень вопросов, которое подлежат рассмотрению именно в этом суде.

4. Договорная подсудность — это подсудность, когда стороны сами в своем соглашении определяют тот суд, где будет рассмотрено дело.

5. Подсудность по связи — это подсудность, в которой основополагающим является уникальность рассматриваемого вопроса.

По сути, военные суды РФ созданы для защиты прав военнослужащих. И актуальность нашей темы заключается в анализе практических случаев в судопроизводстве при рассмотрении споров. Например, на кадастровом земельном участке Федерального казенного учреждения Министерства обороны РФ, в течение многих лет осуществляет предпринимательскую деятельность гражданин А, который договором аренды взял данный земельный участок у администрации города. Права ФКУ (федеральное казенное учреждение) МО РФ нарушены. Логично рассуждать о том, что данный спор должен разрешать военный суд первой инстанции, то есть гарнизонный военный суд. Но в соответствии со статьей 7 ФКЗ, и так как гражданин А не является органом военного управления, и даже если МО РФ выберет территориальную альтернативную подсудность, спор будет перенаправлен на рассмотрение в суд общей юрисдикции первой инстанции и далее судопроизводство будет осуществляться по родовой подсудности.

Кроме того, приведем примеры различных споров, при которых определение исключительной подсудности будет затруднено:

1. Если военнослужащий при оформлении в отношении него протокола об административном правонарушении не сказал, что по роду своей деятельности является военным, то какой суд будет рассматривать данное дело?

2. Какой суд правомочен рассматривать дело по иску и жалобе военнослужащего на деятельность Роспотребнадзора?

3. Какой суд правомочен рассматривать дело по иску и жалобе гражданина РФ (не являющегося военнослужащим) на деятельность командира воинской части?

4. Какой суд будет рассматривать дело по иску в отношении пенсионного обеспечения (бывшего военнослужащего)?

5. Какой суд будет рассматривать дело об административном правонарушении группой лиц, если в группе состоит военнослужащий и гражданин РФ (не являющийся военнослужащим)?

Вышеперечисленные ситуации споров, способствуют предложению оптимизации судебного сектора РФ. Для наглядности обратимся к статистике 2024 г. в судебной горизонтали РФ, то есть мы рассмотрим равные судебные инстанции РФ.

Камышловский районный суд (Свердловской области) за 11 месяцев 2024 г. в порядке гражданского судопроизводства рассмотрел 1057 дел, вынес решение по 812 делам. Состав суда — председатель суда и пять судей. Также Камышловским районным судом за 2024 год рассмотрено 374 административных дел [4]. Екатеринбургский гарнизонный военный суд: состав суда — председатель суда, заместитель председателя суда, пять судей. За 2024 г. рассмотрено всего 45 дел [5].

20–21 февраля 2025 г. в Верховном Суде РФ прошло совещание судов, посвященное итогам работы судебной системы в 2024 г. Были освещены статистические данные: «В порядке гражданского судопроизводства судами рассмотрено — 29 миллионов дел, из них 900 тысяч дел — дела, связанные с семейными правоотношениями». Суды общей юрисдикции рассмотрели 5 миллионов 800 тысяч дел об административных правонарушениях. И военными судами в 2024 году рассмотрено 13 тысяч административных, 9 тысяч гражданских дел и 39 тысяч дел об административных правонарушениях» [6].

Обращаясь к статистике на 31 декабря 2022 г. фактическая численность федеральных судов общей юрисдикции составила:

- в районных и равных им судам 15 802 судьи
- в гарнизонных военных судах 700 судей.

Используя математические приемы, мы просчитали примерную нагрузку по количеству гражданских и административных дел на судей районных судов и военных гарнизонных судов:

1. На одного судью районных судов (по административным и гражданским делам) нагрузка в год — 968 дел.

2. На одного судью гарнизонного военного суда (по административным и гражданским делам) нагрузка в год — 87 дел.

Очевидно, что распределение судебной нагрузки происходит неравномерно, и нагрузка судей районных судов превышает в одиннадцать раз нагрузку военных гарнизонных судов.

В целях оптимизации деятельности судопроизводства РФ, равномерного распределения нагрузки, и при условии, что деятельность военных судов специфична, связана с наличием уникальных знаний, предлагаем внести изменение в пункт 1 статьи 7 ФКЗ «О военных судах РФ», а именно изложить его в следующей редакции:

«1. Военным судам подсудны:

гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее — военнослужащие), граждан, проходящих военные сборы, граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений, а также **органов государственной власти, иных учреждений, юридических и физических лиц и принимаемых ими решений**».

Данное изменение позволит:

- 1) перераспределить нагрузку между судами;
- 2) расширить деятельность военных судов, сделав из его судей уникальных и унифицированных профессионалов юстиции;
- 3) сроки в отношении рассмотрения дел снизить;
- 4) совершить оптимизацию судопроизводства.

Идеальных условий в природе не существует, как и в законотворчестве, но во многом оптимизация и совершенствование судебной системы РФ лежит в руках тех, кто ежедневно инструментом права творит справедливость в российском обществе.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. — № 26. — Ст. 3170.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. — № 46. — Ст. 4532.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. — № 10. — Ст. 1391.
4. Официальный сайт Камышловского районного суда Свердловской области. URL: <https://kamyshlovsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=information> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Официальный сайт Екатеринбургского гарнизонного военного суда. — URL: https://egvs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=info_court (дата обращения: 30.03.2026).
6. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносовой по итогам 2024 года, 20.02.2025 год, Москва, Верховный Суд РФ, Москва. — URL: <https://www.vsrfr.ru/files/34239/> (дата обращения: 30.03.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 14 (617) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 15.04.2026. Дата выхода в свет: 22.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.